

Виктория КИНГ

“МАЧЕХИ”

«Мачехи» – третья книга Виктории Кинг.

До этого ею были написаны романы «Виктуар» и «Отшельница», и все вместе они составляют трилогию.

Тройственность для нашего восприятия всегда притягательна – магией числа и привычной для нас завершённой (Бог любит троицу), – но она предъявляет и права к своему создателю. Трилогия, триптих требует от автора трехкратного повторения, и не столько внешних ориентиров, имён, персонажей и географических мест, сколько истории внутренней жизни героев. Циклу нужны общие стены и единый дух как знак обжитого пространства.

Жизнь этой трилогии начинается с романа «Виктуар», зарождается в воспоминаниях, в прошлом, почти отстранённом за давностью лет и в то же время пронзительно-точном в деталях. Память не обманывает, но она во власти вольных ассоциаций, поэтому временные пласты свободно стыкуются или наплывают один на другой, образуя то более плотную, то более прозрачную ткань повествования. Возникает и тянется нить детства, «маленького» неповторимого мира, а затем стремительно разматывается дальше – в юность, в студенческие годы, в «перестройку», совпавшую со временем становления, в годы эмиграции. Казахстан, Россия, Америка географически замыкают жизнь героини от первых осознанных впечатлений до зрелого постижения себя в «эпоху перемен», на переломе двух веков и двух тысячелетий. И за всем этим взгляд в себя прежнюю, но по большей части нынешнюю, потому что прошлое возвращается через пласты прожитой жизни со всем её опытом и знаниями. В одну воду нельзя войти дважды – это не только о жизни и событиях, это и о воспоминаниях. Для героини романа «Виктуар» они как подведение итогов, как точка отсчёта перед прыжком в другую реальность, в новую «кожу». Для автора, несмотря на заявление о неавтобиографичности книги, это путь из «кокона» своего

мира - близкого, понятного, знакомого до мелочей, - в открытое пространство чужих страстей и поступков, которое просит своего воплощения, своих героев, своего сюжета.

Они появляются во второй части трилогии – живущие в знакомых нам социальных реалиях, ищущие любви и предназначения, спорящие или смиряющиеся с судьбой. Название второго романа – «Отшельница» – несёт в себе скорее не физическое, а душевное состояние. В сущности, эта книга об отшельнице-любви, которая может нас покинуть и умереть в неведомом пространстве, физически исчезнуть, оставшись лишь в глубине памяти, а может и вернуться, выйдя из пустыни незнания и темноты. Все истории, рассказанные в книге, и закручиваются вокруг линии потерянной любви двух героев, встретившихся в последний раз только уже на краю жизни. Этот рубеж, этот последний краткий миг как брошенный в воду камень: от него расходятся круги судеб остальных героев книги, разбросанных в пространстве и во времени.

В «Отшельнице» текучесть времени завораживает. Оно, в р е м я, вообще в романах Виктории Кинг предстает общим знаменателем всего происходящего. Почему героиня второго романа пишет свой дневник между строк книги о древних мифах? Почему так вольно сопрягаются судьбы людей и истории греческих богов? Не затем ли, чтобы показать нам драматизм происходящего через неизменность человеческой сути, вечных исканий души? Что бы ни происходило в мире, как бы он ни менялся, обретая всё более цивилизованные формы, внутренняя, порой тайная жизнь человека остаётся постоянной, как миф – всё те же радости и страдания, всё тот же путь познания себя. В «Отшельнице» это переплетение сиюминутно-

го и вечного, обрстая плотью и наполняясь кровью, начинает дышать, стоит только всем деталям сюжета и подробностям характеров совместиться как частичкам одного большого пазла.

И вот теперь – «Мачехи», третий роман Виктории Кинг. Несколько историй из жизни женщин, вступивших в жизнь ещё недавно чужих для них детей, тесно завязаны в общий сюжетный узел. Неожиданный ракурс повествования не сужает взгляд автора, а наоборот, освещает новые тайники души – уязвимость кровного родства, любовь – нелюбовь, испытание себя родственными связями. Семья как последняя инстанция проверяет героев на духовную прочность, на понимание истинных ценностей жизни, на способность или неспособность к любви. Они проходят через это, как по краю пропасти, наощупь, глядя с надеждой только вперёд, или прижавшись к спасительной стене, или соскальзывая в темноту необретённой близости.

В «Мачехах» – тот же калейдоскоп человеческих судеб, что и в «Отшельнице». Это только на первый взгляд может показаться, что в нём, как в детской игрушке, картинки складываются случайно. В книге, как и в действительности, всё продумано и предопределено. Нерассыпающуюся мозаичность «Отшельницы» и «Мачех» держит мысль о неслучайности всего происходящего в мире, предопределённости встреч и связей, какими бы они ни казались на первый взгляд незначительными. Даже самый «маленький», ничем не выделяющийся из толпы человек связан со всеми такими крепкими нитями взаимодействия, что любой его поступок отзывается эхом в этом мире. Для Виктории Кинг это почти постулат, оттого так естественно переплетаются в её книгах судьбы героев, разбросанных в разных временных и пространствен-

ных пластах, так легко сопрягаются разные истории и так логично закольцовывается сюжет.

...В любую книгу можно войти, как в комнату. Сначала открывается дверь – она красивая и добротная, или неказисто-хлипкая, или совсем неприметная. Взгляд упирается в стены – белые, скучные, или выкрашенные в причудливый цвет, или оклеенные дорогими обоями. Окна – закрытые наглухо или распахнутые настежь. Но главное – воздух внутри них. Он может быть душным и спёртым, или приятно-нейтральным. А может быть текучим и свежим, наполненным запахами и звуками, едва слышными голосами чужой памяти. Три книги Виктории Кинг – три комнаты одного дома, уже обжитого и наполненного собственными запахами и звуками, со своими многочисленными жильцами и историями. Дом этот открыт навстречу восходам и закатам, ветру, солнцу и дождям, а воздух в нём высок и светел...

*Ольга Амромина,
кандидат искусствоведения*

ПРОЛОГ

Людмила Аркадьевна и Люська лежали на мягком диване в гостиной подмосковной дачи. Людмила с выражением читала ребёнку сказку «Золушка». Свет настольной лампы стиля Тиффани, с большим абажуром и фиолетовыми стрекозами по краям, мягко освещал страницу книги.

Девочка внимательно слушала, смотрела на полупрозрачных стрекоз, выражение её лица постоянно менялось. Зрачки больших глаз то расширялись, то сужались, казалось, она вместе с Золушкой сбежала по ступенькам замка, потеряла туфельку и... стрекоза справа словно вздрогнула крылышками.

Девочка повернула голову к своей приёмной матери.

– Мамбаба Люд, а почему мачеха такая злая? А мачехи на самом деле живут, даже сейчас? У нас тоже? А кто они такие?

– Ну, мачеха – это вторая жена отца. Разве ты не поняла, что у Золушки мать умерла, и отец женился в очередной раз?! Я, правда, не думаю, что все мачехи злые. Есть и нормальные, хорошие женщины. Это в сказке мачеха зловредная, а в жизни может быть всё по-другому.

– А... но они где живут? – упорствовала Люся.

– Везде живут.

– Что... и в Америке тоже?

– Ну почему же нет! Конечно, и в России, и в Америке, и... в Австралии. Ладно, дорогая, время позднее, и тебе пора на боковую. Спать, спать, завтра дочитаем.

Люська послушно поднялась с дивана, забрала книжку из рук Людмилы Аркадьевны, аккуратно положила на журнальный столик, дала себя чмокнуть в щёку и направилась в спальню.

Женщина задумчиво посмотрела ей вслед. Да, у этой девчонки постоянно возникают странные вопросы, на которые иногда невозможно сразу найти правильные ответы.

«Не помню, чтобы мои дети спрашивали о мачехах...», – думала Людмила Аркадьевна, натягивая ночную рубашку. В голове возникла вереница расплывчатых образов, потом оформилась в цепочку лиц. «Так, моя бухгалтерша недавно повенчалась, а у мужа две дочери от первого брака. Значит, она мачеха. А я и не придавала значения. Никогда не было разговоров на эту тему. Если хорошо подумать, то: известная певица, несколько знаменитых актёров во втором браке, а куча знакомых бизнесменов давно развелись и женились, тогда получается...

И в самом деле, сколько мачех на белом свете? Чем они живут? Что чувствуют? Боже мой, как же я забыла, ведь Мариям, моя любимая практикантка, вышла замуж за какого-то богача из Уфы, и у него были дети. Ах, хорошая была девушка, с тонким вкусом, талантливая... из неё мог бы получиться отличный искусствовед и дизайнер. Как же она-то в мачехах живёт? Давно не звонила и не появлялась, пожалуй, несколько лет. Уфимский клиент говорил, что у неё сыновья растут...».

Людмила Аркадьевна погасила ночник и забралась в холодную постель. Накрыв голову одеялом, она часто задышала, – так скорее согреешься. «А Светка, доченька, совсем голову от этого Борьки потеряла. Поедут вместе в Гарвард. По-моему, замуж выйдет за него... станет Рыковой. Нет, паренёк неплохой... Родители разведены давно, его с братом мать одна воспитывала. Борька свою мать Катериной называет, на старый лад. Посмотришь на него, и в голову никогда

не придёт, что он из неблагополучной семьи. Ну что ж, я тоже разведёнка... Слово какое противное – не слово, а клеймо. Когда же Светка объявит о свадьбе? Всё темнит... самостоятельная, – думала Аркадьевна, – Людочку-Люську дочь хорошо встретила, да и сын одобрил. Подрастёт Люська, расскажу ей о её родной бабушке. И книжку покажу с дневниковыми записями Дарьи. Хотя, честно говоря, должна я найти в Петербурге родственников, но пока не буду, не могу я девочку сейчас отдать. Пусть окрепнет... после Нового Года в школу пойдёт. Грех на душу взяла, удочерила малышку при живых родственниках. Да они всё равно не знали и не знают о Люськином существовании».

Глава первая

КАТЕРИНА

Утро выдалось хлопотным. К одиннадцати часам Катерина Рыкова справилась с текущими делами. Освободившись, она решила заскочить домой, а потом отправиться к матери.

На дороге был гололёд. До боли в кистях ей приходилось сжимать руль автомашины. Старенькая «Хонда» опасно виляла и повизгивала на поворотах. Но, несмотря ни на что, Катерина наконец-то вырулила во двор знакомых многоэтажек и припарковалась на стоянке. Она добралась до своего подъезда, обходя сугробы с чёрными оплывами сажи на верхушках, – зимней достопримечательностью шахтёрского города. С усилием нажимая кнопки на дверном замке, Катя заметила, что номер кода кто-то опять нацарапал рядом на стенке. Прямо скажем: и смех, и грех!

Такие железные двери с секретными замками устанавливали для безопасности жильцов. Но очень скоро кто-нибудь выцарапывал на стене у входа, а то и прямо на двери, четыре заветные цифры, и любому вору или хулигану не составляло труда проникнуть в подъезд и сделать своё лихое дело.

И зачем надо было жильцам за новшество деньги платить, если они пресловутый секрет на весь мир сами сообщают!

С этими мыслями Рыкова вошла в темноту пахнувшего кошками подъезда. Привычным движением нащарила в кармане ключ и, поднимаясь вверх по ступенькам к лифту, столкнулась с высоким мужчиной. Резким движением он вырвал у неё сумку. Катерина не успела опомниться, как получила удар по голове. На

секунду показалось, что она летит куда-то в преисподнюю, громко зовёт на помощь и ругается.

В следующий момент всё исчезло.

Очнулась в полумраке, лёжа на бетонном полу. Приоткрыла глаза и пошевелилась. Боль пронзила челюсти и связала их в узел, казалось, даже лицо перекосилось, и глаза смотрят в разные стороны. «Жива. Раз больно, значит – жива. Уже лучше. Хорошо, хоть не убили. Мир совсем охренел – среди бела дня нападают! Что было в сумке? Деньги... блокнот... косметичка. Любимая розовая помада».

Скомканный анализ «ситуёвины», как выразился бы Катин старший сын Борька, вызвал мощный прилив злости.

Она поднялась на полусогнутых коленях и оглянулась. Вокруг – никого. Вытянувшись в полный рост, ощутила лёгкое головокружение. Осторожно передвигая ноги, словно заплетаясь в тенётах медленно текущего времени, Катерина доплелась до лифта. С помощью техники донесла своё бедное тело до лестничной площадки, затем доковыляла до дверей квартиры.

В коридоре Катерина рухнула на банкетку и никак не могла прийти в себя. «Может, в милицию сообщить? Матери не скажу – испугается, начнёт нервничать. Но, что же делать? Хулиганье! Бандиты. Вот ведь паскудство какое... Ничего не боятся».

С громким урчанием зазвонил телефон. Сдавленным голосом Катя ответила.

– Да. Слушаю... А, мам! Я скоро. Скоро приеду... Да... Да... Целую.

Автоматически положила трубку и разрыдалась от горькой обиды. Отплакавшись всласть, Катерина зашла в ванную и долго мыла лицо холодной водой. Стоя

перед зеркалом, она разняла пряди волос на затылке и попыталась рассмотреть шишку. Потрогала болезненное место, на кончиках пальцев остались следы крови. В аптечке обнаружила йод и, открывая склянку, нечаянно пролила его на белый свитер. На самом видном месте красовалось пятно. «Все! Любимый свитер пропал. И пальцы теперь не отмоешь! Гады!»

Испорченную вещь кинула в мусорку, переоделась и через несколько минут, побоявшись спускаться лифтом, уже сбегала по лестничным пролётам вниз. Приблизившись к первому этажу, Катерина остановилась и, сдерживая дыхание, прислушалась. От напряжения в ушах появился звон.

Стрелой промчалась через подъезд и, выскочив на улицу, не заметила, как очутилась в «Хонде». Завела мотор и рванула на скорости в сторону единственного места, где всегда ощущала покой и безопасность. «К матери, скорей!». Катерина обгоняла машины, неслась по проспекту, как бешеная.

Мать встретила её в дверях, расцеловала в обе щеки и сразу потащила на кухню. Пахло свежесдобитыми пирогами и мятой.

– Доченька, а ты говорила – вырваться с работы не можешь?!

– Мамуля, не суетись, ты же знаешь, перед Новым Годом столько отчётов, работы просто невпроворот. – Катерина старательно выговаривала слова.

– Понимаю, понимаю... Хорошо, что приехала. Я пирогов напекла – твоих любимых. Садись, садись. Как дела, доченька? Что нового? С тобой всё ли в порядке? Что-то ты бледная...

– Мам, – Катерине хотелось выпалить всё, что с ней случилось, но она оборвала себя на полуслове. – Ты у

меня странная какая-то! Я ж с тобой каждый день по телефону разговариваю.

– О текущих делах я наслышана, а чем моя дочь дышит – не знаю.

– У-у-у-у, не напрягай меня, – сказала Катя, схватила пирог со стола, жадно откусила и зажмурила глаза от притворного удовольствия.

– Что ж у тебя все пальцы... в йоде?

– Аптечку открывала, а он упал, я крышку не закрутила.

– Ох, и неаккуратная же ты бываешь!

– А... ерунда, пустяки, – отрезала дочь.

Мать неодобрительно хмыкнула, пожала плечами, подошла к плите и сняла чайник. Через несколько минут обе пили чай с ароматной мятой.

– Доченька, что ж ты крутишься лошадьё по одному кругу?

Катерина от неожиданности поперхнулась и на мгновение представила себя кобылой, прикованной к столбу и цокающей копытами... а глаза закрыты шорами. Вот уж точно – по кругу: работа – дом, работа – дом... и ещё по башке дают в прямом и переносном смысле.

– Ну, ты и сказала, мама, – только и смогла пробормотать она в ответ, еле сдерживая подступившие слёзы.

– Сколько в девках сидеть будешь? Дети выросли, почему не найдёшь себе мужичка хорошего? Чего выжидаешь? Сорок лет – и те уже улетели! Не успеешь оглянуться – в старуху превратишься!

– Да где ж его, мужичка неженатого, найти? Они на дороге не валяются...

«Какой, к чёрту, мужик, когда тут хоть бы живу быть! О чём она говорит, Господи!», – подумала Катя, подсыпая мяты в заварочный чайник.

– На дороге? А когда ты в последний раз на до-ро-гу-то выходила? В машине с утра до вечера! Ты же света белого не видишь!

– Куда же я пойду? В бар, ресторан? Одна? Не смейся меня, пожалуйста.

– А что тут плохого? Соберись с духом... Ну, выйди с подружками. В ресторане потанцуешь, может, кто и углядит.

– Мам, не морочь мне голову пустыми разговорами. В моём-то возрасте - и по ресторанам шарахаться ночью?! Не по-ло-же-но.

– Кто сказал – «не положено»? Никакого задора в тебе не осталось. Сидишь корчагой, а жизнь проходит!

– Задор, задор... успокойся, вот схожу на новогоднюю ёлку и подарки тебе принесу.

Мать прыснула со смеху.

– Вот-вот, походи хоть на новогодние ёлки, всё дело будет.

– Мам, приглашений много, но... там же молодёжь, или женатые. Холостяков не осталось, – ответила Катерина. На самом же деле ей так и хотелось закричать: «Какие холостяки, мам! Меня чуть не убили!».

Мать не унималась и продолжала говорить о знакомствах... Наконец, Катя не выдержала и сказала, что она замечательно живёт одна. Свободы – хоть отбавляй, сыновья выросли...

– Помнишь, мам, как я с ними, погодками, мучалась, иногда казалось – не выдержу. Тяжело было. А сейчас? Я на обоих снизу вверх смотрю. Высоченные. Парни – загляденье, умные, учатся, работают, и деньги у них водятся.

– Да уж, всем взяли. Не одно сердце девичье разбито. Пора бы им тоже жениться. Носятся как угорелые, а

не думают, что семью и деток заводить надо вовремя. Да разве сейчас заставишь молодых? Они от свободы дуреют.

– Да нет, мам. Молодёжь больше думает, как обеспечить семейное существование, чем мы в своё время.

– Вот, вот... Деньги, создание комфорта - помешались все на этом! Выгоды ищут, а о любви – тайком думают, когда голову к подушке прислонят. Любовь – вот что человеку силы даёт, детей и счастье, наконец.

– О-о-о. Поехали...

– Ну что – «поехали». Я говорю правду. Ту, что каждый знает, но в такие «кушары» заталкивает, что её, милую, и не найти. Деньги – хорошо, да человеческой душе тепло надобно – без него жизни нет. Плечо крепкое да слово ласковое! А это за деньги не купишь. Ты посмотри вокруг – молодёжь на сексе помешалась, скоро нагишом ходить станут, лишь бы себе партнёра денежного подхватить. И ведь не только девки, но парни туда же.

– У моей соседки сынок подцепил дамочку с деньгами, паразитом на ней сидит, сосёт её кровь без стыда и совести, – продолжила мать. – Ну, скажи-ка мне: видано ли, чтобы мужик за счёт бабы жил? И знаешь, ничем не брезгует. Она и счастлива: храпун под боком, задарила выше крыши - и квартиру ему купила, и машину, в одну из своих компаний идиота на работу устроила. И что?! Он интриги развёл, перессорил её с работниками, что верой и правдой ей десять лет служили. Представляешь?! И она ему верит – не людям своим, а е-му-у!

– Да знакомо мне всё это! – Сердито вставила Катерина. Её всегда возмущал в материнских наставлениях этот непонятный переход от нормального языка к простонародному. Вот и сейчас «плечо крепкое да сло-

во ласковое» – прямо со страниц русской народной сказки..

И никуда не денешься, приходится слушать. Мудрость народную мать демонстрировала ради блага дочери, но... если прописным истинам следовать, давно бы все в святых ходили.

– Дочь, ты у меня умная, такого не подберёшь. Лучше уж... как их там называют... эскорт?! Да?

– Да, да. Эскорт. Мальчики красивые для богатеньких дам-одиночек.

– Вот. Ему заплатила за ночку и...

– Ты хоть соображаешь, о чём говоришь? Где твои моральные принципы?

– Принципы? Они, доченька, у меня здесь, – и мать положила руку на сердце. – Только женщине не надо с кривдой в душе жить, лучше за биологическую необходимость заплатить, а судьбу себе не ломать.

– Мам! Это называется откупить проститутку. Мужик или баба – нет разницы!

– Не слушаешь ты меня никогда. Нет – слушаешь, но не слы-ши-шь!

– Мам, пироги отличные, – Катерина попыталась перевести тему разговора.

– Даже поговорить с матерью не хочешь.

– Мам, мы не разговариваем, а спорим.

– Ладно... Что за новогодняя ёлка намечается?

– Представляешь, мне приглашение пришло на губернаторскую ёлку, банкет и всё такое...

– Неужели правда?! Платье купила?

– Ещё чего не хватало! Зачем зря тратить деньги, если у меня полно тряпок?

– Да пойми ты, когда женщина покупает себе обновку, она по-другому начинает видеть окружающее. Надевает новое платье – и чувствует себя королевой!

– Хорошо, хорошо. Я подумаю. Мам, мне пора бежать.

Катерина уехала от матери со странным чувством. Такое ощущение появляется только после прихода к самому близкому человеку в тяжёлый момент жизни, о котором даже ему не смеешь рассказать. Прежде всего, не захочешь волновать дорогого тебе человека, запрячешь боль глубоко в себе, хорошо понимая – никто в ситуации не поможет, кроме тебя самого.

Она знала: мать любила её в любом качестве - плохой, хорошей, злой и доброй, прощала все Катины ошибки, жалела. Для неё дочь оставалась маленькой девочкой, которую приходилось постоянно воспитывать.

Голова от разговора с матерью ещё сильнее разболелась, а горечь, от чьего-то посягательства на Катину жизнь, нещадно пекла изнутри. Поплакаться бы старшему сыну, он бы понял.

Как-то само собой получилось, что после развода с первым мужем Борька стал для неё опорой и главным мужчиной в доме. Но мальчишка вырос, уехал в Москву в университет. Познакомился там с однокурсницей, дочкой столичного дизайнера, и влюбился. Домой появлялся редко, только на летние каникулы, но, молодец, звонил ей каждую неделю. В последний раз говорил, может, они со Светланой в Гарвард попадут, ждали подтверждения о зачислении. Было бы здорово – в наше время хороший диплом помогает.

Наощупь она нашла мобильник в сумке и, смотря то на дорогу, то на табло телефона, обнаружила, наконец, нужный номер и нажала на автоматический набор.

– Боренька, дорогой, здравствуй, сынок! Ну, что там у тебя? Да?! В Гарвард поступил! Вместе с ней? Поздравляю! Ах, какой же ты у меня молодец... Домой

приедешь? Нет... Жаль... Убегаешь? Ну, счастливо, сынок, с наступающим Новым годом тебя. Пока...

Вот и поговорила, называется! И ничего не рассказала.

Она выехала на центральную улицу. Наглые шофёры «подрезали», теснили, и так ей от этого дорожно-го хамства вдруг стало не по себе, что захотелось напиться до зелёных чертиков. «Куда бы податься? Куда поехать? К Вальке, старой подружке? Не-ет, наверное, стряпает с утра до вечера. Для неё каждый праздник - как поход на фронт, сама кулинарит, не доверяет домработнице. Да и что ей расскажешь, начнет кудахтать с перепугу. А домой возвращаться нет мочи, может, действительно поехать новое платье купить?».

- А-а-а-а, - услышала Катерина свой собственный душераздирающий крик. Очередной «Мерс» на обгоне царапнул бок «Хонды» и промчался мимо. Да что же это такое! Сумасшедший мир, и все в нём пристукнутые!

Катерина с силой нажала на газ и, догнав шестисотку, погрозила кулаком в сторону затенённых стёкол.

- Буржуй чёртов!

И вдруг её сотряс истерический хохот. Да ведь она сама - буржуйка, разве нет? Собственную компанию держит. Буржуйка...

- Жизненные проблемы надо встречать с юмором... Да-да, так веселее жить, госпожа Катерина Рыкова, - сказала она вслух.

* * *

Он сидел на берегу моря. Солнце стремительно поднималось из-за горизонта. Рассвет начинался позже обычного, и лучи палили неимоверно, оставляя ожоги на лице старика. Он сидел, не шелохнувшись.

Ждал.

Резкие порывы ветра трепали его седые волосы и обдавали палящим жаром. Песок постепенно накалялся. С моря поднималось марево.

Стало душно.

К полудню море отступило, обнажая дно, полное бьющихся от возбуждения рыб. Крабы спешно забегались поглубже в песок, который на глазах превращался в камень.

Море уходило...

Он смотрел неотрывно на воду, убегающую далеко-далеко к линии горизонта. Чувствовал, как за спиной бушующий огонь сжирал прошлое и уносил пепел в пространство.

На третий день солнце остановилось в зените. Ночь не пришла. А море всё уходило, оставляя после себя пенящиеся воронки, где ещё трепыхалась морская живность.

Он знал и ждал.

Кожа на лице и полуобнаженном теле ступела, выступающая из ран кровь засыхала на глазах.

Боль стала существованием и ожиданием.

На девятый день он сказал себе: «Пора!», – и начал спускаться, но не с берега, а с горы, в которую тот превратился. Человек шёл с устало опущенной головой, неспешно ступая босыми ногами по тверди земли, обходя гигантские выступы, остовы античных галер, останки взорванных подлодок, человеческие скелеты, сундуки с сокровищами. Странные усохшие существа морских глубин разевали зубастые пасти в последнем исступлённом усилии внезапно уничтоженной жизни.

Время и тени прошлого спрессовались в единый чудовищный мираж катастрофы.

Он спускался в долину мёртвого моря. Небо было

окутано дымом страшных пожаров, оставшихся за спиной у старика.

* * *

Иван Семёнович проснулся в поту от кошмара. Тело ломило, и мозги, казалось, выворачивались наизнанку. Образ старика колотился в голове красными вспышками. Перед глазами мелькали круги.

«Что это было? Приснится же! А обещали один стресс другим выбить. Ничего себе – выбили! Так и с ума сойти можно!».

Он резко сбросил одеяло и пошёл в ванную. Повернул кран и встал под холодный душ. Его трясло, он пытался успокоить нервы и привести в порядок лихорадочные мысли. В комнате зазвенел телефон, сквозь шум воды он слышал его тиликанье, но не было никакого желания с кем-то разговаривать.

«Что я делаю? Зачем я на это подписался? Дурью маюсь! Ведь стар уже для таких подвигов!»

Рассуждения о себе, грешном, продолжались под струей душа добрые полчаса. Наконец, он обтёрся полотенцем и оделся. Выйдя в коридор из своего люкса, он увидел на полу стопку свежих газет. Рассерженно пнул их ногой и двинулся по направлению к лифту. Спустившись на первый этаж, оказался у дверей приёмной.

Отель-санаторий был выдержан в модерновом стиле и находился в лесу. За высокой бетонной оградой его невозможно было увидеть с дороги. Запретная зона. Территория бывшей военной части, давно выкупленная предприимчивыми людьми.

– Доброе утро, Иван Семёнович! – улыбнулась секретарша в короткой юбке, со стройными ногами, обтянутыми чулками в сетку.

– Доброе, доброе.

– А вас уже ждут. Пройдёмте, пожалуйста, в кабинет. Он вальяжно проследовал за ней в офис.

– А-а-а, Иван Семёнович, дорогой! Надеюсь, вам хорошо спалось, – приветствовал его вкрадчивый голос хозяина кабинета.

– Да... спалось. Как вы думаете, а... Ну, с той - всё в порядке? – спросил Иван Семенович.

– Конечно. Мы проверили, – ответил хозяин. – Наше агентство всегда отслеживает клиентов, и трагических случаев никогда не бывает. Адреналин – на сто процентов подскочил, – так?

– Даже на все триста, – хмуро ответил Иван Семёнович.

– Ну что ж, тогда переходим к третьему этапу!

– По договору у нас охота на танках, не так ли?

– Охота на волков с танками и пулемётами, – по-военному отчеканил владелец компании. – Необходимые документы уже подготовлены.

Секретарша положила перед клиентом стопку бумаг.

– С Вас пятнадцать тысяч долларов наличными. Это последний взнос, и распишитесь вот здесь, в специальном приложении к контракту - «Ответственность заказчика». Иван Семёнович, сами понимаете, охота – дело серьёзное, – крашенная блондинка мило улыбнулась и изогнулась таким кренделем-претцелем, что так и хотелось откусить краешек и посмаковать.

Однако, на Ивана Семёновича это не произвело никакого впечатления. Он вытащил из карманов пачки долларов, бросил их на стол. Не глядя, расписался мелкой вязью и посмотрел на часы.

– В какое время выезжаем?

– Сразу после обеда, машина будет ждать у центрального входа.

– Добро.

Секретарша закрыла за клиентом дверь, повернулась и вопросительно посмотрела на начальника. Утвердительный кивок головой, и ключ тихо повернулся в скважине.

– Билеты на банкет?

– Всё сделано, – промурлыкала блондинка.

– Кажется, ты хотела новую шубу, – и он поманил её к себе указательным пальцем.

Когда Иван вышел из офиса, его подташнивало, а верхние зубы ныли той болью, от которой с души воротило.

До вчерашнего вечера он был почти удовлетворён своими авантюрами. Сыграть бомжа-попрошайку на центральной улице города было забавно. Удивляло, каким образом этой чумной конторе удавалось договориться о месте с нищими и милицией.

Целый день продрогший Иван просидел с шапкой, уговаривая и даже умоляя прохожих подать копеечку Христа ради. В основном, подавали старухи и сердобольные толстые тётки. Сновавший обезьянник торопившихся бизнесменов и шустрых, дорого одетых девчушек не желал раскошелиться.

«Эк их всех расповатило от мнимого и реального богатства! Не помнят, как их предки лыко чесали и лес валили! Совсем народ оскотинел. Болезному человеку рубля не бросят», – думал в те минуты загримированный новоиспечённый бомж, сидящий прямо на снегу. Откуда ни возьмись, проснулась в нём на морозе совесть предков-бунтарей и большевиков. Про себя он, конечно, решил, что будет теперь подавать нищим не только возле церкви, но и при всяком удобном случае. Хотя, какой там к чёрту случай: в магазины он

сам не ездит, ему домой всё привозят, по улицам не ходит, при его положении как-то не пристало. Иван чаще бродил по улочкам европейских столиц, чем по собственному городу. Но понаблюдать за народом ему было в удовольствие.

«Нет, что ни говори, здорово придумали ребята, как деньги с богатых дураков снимать. Хотя есть, конечно, в подобных забавах резон: окунёшься в дерьмо – и начинаешь явственно представлять, до чертиков в глазах, как всё брэнно в этом мире. Посидишь часик, поклянчишь у прохожих – и сразу на философский лад настроишься».

За весь день набралось у него несколько сотен рублей и пригоршня мелочи.

Ночь Иван Семёнович провёл в подвале с «отбросами общества», почувствовав на собственной шкуре, что значит быть Оливером Твистом из книги детства. И, правда, спать вповалку с вонючими бомжами – занятие не из приятных, но надо было до конца выполнять положения контракта.

Иван улёгся с краю на замызганные куски картона, рядом пристроился мальчишка лет четырнадцати. С другой стороны примостился убогий старик, покрытый какой-то ветошью, который то и дело чесался и матерился. Пацану стало плохо ночью от передоза, и он блевал прямо на голову Ивана. Хорошо – сугробы во дворе. Иван Семенович вырвался из подвала на простор и катался в снегу с остервенением. Еле до утра дожил. Но – вытерпел, хоть и ублюдочно на душе стало!

А вот поиграть в бандита не получилось, нервы не выдержали, так что второй этап пришлось форсировать.

Теперь предстоит третий, последний. Охота. Может,

необычность происходящего взбодрит его, поднимет тонус. С берданкой он хаживал раньше на уток, но стрелять волков ему ещё не приходилось. После обеда, облачившись в военное обмундирование, Иван с нетерпением ждал выезда.

В лесу, куда они приехали на старом газике, на обширной поляне стояли три танка старого советского образца и две бронемшины. Вокруг толпились молодые ребята и пожилые бодрые мужички. Водка ходила по кругу, и в послеобеденном воздухе стояла разногласица мата, хохота и скабрёзных шуток. Ясно, что в погоне за острыми ощущениями Иван был не одинок.

– Новоприбывшим салют и чарка, – протягивая стакан, сказал пожилой, но крепкий мужик в высоченных, подшитых пимах. Он лукаво улыбнулся, оценивая новичка цепким взглядом.

Иван Семёнович взял стакан и одним махом его опустошил, всем видом показав, что не лыком шит.

– Как вас величать?

– Иван.

– Тимофей Петрович, – важно представился мужик и, оглядев всех присутствующих, громко объявил, – инструктаж по облове и стрельбе даст Николай. Давай, парень, – кивнул он егерю, – объясняй доходчиво.

Молодой человек по имени Николай сразу преобразился и поставил бутылку из-под водки на гусеницу танка.

– Значит, так... Мы обложили волков по кругу в два с половиной километра. Привадили их падалью на взгорке, для облегчения так называемой «охоты с флажками на волков по белой тропе», – и он показал куда-то вдаль. – Большой запас падали заставляет хищников держаться одного места и не уходить с тер-

ритории. Бдительность у сытых волков притуплена. Да... Волки привыкли к танкам, от шума техники не убегут. Военная часть здесь испокон века стоит, мг... стояла, так что и стрельбы не очень испугаются. Весь загон отмечен красными флажками.

– Расскажи им про правила охоты, – попросил Тимофей Петрович.

– Правила нехитрые. Между каждым стрелком, то есть танком, расстояние не должно превышать шестидесяти метров. Стрелять будете только по зверю, который выйдет на вас... Если подранили, то добивать лишь в случае, если животное побежит. После окончания охоты - а Тимофей Петрович даст нам знак, - всем разрядить оружие. Поняли? Тогда по коням!

Иван Семёнович потом пытался вспомнить, как проходила охота, но единственное, что осталось в памяти - это kloкочущая кровь в жилах и обжигающий щёки мороз.

Его волк выскочил на расстояние выстрела только к концу облавы.

В тот момент Ивана будто подменили. Он орал во всё горло, расстреливая волка с башни танка, и никак не мог попасть в него. Приклад отбивал плечо, и на минуту показалось, что с матёрым справиться не удастся. Волк бросался из стороны в сторону, и всё же один из выстрелов его зацепил. Хищник подпрыгнул в последний раз и кубарем покатился по снегу, оставляя кровавый след.

Танк затормозил и замер. Иван Семёнович спрыгнул с гусениц и подошёл поближе к мёртвому зверю. Его замутило от терпкого запаха крови и вида вывалившихся кишок. Хорошо, водку поднесли вовремя. На вопрос, не нужна ли ему шкура, он наотрез отказался.

Нет, нельзя кривить душой перед самим собой, Ивану понравилось охватившее его состояние бешено-распалённой страсти.

Всей компанией, прямо на снегу, разбили бивуак. Свежевали убитых волков, а их набралось - ни много, ни мало, - шесть штук. Каждый охотник хвастался своими подвигами, пожилые егеря в ответ ухмылялись. Холодная водка разогревала желудки. Мужчины заедали её салом с чёрным хлебом. За разговорами и поднятием тостов не забывали раскладывать остальную снедь на импровизированном столе.

В наступивших сумерках рассказы егерей прерывались страшными историями о лесных оборотнях. Мужская компания наслаждалась. Уже прощаясь, Ивану всё же вручили на память жёлто-серый клык убитого им волка. Он засунул талисман в нагрудный карман рубахи. Вернувшись в гостиницу ночью, сразу же уснул и не вставал до полудня.

Контракт по снятию стресса был выполнен полностью. Предприятие по предоставлению таких специфических услуг заработало свои тысячи баксов, а обещающий взрыв адреналина в жилах заказчика мучил его головной болью на протяжении нескольких суток.

Отныне о его экстремальных авантюрах будет напоминать лишь небольшая коробочка, обтянутая голубым бархатом, которую он увёз с собой. В ней покоились трофеи Ивана Семёновича: клык волка, розовая помада и медный советский пятак 1963 года, брошенный хромой старухой в его шапку на углу улицы Кирова.

Иван вернулся совершенно разбитым после своих походов. Дом встретил пустотой и тишиной. Он жил один. Затянувшийся бракоразводный процесс

шёл бурно. У Орлова было два сына тринадцати и пятнадцати лет. Его бывшая приложила все усилия, чтобы оставить детей себе до их совершеннолетия. Копья ломались, в основном, из-за отторжения имущества и дележа акций многочисленных компаний, названия которых Иван Семенович вспоминал только при получении ежемесячной зарплаты как генеральный директор оных.

Бизнес процветал, было затрачено много сил и изобретательности, чтобы поднять его, и Ивану казались несправедливыми посягательства супруги. Он хотел разойтись полюбовно, предлагал ей миллионы, но она стремилась получить не только куш сегодня, но и дивиденды в будущем. Адвокаты стоили немало, но тяжба никак не заканчивалась и длилась больше года. Всё это изрядно изматывало и не давало спокойно жить.

Первым делом Иван проверил автоответчик – поступило двадцать четыре сообщения. Нажал на кнопку прослушивания – половина звонков от адвоката, остальные от когда-то любимой женщины. Бывшая жена напоминала о потерянном три года назад колье, просила поискать его в загородном коттедже, а лучше – послать ей ключ, чтобы она сама там всё обыскала.

«Понятно! Еще не все вещи вывезла. Когда же ты успокоишься, вздорная баба!» – возмутился Иван Семенович, стёр сообщения и плюхнулся в кресло.

Сумерки наступили быстро, и в полумраке комнаты стало тоскливо. Он прикрыл глаза. Дурацкий сон, приснившийся в гостинице, не давал покоя. Да, видение – как нельзя в руку. Что и говорить, он помнил ещё времена, подобные безбрежному тёплому морю, когда и любовь в доме, и успех – всё грело душу. Родились и подрастали сыновья. Потом вдруг всё рухнуло. Сам виноват. Зарвался и заврался.

Завёл флирт с секретаршей... Во что-то серьёзное это не превратилось... Не собирался он оставлять ради неё семью. Но слухами земля полнится – и... жена не простила, ушла и увела детей. Как ни пытался заглядеть вину, ничего не получилось.

«А, отдам половину, спокойней спать буду! – решил он неожиданно. – Так дальше продолжаться не может. Скорей уж развод оформить, и делу конец. Завтра же дам задание адвокату». С этими мыслями Иван Семёнович отправился спать. Впервые за долгое время сон его был безмятежным.

В шесть утра он соскочил с кровати свежим и отдохнувшим. Кто-то, может, и скажет: эка невидаль! Но для него ощущение бодрости было утеряно много лет назад. Все последние годы – жизнь на «автопилоте», дикая загруженность и работа сутками то и дело давали о себе знать.

Орлов не особенно увлекался спортом, хоть и был крепкого сложения, что называется - в соку. Но сегодня Иван вдруг приступил к зарядке: покачал пресс, отжался несколько раз от пола, покрутил руками, поприседал. Наконец, вспотев и почувствовав внезапный прилив сил, с удовольствием принял душ.

Навязчивый мотив популярной песенки неотступно следовал за ним. Иван развеселился, вспомнил вдруг дни молодости, когда он с самого утра устраивал распевки, докучая соседям по общежитию. Сколько же лет ему и в голову не приходило напевать спозаранку?! Настроение поднялось, даже лицо помолодело, и, приехав на работу после недельного отсутствия, он заметил, как заинтригованные подчинённые провожали его удивлёнными взглядами.

За неделю он оформил развод. Бывшая жена нашла пропавшее кольцо в коттедже, обрадовалась дополни-

тельными средствами, предложенным в виде отступного, никак не связанного с официальным разделом имущества. Она изумилась разительным переменам в его поступках и, довольная, даже разрешила ему посещать сыновей три раза на неделе. Иван Семёнович был счастлив и в знак особой благодарности выписал адвокату премию.

Город и окружающие бурно готовились к встрече Нового года. Все вокруг носились с подарками и деликатесами, постоянно перезванивались, договариваясь, где и с кем встречать праздники. Женщины вытаскивали из сумок наряды и показывали их друг другу, обсуждали распродажи в бутиках. Каждой хотелось иметь платье до пола, с «блестючками» и вырезами до пупа, или на пол-спины. Раньше, во время оно, приятельницы Ивана по университету и мечтать не смели о таких фасонах. А сейчас его сотрудницы хвастались тряпками, стоимость которых превышала годовичную зарплату. Хотя у него на производстве и платили хорошо, но всё равно он удивлялся – откуда у них столько денег?

Партнёры и немногочисленные друзья приглашали его на праздники к себе, но он отказывался. По долгу службы и для соблюдения своего общественного статуса ему необходимо было посетить губернаторский новогодний бал.

31 января, надев фрак и белую накрахмаленную рубашку (её воротник натирал шею), Иван Орлов поехал на торжество. Сама идея этих балов ему не нравилась. Этаким костюмированный спектакль с подтекстом «голубая кровь». Вспомнил, как его собственная секретарша убеждала взять частного учителя танцев и выучить полонез с мазуркой, – на балу надо выглядеть

прилично и показать «класс» молодым. Вальс-то, слава Богу, он умел танцевать!

Мысль об учителе танцев навеяла образ смешно подпрыгивавшего на сцене Фрике в опере «Пиковая Дама», которую он слушал в Большом лет пятнадцать назад.

«Просто фарс какой-то! В моём возрасте я ещё только польки не танцевал, – возмущался он про себя. – Напридумывают невесть что! С другой стороны, конечно, где в провинции молодым богатым отрокам развеяться? Может, и мне какая-нибудь а ля Наташа Ростова встретится? А что? Я теперь свободная птица – Онегин, да и только! Половину состояния я все-таки сохранил, так что богатенький теперь жених. Э-хе-хе...».

В общем, не в лучшем настроении ехал он на бал.

Большой колонный зал губернаторской резиденции встретил бравурными звуками полонеза. Что ни говори, но дух захватывало от красоты русских женщин в бальных платьях, медленно плывущих под звуки Шопена. Но, в основном, танцевала молодёжь, и только когда начался вальс, в круг танцующих стали вливаться пары пожилого возраста.

Иван Семёнович медленно прохаживался по периметру зала, благосклонно кивал знакомым, брал с подноса «посольские бутерброды» – то есть на один укус, и шампанское, благо, Щелкунчики, так он обозвал официантов, одетых под оловянных солдатиков (очень похожих на тех, из балета Чайковского), – крутились возле ног без устали. И, вспомнив Петра Ильича дважды за один вечер, чуть не поперхнулся, – он никак не мог понять, чего же это его на классику-то повело...

Дамы и кавалеры обменивались мнениями – и о чем? О политике? Бизнесе? Новых книгах? Ничего подоб-

ного – о детях, кухне и прислуге. Краем уха Иван Семёнович прислушивался к разговорам. Рядом с ним щебетали две дородные матроны в декольтированных длинных платьях от известных кутюрье.

– Смотрите, как мой Мишенька грациозно танцует с Леночкой Ковалёвой.

– Прекрасная пара! Все ж она в Сорбонне учится, Франция на неё повлияла, а у вашего такие манеры, просто молодой граф!

– Я не нарадуюсь, глядя на Мишеньку, а ваша – прямо принцесса из сказки. Как нежно она прижалась к Андрею Потанину!

– Деточка так волновалась! Домработница плохо отгладила воланы, и Оленька до слёз расстроилась.

– Но это же совсем незаметно!

– Что вы?! Это другое платье, супруг позвонил куда надо, – бутики открыли, и платье нашли... сами понимаете. Приличная прислуга в наше время – большая редкость!

– Да... да.

– Как вы думаете, чем они нас кормить будут?

– А вы не знаете?

– Нет! Правда, мне говорили, подадут севрюгу фаршированную и...

– Диких кабанчиков в серпантине из ананасов, наштигованных черносливом под соусом из...

– Ах, это же Степан Ильича, губернаторского шеф-повара, секретный рецепт...

Вот такая болтовня раздавалась со всех мест, голова сливались в единый гул, напоминающий пчелиный рой.

У Ивана Семёновича засосало под ложечкой. Он не на шутку проголодался, бутерброды не спасали и, чтобы заглушить разыгравшийся аппетит, отправился в

курительную. Едкий дым ударил в нос. Мужчины, разваливаясь в креслах, прикидывали стоимость очередной сигары, закуриваемой соседом, дискутировали о качестве табака, повышении цен на нефть и куда покатится рынок ценных бумаг.

– Иван Семёнович, проходите к нам! – пропорол сигарно-дымные облака срывающийся дискант господина из местной администрации.

Из внутреннего кармана фрака Иван вытащил пачку «Парламента». Закурил сигарету, но ему тут же предложили несколько сигар на выбор и бокал коньяка.

Наконец, раздался звук гонга, и все потянулись в банкетный зал к торжественному столу. У каждого имелся свой номер места, где надлежало сесть.

Иван оказался рядом со знакомым банкиром и его супругой, стул справа оставался не занятым. Разговор не клеился – вялые замечания по поводу льгот на долгосрочные кредиты прерывались длинными паузами. За спиной зашелестело платье – Иван почувствовал чьё-то присутствие.

Обернулся – очаровательная женщина! Короткая стрижка обрамляла узкое лицо. Серо-голубые глаза. Двойная нитка серого крупного жемчуга на шее придавала особый блеск её взгляду, шёлк стального цвета подчёркивал округлые формы. Она произнесла отрывистое «здравствуйте», Иван Семенович задержался с ответным приветствием всего-то на миг, но этого было достаточно, чтобы соседка с долей сарказма над избитостью фразы пожелала всем и никому: «С наступающим вас, господа!». Банкир, нагнувшись, с улыбкой откликнулся: «С праздником!», и только потом Иван Семёнович промямлил что-то вроде «Новогодпраздником!», от чего сконфузился, но тут же взял себя в руки.

– Давайте познакомимся...

– Я знаю, как Вас зовут, – ответила незнакомка и показала на табличку с его именем.

Иван, в свою очередь, прочитал её имя и кивнул головой.

– Очень приятно! А... Вы любите светские разговоры?

– Ничуть, – кокетливо тряхнула она волосами.

– Я тоже их не люблю. Как Вам здесь нравится?

– Очень симпатично, с помпой, вот только вода и соки на столе в пластмассовых бутылках.

Иван удивился её замечанию и сразу отметил пластмассовую несуразицу рядом с дорогим шампанским, коньяком и винами.

– Да...

– Не досмотрели, – продолжила она.

– Не досмотре-е-ли.

Вскоре подали закуски, а перед горячим вышел Дед Мороз со Снегурочкой и под бой часов громогласно провозгласил наступление Нового года. Конечно, без красивых и длинных речей высокого начальства не обошлось. Звон бокалов сочетался с трелью и вибрацией мобильных телефонов. Кое-кто их не отключил и беспрестанно отвечал на звонки с поздравлениями.

К двум часам ночи Иван со своей соседкой уже непринуждённо болтали о всякой чепухе, выходили вместе курить, танцевали танго - да-да, после полуночи звучала уже другая музыка, а молодежь перебралась в дискотечный зал.

Он забавлял её небылицами, в которые она упрямо не хотела верить. Когда рассказал, что ещё несколько дней назад был нищим и собирал в шапку милостыню, в ответ на это она захохотала, погрозила пальчи-

ком, который Иван успел перехватить и поцеловать. Женщина руки не отдернула. Встретившись взглядом с её глазами, он увидел, как они потемнели, и в этот момент Иван почувствовал странное тепло в груди.

– Вы когда-нибудь бывали в замке Хёрста в Калифорнии? – спросил он.

– Нет.

– У него огромная столовая с гигантским, на пол стены, камином. Столы узкие, но длинные. Если помните, он был газетным магнатом Америки. К нему приезжало много гостей: писатели, актёры, бизнес-элита. Был такой негласный закон дома, который неукоснительно исполнялся. Только что появившийся гость садился рядом с Хёрстом, а на следующий день вечером, за ужином, все сдвигались на один стул в сторону камина, только хозяин и хозяйка оставались на своих местах. Гигантский очаг растапливали каждый день, невзирая на погоду. Ровно через месяц, постепенно перемещаясь, в конечном итоге, гость оказывался около горящих поленьев. Долго сидеть там невозможно. Обычно, не дожидаясь конца ужина, приходилось прощаться и уезжать.

– Вы намекаете, что мы долго тут сидим? – и она оглянулась по сторонам.

– Хотите со мной встретить Новый Год по московскому времени? Только мы вдвоем?

– А...

– Я один, и разведён к тому же, у вас тоже я не заметил обручального кольца.

– Я не замужем.

– Поедемте!

Она посмотрела на него, слегка нахмурив брови, и, озорно улыбнувшись, ответила:

– Поедемте, почему бы и нет!

Дома, в прихожей, Иван притянул её к себе, помогая снять шубу.

– Только один поцелуй, один!

Её губы приоткрылись – и поцелуй получился робкий, юношеский, и оттого ещё более трепетный.

За окном шёл снег, в комнате мерцал свет свечей, их пламя колыхалось от дыхания и сдавленных стон влюблённых. Шёпот загадочно парил среди теней в гостиной. «Ты веришь в любовь с первого взгляда? Любимая... мечтал её встретить когда-нибудь! Я тоже. ...Катюша, такое чувство, что я знаю тебя всю жизнь... Странно, но я тебя чувствую всего, всего до последней клеточки. Знаешь, какие у тебя крепкие мышцы на спине, Иван? Нет. – Катерина провела рукой по его плечам, – они теперь тоже мои. Пусть так... это безумие. Да... Выходи за меня замуж... Хорошо... Иван, а ты потом не пожалеешь?... Нет Катя, не пожалею, у нас будет уютный дом и большая семья».

Орлов притянул её к себе и подумал: с этой женщиной, за несколько часов, он прочувствовал такую правду, такую глубину чувств, о которой когда-то мечтал в юношеские годы. Будто и не было зрелого мужчины, не было успешного бизнесмена – с ней словно исчез опыт прожитых лет...

«Я буду делать тебе завтраки, ты любишь оладушки по утрам? Да. Я буду каждый день возвращаться к ужину. Но ты же занят... Работа... и... Нет. К тебе, Катя, я буду возвращаться и днём на обед, я буду работать с девяти утра до семи вечера. Не может быть! А командировки? М-м-м... ты права. С этим мы разберёмся позже. А сегодня поженимся! Но ведь первое января, и ЗАГСы закрыты! Подожди!»

Он протянул руку, нашарил телефон под разбросан-

ной одеждой и набрал нужный номер.

– Сергей, позвони Ирине Дмитриевне, – строгим голосом сказал Иван Семенович, – она с Егором Борисовичем встречается... Скажи, я женюсь сегодня... Да, да, не ослышался... Договорись на три часа дня...

Прикрыв трубку ладонью, повернул голову к ней:

– Какой у тебя размер кольца?

– Шестнадцать с половиной.

– Да, – продолжал давать распоряжения Иван, – найдите обручальные кольца, размеры шестнадцать с половиной и восемнадцать. Белые розы доставить домой. Закажи ужин на двоих на шесть вечера в моём любимом ресторане. Ты и Витя будете свидетелями, оденьтесь поприличней. Всё! - И Иван Семенович отбросил мобильник в сторону.

– Ты – сумасшедший! – Замахала на него Катерина. – У меня нет платья и взрослые люди так, как мы, не поступают!

– Я люблю тебя. И под венец пойдёшь в моём любимом сером платье! – обнял он её.

– И я люблю тебя, родной! Но ведь это единственное платье, которое ты видел на мне.

– Телохранители будут нашими свидетелями.

– Ангелами-хранителями!

– Да... Я чувствую себя мальчишкой, все прожитые годы – как в тумане...

– Мы сторим в аду.

– Нет!

В три часа дня под сводами центрального ЗАГСа прозвучало:

– Екатерина Владимировна Рыкова, согласны ли вы взять в мужья Ивана Семёновича Орлова?

– Да, согласна.

– Иван Семёнович Орлов, согласны ли вы взять в жены Екатерину Владимировну Рыкову?

– Да, согласен.

Казалось, сама любовь, распластав невидимые крылья над данниками испепеляющего чувства, изрекла хорошо поставленным голосом служащей дворца бракосочетаний:

– Объявляю вас мужем и женой...

Заведующая ЗАГСа Ирина Дмитриевна, закрывая за собой двери на ключ, подумала, что эта пара проживёт долго. За двадцать лет работы она повидала десятки тысяч молодожёнов и почти всегда могла определить по виду: будут вместе до гроба или вскорости разбегутся. «Безумство любви непредсказуемо, – дай Бог им выдержать!».

Мысль оборвалась. Ирина Дмитриевна, зевнув, забралась на заднее сидение машины и поехала домой.

Глава вторая МАРИЯМ

Мариям завела тесто. Она всегда сама делала домашнюю лапшу, хотя в доме был повар и достаточно прислуги. Вокруг неё постоянно суетилось множество народа: горничные, няньки-мамки для младшего сына, садовник, шоферы, поставщики продуктов, телохранители, от чьих глаз невозможно скрыться ни в одной комнате. К этому окружению пришлось довольно долго привыкать.

Ей, молодой женщине из семьи потомственных уфимских учёных, поначалу богатство и огромные возможности, связанные с положением её мужа, были в новинку и тешили самолюбие.

Она – третья жена Карима, и за первые годы совместной жизни родила ему двух сыновей. У него – взрослые дочери от первых браков, и эти «девицы», так называла их про себя Мариям, с самого начала жили с ней под одной крышей. Младшую, наконец-то, недавно выдали замуж, пристроили в приличную семью, а вот старшая... Капризная, раздражительная, постоянно наушничает Кариму, с ней тяжело.

Мариям поправила белый платок на голове и посыпала стряпню мукой. Тесто нужно хорошо выкатать, за это умение её очень хвалила свекровь – полная старуха с поджатыми губами, жалующаяся на все добавляющиеся болячки и припадки. Каждый год старая ездит на воды во Францию.

Да, свекровка её не любит, да и как любить, ведь Мариям – татарка, а они (!) из уважаемой башкирской семьи.

«Я могу и по-башкирски говорить, но кровь у меня чисто татарская – оттого она меня и ненавидит, хотя глупой меня не назовешь. Училась в Москве на искусствоведа, окончила институт с красным дипломом. Но разве с такой профессией можно деньги “делать”? Вот и стала домохозяйкой, женой олигарха. Сижу, запертая в четырех стенах. Ну, может, не совсем в четырех, а в двадцати пяти. Всем обеспечена – только одной обuvi пар сто. А на душе муторно...»

Мариям мельком взглянула на обручальное кольцо с бриллиантом, которое облипло тестом и как-то в один миг потускнело. Четыре карата уже не лучились и не бросали радужные блики по гигантской кухне, обставленной ультрасовременной техникой.

Какую сжигающую страсть испытывала она когда-то к Кариму! Любовь ворвалась в жизнь Мариям на последнем курсе университета. Карим познакомился с ней в ресторане. В тот же вечер увёз к себе в гостиницу. С той ночи у Мариям словно рассудок помутился: не спала, не ела – ждала его командировок в Москву.

Самые счастливые моменты оказались связаны с гостиничными номерами в разных городах и странах. Там он был её... и принадлежал ей. Вдвоём им было весело и интересно. Лондон или Париж – не имело значения. Нет, конечно, днём, когда он встречался со своими партнёрами по бизнесу, Мариям ходила по музеям, ездила на экскурсии, но в поздних сумерках она как бы таяла в его объятиях и замирала в истоме неуёмных ласк.

На свадьбу пригласили пятьсот человек, из которых она знала не больше десятка. Подарки – один дороже другого. Свадебное путешествие на Канары...

Переехала в его дом... дом, который сразу стал чужим и холодным. Постепенно её Карим исчез, растворился

в ежедневной суете. Изредка проявлял внимание, вяло интересовался: «Как дела? Что нового? Как дети?»

Раз в месяц мучил её спонтанным, с запахом перегара, «послебанкетным» сексом, а потом громко храпел и не слышал её безмолвного плача. Слезами, что катятся без рыданий из широко открытых глаз, она гордилась, их никто никогда не видел, разве что тьма ночи.

«Девять лет живём вместе. Девять самых долгих лет, – как будто время превратилось в мазут и медленно стекает в резервуары разобщения. Чёрт знает что! Получается, быть любовницей лучше, чем женой! Интересно, у всех жен богатых такие же проблемы? Мужа не вижу – занят бизнесом. Я – не в счёт. А, может, у него есть кто-то, и я его более не интересую как женщина?».

Тесто, раскатанное на большие лепёшки, легко поддавалось острому ножу. Немного погодя тонко нарезанная лапша уже подсыхала на столе. Мариям запускала её в жирный бульон и шёпотом приговаривала:

Ества-лапша, тобой я мужа ублажу,
Ворожбу-нужду в его чашку положу,
Ты поешь, друг мой, и, ложась на покой,
Вспомни жёнку свою, полюбися со мной.

Полюбися со мной, будто с первой весной,
Примириися с судьбой, словно небо
с землёй,
Не ярись, не томись, ко мне душою
вернись,
Не ершись, не страшись - ко мне
с сердцем явись.

Бульон закипал, Мариям медленно помешивала варево и потемневшими глазами смотрела в глубину кастрюли. Она пребывала в полугипнотическом, расслабленном, состоянии.

«Главное, чтобы желание было сильным», – так сказала ей бабка Соня. Старая ведунья знала много приговоров и наговоров, Мариям её побаивалась, хоть и не очень верила во все эти премудрости. Но что ни сделаешь из-за любви, на что только ни отважишься ради семейного лада!

Похлебка готова, теперь остаётся одно - накормить ею мужа.

– Карим Ильясович приехал!

Неожиданный крик охранника во дворе заставил Мариям вздрогнуть. Что-то рано! Засветло домой явился, на него не похоже... Случилось что или приболел?

Она побежала переодеваться в легкие джинсы и свежую кофточку. Возвращаясь из гардеробной, столкнулась с мужем у просторной гостиной.

– Карим, ты уже дома, как хорошо! – Мариям попыталась прильнуть к его груди, но он легонько отстранил её от себя.

– Да, приехал сменить рубашку, у меня важная встреча.

– А... я сварила твой любимый суп. Думала, может, покормлю тебя, посижу рядом.

Лицо Карима просветлело:

– Сама кухарила! Ай да Маша, ай да Мариям Айдаровна!

– Не язви, как будто я никогда не готовила для тебя!
– не сдержав своего возмущения, сказала она.

– О-о-о, не нервничай, – с усмешкой ответил Карим и проследовал мимо неё по коридору в другую половину дома. Мариям так и осталась стоять в две-

рях гостиной, затем прошла в комнату и нехотя приземлилась в глубокое кресло, машинально включила телевизор. Через несколько минут услышала краткое «пока!» и звук отъезжающей машины.

«Вот и поговорили, пообщались, поужинали», – со злостью подумала женщина.

В комнату заглянула Саня, старшая падчерица. Схватила со столика глянецовый журнал с фотографией певичек из модной группы на обложке и, не произнеся ни слова, удалилась. Мариям невольно вздрогнула: «Не устаивает разговора! И как же меня угораздило в двадцать пять лет стать мачехой! Уж никак не предполагала до замужества, что в семье Карима столкнусь с вражеским станом».

Отношения с падчерицами не сложились с первого дня, особенно со старшей. Наверное, потому, что были они с мачехой почти ровесницами. Разница всего-то в семь лет! На сегодня Саня двадцать семь, а Мариям исполнилось тридцать четыре.

Было время, когда Мариям пыталась их задобрить, покупала подарки, подбирала новую одежду. Но любовь детей не купишь. Она либо есть, либо её нет. Ко всему прочему, девицы сразу же заревновали её к отцу, даже подглядывали в спальню. А уж когда она ходила беременной, то в её сторону и смотреть не могли.

Сразу после рождения первого сына Мариям случайно подслушала разговор младшей дочери мужа, Муслимы, с Каримом о деньгах и активах компаний, которыми он владеет. Да, появился наследник, и все сразу всполошились! Вопрос наследства волновал больше, чем маленький брат. Карим тогда успокоил дочь.

– Все мои дети поровну получают то, что после меня останется!

По телевизору показывали новости за неделю. Мариям слушала вполуха, и вдруг насторожилась – в Москве взорвали офис крупной компании. Страшные кадры с развороченными авто, трупами и кровью на мостовой, пустыми, почерневшими глазницами окон, ужасали.

Взрывы прогремели в здании Людмилы Аркадьевны (!) – дизайнера, Мариям у нее проходила искусствоведческую практику. В этого человека невозможно было не влюбиться, работавшие с нею студенты буквально боготворили её. «Господи, жива ли она?» – мелькнуло в голове, но в следующую минуту Мариям увидела на экране Людмилу Аркадьевну. «Какой кошмар, прямо перед Новым годом! Хорошо, что она не пострадала!» – взволнованная Мариям вскочила и заторопилась в свою комнату к телефону.

В старой записной нашла номер Людмилы Аркадьевны и несколько раз попыталась связаться. Отправила две эсэмэски. Но – безуспешно.

Вконец расстроившись, с мобильником в руке, почему-то бросилась бежать на кухню. Там она увидела, как Саня мирно уплетает суп, любовно приготовленный для Карима.

– Неплохо получилось, вкусно! – ухмыльнувшись, похвалила Саня.

– Кушай на здоровье! – только и смогла ответить Мариям, резко развернулась и вышла.

Телефон завибрировал. На табло высветился текст от Людмилы Аркадьевны: «Страшное позади. Я дома. Не волнуйся». Это немного успокоило Мариям.

Внезапно она осознала: старшая падчерица поедала «замороженную» лапшу!

Суеверный страх перехватил дыхание, тело тут же взмокло, руки затряслись. «Ой, что же будет?» – ужаснулась Мариям.

Теперь она в спешке набирала номер бабки Сони.

– Хоть бы старуха дома оказалась!

Бабка ответила, и Мариям, запинаясь, шёпотом сказала о случившемся. На том конце провода послышался скрипучий смех:

– Ну и натворила ж ты, девочка! Теперь и не знаю, чем помочь. Одно скажу, – может, отношение к тебе мужней дочери к лучшему переменится, или она совсем озлобнет. Поживем – увидим!

«Ничего себе – успокоила! Какая же я идиотка, ворожкой занялась, мало мне других проблем, совсем голову потеряла!»

Рассердившись больше на себя, чем на ворожею, Мариям в сердцах швырнула телефон, и тот развалился у неё на глазах.

«Господи, что за день! Взрыв у Аркадьевны, падчерица ворожбу-лапшу сожрала, нет, я схожу с ума!»

– Мама, мама, наконец-то ёлку привезли! Она такая огромная, пушистая, смотри, охранники её вдвоем еле-еле тащат! – Оба сына, Равиль и младший Фархат, вприпрыжку, крича от восторга, пробежав через гостиную, ринулись вниз по лестнице в вестибюль. В дверной проём с усилием протискивались мужчины с красавицей-ёлкой дивного роста.

Мариям заторопилась вслед, подумав: «Будет чем заняться и отвлечься!»

– Осторожно, осторожно, не поцарапайте паркет, – она покрякивала на обслугу и показывала, где установить дерево. – Поднимайте наверх и поставьте в углу гостиной, справа от камина.

– Мам, а где игрушки? – наперебой спрашивали сыновья.

– Узнайте у Лизы!

Но Лизе, главной домработнице, не надо было напо-

минать, вскоре она появилась с коробкой, наполненной новогодними украшениями.

Осторожно приставили ёлку к огромной крестовине. Спустя несколько минут она стояла во всей красе, упираясь вершиной в потолок. Дом наполнился благоуханием хвои.

Остаток вечера провели в радостных хлопотах, наконец, на ёлке вспыхнули разноцветные огоньки, и ощущение наступающего праздника разлилось по всему дому.

Мариям с трудом уговорила сыновей пойти спать. Укладывая в постель и поправляя одеяла на каждом, она гладила их чёлки и целовала в щёки.

У братьев были отдельные спальни, ей приходилось бегать из одной комнаты в другую и договариваться, кому первому она будет петь колыбельную или сочинять очередную сказку. Несмотря на то, что Равилю уже восемь лет, он капризничал, как маленький, и требовал внимания больше, чем Фархад. Вот и сегодня, пообещав Фархаду рассказать сказку, она ушла к Равилю и, полулежа на его кровати, запела колыбельную, которую сама же и придумала, когда её первенец только родился.

Нежный мотив наполнял детскую покоем, и вскоре глаза ребенка закрылись. Его мерное дыхание под звуки мелодии совпало с частотой ударов сердца Мариям. Она всегда наслаждалась этой гармонией ритмов. Напоследок голос дрогнул и, выждав мгновение, она соскользнула с кровати. В соседней комнате, раскинув руки, сладко спал младший сын, рядом лежал белый медвежонок. Мариям полюбовалась малышом и, прикрыв дверь, на цыпочках пробралась к своей спальне. В доме стояла тишина. Она включила свет. Устало стащила с себя одежду и пошла в душевую.

Мариям нравилась просторная ванная с джакузи и двумя стеклянными кабинками. Постояв под тёплой струёй, тщательно вытерлась мохнатым полотенцем. В зеркале отразились изящные очертания её ног. По-кошачьи выгнула спину – пропорции фигуры оставались девическими, мышцы упругими, движения гибкими, и даже небольшой животик не портил красоты.

Вернувшись в спальню, надела тонкую ночную сорочку и легла. Свернулась клубочком в прохладе простыней, закуталась в пуховое одеяло и постепенно согрелась.

Погасив свет ночника, задремала.

Сквозь сон почувствовала ласковые прикосновения настойчивых рук, невольная улыбка коснулась губ.

– Карим, – с лёгким вздохом еле слышно произнесла Мариям.

А рука медленно двигалась вверх от колена к бедру, и она невольно раздвинула ноги, повернувшись на спину. Ноздри вздрогнули от истома, но что-то вдруг насторожило. Запах, странный запах мгновенно вспугнул Мариям и резким движением, сбрасывая с себя чьи-то руки, она села на постели. В полумраке увидела лихорадочно горевшие глаза. Она закричала, сильными толчками спихивая кого-то с кровати.

– Ты что? Ты что тут делаешь! – вопила Мариям что есть мочи.

Нашарив выключатель, дернула за шелковый шнурок. В ярком свете лампы она увидела полуобнаженную Санию.

– Не ори! Тихо, киска моя! – смущённо залепетала падчерица.

У Мариям в голове пронеслись картины одна хуже другой. «Ах, так вот почему она запиралась с подруж-

ками! Да, да, та блондинка, с серьгой в ноздре! Боже, как же я... с самого начала не догадалась! А девичники в сауне? А бесконечные поцелуйчики, когда встречаются и расстаются! Ой, мамочки!»

– Ну, что ты, в самом деле, успокойся! – шёпотом напирала девица на Мариям. – Давай поиграем! – и попыталась опрокинуть мачеху на подушки.

– Сволочь, убирайся отсюда! Только тронь – я тебя прикончу! Прикончу! – схватив думку, Мариям изо всех сил стукнула ею по голове неудачливой соблазнительницы.

– Сука! – зло прошипела Саня и вылетела из спальни, хлопнув за собой дверью.

Мариям колотило, зубы отстукивали:

«Мразь, мразь, грязь, грязь!»

Она долго не могла успокоиться. Мозг отказывался работать, казалось, случившемуся нельзя найти разумное объяснение и оправдание.

А что, если Саня вовсе не..., а это на неё ворожба так подействовала?!

Чувство вины устремилось жгучей струёй по жилам, и Мариям расплакалась: «Я просто чудовище! Наворожила, – и девочка в бессознательном состоянии совершила бесстыдный поступок, что же я натворила! Бабка Соня должна мне помочь, надо снять это чёртово заклятье!»

Умаявшись от неприятных дум, Мариям только к утру забылась тяжёлым, с кошмарами, сном.

Проснулась от чувства, что ее вышвыривают из постели. Острая боль от падения заставила вскрикнуть. Посыпались сильные удары в живот.

Открыв глаза, увидела разъярённого Карима, который молча, без остановки, бил её ногами. Мариям захрипела, – от меткого пинка в грудь. Ничего ещё не

понимая, попыталась перехватить его ногу, но тщетно, – слышался хруст ломающихся под тяжестью башмака пальцев, и её беспомощная рука тряпкой опала вдоль туловища.

Она перестала сопротивляться. «За что? За что? Неужели Саня на меня наговорила?» До сознания, наконец, дошли вопли Карима:

– Стерва, как ты посмела дочь осквернить! Убью, размажу! Тварь! На мою кровь посягнула, бл...га ты придорожная!

Боль свинцом разливалась по всему телу, окрашивая в кровавые всполохи мелькающие руки и ноги Карима, потом всё померкло. До неё ещё доносился плач сыновей, что сбежали на шум. Ей почудилось, что дети, пытавшиеся остановить отца, отлетают от него, будто птицы с надломленными крыльями.

– Не трогай их... пощади... – шуршали последние слова во тьме угасания.

Карим остановился. Перед ним на полу лежала в крови жена, пацаны орали и плакали, повисая на его руках, челядь испуганно выглядывала из коридора.

– Разберитесь! – коротко бросил он, стряхивая с себя детей, словно надоедливых кутят. Не глядя на людей, потирая разбитые кулаки, твёрдыми шагами прошёл в кабинет. С грохотом хлопнула дверь.

Щёлкнула задвижка.

Карим сидел за письменным столом и рыдал, стиснув голову руками. Вскоре слышалась сирена скорой помощи, но он даже не шевельнулся.

* * *

Мариям медленно приходила в себя. Она ещё не понимала, что лежит на больничной койке.

«Что это было? Кошмарный сон? Надо разбудить

детей. Наверное, Лиза уже приготовила завтрак, а я валяюсь в постели!» Попытка пошевелиться отозвалась мучительными судорогами, и Мариям всё вспомнила. Она беззвучно заплакала. Где-то внутри, в грудной клетке, заклокотало. Её душа ощутила себя беззащитной в этом полумёртвом, вспухшем и ставшем чужим, теле.

Слёзы не облегчали пустоту, образовавшуюся под сердцем, они терзали Мариям, оплакивающую её сокрушённое катастрофой существование: «Всё, всё вдребезги. Всё кончено!»

На висках выступил холодный пот. Ей вдруг захотелось умереть. Но внутренний голос взорвался отчаянным воем: «У тебя же дети маленькие, куда собралась?! Не имеешь права мальчишек сиротами оставлять!»

Открыла глаза. Большая палата. Люкс. Прислушалась к окружающим звукам. Где-то в глубине комнаты капала вода.

– Дети, где мои дети?

Ответа не последовало. С трудом попыталась сесть. Правая рука – в гипсе. Неловко повернувшись, Мариям оперлась на нее. Громко ойкнув, приподнялась. Левой ладонью провела по лицу. Пальцы нащупали разбитые губы, заплывшие глаза и отёки на щеках.

«Хорошо поработал, не промазал!».

Во рту пересохло от неожиданно охватившей злости.

– Эй, кто-нибудь! Помогите! – крикнула она истощно.

Дверь отворилась, и появилась сиделка в белом халате.

– Очнулись?

– Похоже...

– Вот и хорошо.

– Можно воды?

– Конечно, конечно.

На этом диалог закончился. После ухода медсестры Мариям обессилено упала на подушки.

Прошло три дня, из родных и знакомых никто не приходил.

Родители уехали в отпуск, так что не навещают её, а кому, кроме них, она сейчас нужна?

Ей ставили уколы, давали лекарства, мерили давление, заставляли вставать, но она отказывалась, всё ждала чего-то...

По обрывкам разговоров санитарок, Мариям знала, что праздники уже минули. Увы, россыпи фейерверков ей с сыновьями увидеть не довелось.

Мариям много спала или лежала молча с закрытыми глазами. Время текло, сменялись дни и ночи, она что-то вяло ела. Медперсонал не приставал к ней с расспросами, и её это устраивало.

Через неделю, ближе к вечеру, объявилась домработница Лиза. Тихонько поскуливая и шмыгая носом, приблизилась к больничной кровати.

– Ой, Мариям Айдаровна, несчастье-то какое!

– Здравствуй..., – бесцветным голосом ответила больная.

– Я не могла придти раньше, нам строго-настрого запрещено вас навещать.

– Как мои дети? Живы ли, здоровы?

– Мальчики в порядке, всё с ними хорошо.

– Спасибо, Лиза. Иди домой.

– Я вам передачу принесла, тут вот...

– Не надо. Уходи, пожалуйста, – устало сказала Мариям и отвернулась к стене.

– Да, да... до свидания.

Дверь бесшумно закрылась.

В эту ночь Мариям не могла уснуть. Мерила медленными шагами палату и сосредоточенно думала. За последние дни, после вечернего обхода врачей, её монотонное кружение по больничному боксу успокаивало нервы. Пытаясь найти выход из сложной жизненной коллизии, она строила несуразные планы, изобретала головоломные комбинации, воображала, как наказывает Карима и Санию. То она видела себя поджигающей офисы и производственные корпуса, то грезила, как стегает плетью мужа и падчерицу на виду у толпы...

Мстить – вот чего ей хотелось. Она ненавидела Санию и как бы умерла для Карима. К рассвету, истерзанная тщетными фантазиями, Мариям заснула, накрыв лицо простыней.

Спустя два дня после визита Лизы она вдруг почувствовала, что пространство как бы всколыхнулось. Это невозможно объяснить словами, но интуиция подсказывала – произошли перемены. «Где, с кем и почему?» – задавалась Мариям вопросами.

Была пятница, десятый день пребывания в госпитале, когда в палату, в распахнутой норковой шубке, вбежала Сания. От неожиданности и такой наглости Мариям задохнулась, а девушка бросилась перед кроватью на колени и, сложив в мольбе руки, запричитала:

– Мари-и-ям, дорогая, прости, прости меня, – и, не дав той опомниться, продолжала:

– Я в мечеть ходила, молилась каждый день, ты должна меня простить, я всё для тебя сделаю, не губи меня, пожалуйста! Не говори отцу, как всё было на самом деле, он меня убьёт, а я молодая, я... я жить хочу, ты же знаешь, что милости мне не будет, – он меня из-под земли достанет!

– Встань! Как ты посмела сюда прийти! – Мариям не

узнала собственного голоса, – глубокого и сурового.

– Мариям, отец тебя любит, сильно любит, он три дня не выходил из кабинета, он и сейчас ни с кем не разговаривает, в доме жить страшно. Прости, я не знаю, что делать, я совсем запуталась.

Мариям холодно посмотрела на Санию и вдруг поняла, что существо, опустившееся перед ней на колени, неизмеримо несчастнее её самой. Сердце сжалось от глубокой печали и жалости к падчерице:

– Я понимаю... Я старалась быть хорошей, но ты меня отвергала. За что ты невзлюбила меня?

– Ты не права, я была в тебя влюблена с самого начала и...

– Не перебивай! Если не изменишься, – для здешнего общества ты перестанешь существовать навсегда.

– Но... это невозможно, это невозможно, я...

– Я ничего твоему отцу не скажу, но ты дашь согласие на брак с Ибрагимом.

– Никогда! Ни за что на свете!

– Тогда я расскажу всю правду. Ты будешь опозорена на весь свет и останешься без гроша в кармане. Ты этого хочешь? – с тихой яростью сказала Мариям.

– Нет, нет, пожалуйста...

– Тогда слушай, что тебе надо сделать.

Первое: ты идешь к отцу и говоришь ему, что я, Мариям, в тот вечер от досады, что он уехал, напилась. Была действительно пьяна и случайно тебя приняла за Карима. Ты ему скажешь, что очень сильно ревновала его ко мне и... потому... всю историю приукрасила, чтоб сделать мне больно. Попроси у него прощения за меня...

Второе: назначь день свадьбы. Твой отец и родители Ибрагима давно стоворились о вашем браке, условия и приданое согласованы. У тебя нет другого выхода...

Я хочу, чтобы ты исчезла из моего дома... и... как можно быстрее. Выйдешь замуж, а там сама решай, куда и как брести по жизни.

– Может, я в Канаду уеду? Там теперь можно однополые браки регистрировать. Если я выйду за Ибрагима, моя Надира не перенесёт – на себя руки наложит!

– Меня это не касается, я знать ничего не хочу обо всём этом. Принимаешь мои условия? Да или нет? Отвечай!

– ...Да.

– А теперь уходи. Устала я.

– Мариям...

– Что ещё?

– Спасибо.

– Ладно. Иди. Всё сделай, как я сказала.

Сания удалилась. Мариям встала с кровати и, выглянув в коридор, попросила у медсестры большое полотенце для душа – решила привести себя в должный вид и быть готовой к любому повороту событий.

На следующий день, рано утром, Карим приехал и забрал её домой.

После возвращения Мариям из госпиталя вся семья и окружающие обходились с ней крайне предусмотрительно, как с малознакомым или смертельно больным: лишний раз не притронутся, не спросят, не побеспокоят и в глаза прямо не посмотрят. Будто все обо всём знают, но молчат, а на ней – ярлык неприкасаемой.

Объяснение с Каримом оказалось кратким: понимаем, принимаем, но что было – то минуло, главное на сегодня – подготовка к свадьбе старшей дочери, – событию важному, шумному, хлопотному.

Мариям отвели одну из гостевых спален, чтобы могла спокойно прийти в себя и окрепнуть. Она перенесла туда компьютер и, в основном, проводила время в

одинокости. Её сыновей отправили на зимние каникулы к матери Карима в пригородную усадьбу. Марьям их так и не видела.

Карим к ней почти не навещался и, если заходил, рассказывал о мелких текущих делах, а однажды спросил совета, куда отправить молодых в свадебное путешествие, как будто её мнение что-то значило.

Иногда заходила Саня – так, только поздороваться и справиться о самочувствии. Казалось, в их взаимоотношениях ничего не поменялось, и они обе забыли о разговоре в больнице.

Незаметно пролетел месяц, отплясали свадьбу, молодожёны улетели в Ванкувер. Но отношения с Каримом оставались прохладными.

Вернулись сыновья, Марьям не разлучалась с ними, – вместе рисовали, играли, делали уроки. Она занималась с детьми английским. Марьям, прекрасно владевшая разговорным, читала мальчикам небольшие рассказы на языке туманного Альбиона.

Так уж получилось, но новых подруг Марьям не завела. Со старыми друзьями по университету контактов не поддерживала: интересы не совпадали, да и забот у каждого хватало. Не с кем было ни посоветоваться, ни поговорить. Родителям Марьям представлялась блистательным символом удачи, счастливой в замужестве, и разочаровывать их не хватило бы духу. Всё общение ей заменил компьютер и поиск на веб-страницах.

Как-то поздно вечером она, скуки ради, отправилась в круиз по Интернету. Случайно натолкнулась на статистику народонаселения России:

143 миллиона человек...

Из них 38 миллионов пенсионеров...

37 миллионов детей...

10 миллионов инвалидов...

5 миллионов наркоманов и алкоголиков...

Работоспособных только 53 миллиона...

Из них 26,5 миллиона относительно здоровых...

На 1000 браков приходится 800 разводов...

72 миллиона состояли в браке...

11 миллионов разведённых...

Мозг лихорадочно заработал: получалось, что если каждый пятый разведённый, имеющий детей, женится ещё раз, то во втором браке окажутся 2,2 миллиона, а ведь это приблизительно больше миллиона мачех и как минимум один миллион пасынков и падчериц!

Цифры впечатляли. Мариям никогда не задумывалась над тем, сколько мачех в стране. Казалось, что злой рок подшутил только над ней. А получается, что в такой беде она не одинока!

«Один миллион – это же огромный социальный слой! Интересно, а сколько их в Америке?»

Вбив в поисковик английское слово «stepmother» – мачеха, Мариям изучила десятки веб-сайтов. Выяснилось, что Америка уверенно держит одно из первых в мире мест по разводам, – вторых жен и мачех там тоже хватает! Маленькое открытие удивило и развеселило Мариям.

Бегло пробежав по ряду статей, зашла в «чат» – наиболее популярный способ общения нового тысячелетия. Можно писать, о чём думаешь, и получать со всего мира отклики.

В специальном женском Интернет-форуме обсуж-

дали, как правильно выстроить отношения с детьми, у которых внезапно появились «двойные» родители, бабушки и дедушки, дяди и тёти. И, правда, – множество детей живут в двух семьях. В одной – мачеха, зато отец родной. В другой – отчим, но «настоящая» мама. Можно представить накал ревности и степень отчуждения, раскалывающие устроенную или неустроенную, спокойную или нетерпимую жизнь в подобных «родственных» сообществах. Мариям читала:

<365> Нельзя стать хорошей мачехой, даже если сильно захотеть – ничего не получится! Нас по сказкам, вбитым в голову с детства, всегда представляют в образе злых и коварных женщин.

<Kara> Любовь, конечно, не купишь, но интеллигентные взаимоотношения с другой семьей поддерживать всё-таки можно. Например, собираться с детьми на праздники или дни рождения.

<365> Да как же собираться? Если у моего мужа бракоразводный процесс шёл три года? Как его бывшую, то есть «экс», можно спокойно воспринимать?

И вдруг Мариям, подчинившись непонятному импульсу, подключилась к диалогу, обозначив себя псевдонимом<Mar>.

<Mar> Всем привет! Я Мара. А меня падчерица просто подставила, наговорила отцу, оклеветала, и тот меня избил, я провалялась десять дней в больнице.

<365> Привет Мара. Как это избил? И ты не заявила на него?

<Mar> Нет.

<Kara> Привет. Глупо.

<365> Страшно! Ты его ещё любишь?

<Mar> Не знаю.

<Kara> А у меня, девочки, ещё хуже было!

<365> А ты где живёшь?

<Kara> В Америке, а вы?

<Mar> В России.

<365> А я в Австралии. У вас в Штатах как принято с приёмными детьми общаться?

<Kara> Как в суде решат: время посещений расписано по дням. Если дети живут на два дома, им обязаны предоставить, причём каждому, отдельную комнату, и муж платит алименты. Иногда бывшая жена может получить полное обеспечение. А у вас какие правила?

<Mar> А меня перед фактом поставили! Не спрашивали... Муж сказал, что дети будут жить с нами, и всё!

<365> В Австралии обязаны строго следовать букве закона 365 дней в году.

<Kara> Сколько лет в мачехах ходите, девочки?

<Mar> Я девять.

<365> Четыре года. Мне пора, пока, до встречи в следующий раз.

<Kara> Мара, заходи в частный чат, хочется с тобою поближе познакомиться.

Мариям сразу согласилась, и контакт стал более доверительным.

<Kara> Как твое полное имя?

<Mar> Мариям.

<Kara> Меня зовут Каролин.

Кибер-знакомства в наш век не такая уж новость, но этим двум было о чём поговорить. Женщины обменялись адресами электронной почты. Мариям с облегчением вздохнула, она была довольна, что её английского хватило на небольшую переписку. Воображение пыталось нарисовать образ женщины, с которой она только что общалась в виртуальном пространстве.

Мариям засыпала с лёгким чувством радости, – той радости, которую обретаешь после разговора с лучшей подругой. В беседе можно получить дельный совет, болтать обо всём на свете, не таясь, – о фасонах платья, об утраченной любви... Теперь она была не одна.

* * *

В России ночь оплетала снами немереные просторы, а в Америке начиналось утро. Каролин, поставив последнюю точку под сообщением к <Mar>, далёкой и незнакомой женщине, живущей на другом конце света, задумалась и вспомнила свою юность.

Глава третья

КАРОЛИН

Каролин была младшей дочерью Арнольда Кремера из небольшого городка близ Атланты. Брат Роб и усыновлённый Рой, старше её на несколько лет, составляли часть семьи, к которой она не хотела иметь никакого отношения. Молодые парни нигде не учились, беспрестанно играли в карты, тайком пили пиво и не имели постоянной работы. И, сколько ни старался отец заставить их уговорами и оплеухами вести пристойный образ жизни – ничего не помогало. Шериф неоднократно приходил к Кремерам и грозился упечь ребят в исправительную колонию за хулиганство. Каролин избегала братьев, и особой дружбы между ними не наблюдалось.

Прозябать в провинциальном захолустье было невозможно, и девушка с нетерпением ожидала своего совершеннолетия. Восемнадцать лет давали ей свободу. Каролин давно решила – на следующее утро после дня рождения уедет, куда глаза глядят. На старенькую машину она смогла заработать сама, чем очень гордилась.

Всё держалось в секрете. Даже мать, самого близкого и любимого человека, Каролин не посвятила в свои планы.

И вот – свершилось. За ужином мать чмокнула её в макушку, положила на тарелку двойную порцию индюшки, поздравила и протянула подарки – пару скромных кофточек и часики с позолоченным браслетом. Отец, ковыряясь в картофельном пюре, окинул дочь строгим взглядом:

– Как дальше жить будешь?

Каролин пожала плечами. Братья загоготали. Арнольд на них цыкнул, а мать приглушённо, извиняющимся тоном, пролепетала:

– Она у нас девочка умная, сама решит.

Перед рассветом, собрав нехитрые пожитки, Каролин выскользнула из дома, села в машину и скрылась в полосе утреннего тумана. Она ехала по дороге наугад, и постепенно её страх сменился сумбурной радостью внезапного освобождения. За два года она сэкономила пару сотен долларов и считала, что для начала нового витка судьбы этого вполне достаточно.

У небольшого селения остановилась на заправке, залила бензин в бак автомашины, зашла в телефонную будку и решила позвонить подружке.

Долго никто не отвечал. Наконец, заспанный голос произнес:

– Хэлло?!

– Анна, это я, Каролин.

– Привет. Ты чего так рано?

– Я из дома уехала.

– Ну, ты даёшь! И куда?

– Ещё не знаю... Я тебе буду звонить.

– Хорошо, звони. Я пошла досыпать.

– О-о-о-кей.

Каролин повесила трубку. От разочарования хлюпнула носом, поняв в который раз, что никому не нужна, и никому не интересна.

Одна... «Ну и чёрт с ними!», – подумала девушка и, сев за руль, резко повернула с заправки на автостраду.

Три дня добиралась до Лос-Анджелеса, перебиваясь в пути дешёвыми бутербродами и ночуя в машине на просёлочных дорогах или недалеко от ферм, в тех местах, где её не могли увидеть.

Покружив по Лос-Анджелесу и купив новые, пахнувшие свежей типографской краской, карты Калифорнии и Невады, Каролин двинулась в сторону Лас-Вегаса.

День клонился к закату, и девушка спешила. Пятнадцатая трасса шла по пустыне. На пути изредка попадались группы высоких кактусов, со стороны они казались настоящими деревьями. Горные гряды, тянущиеся параллельно дороге, наливались фиолетовым цветом под палящими лучами солнца. Яркие краски слепили, и, вытащив из бардачка завязанные в платок, от любопытных глаз подальше, новые чёрные очки, Каролин надела их с чувством взрослой женщины, пустившейся в авантюры, и распустила длинные волосы. От жары становилось душно, она опустила окно. Ветерок подхватил её кудри. На всю мощность включила радио и, распевая во весь голос, понеслась с бешеной скоростью к городу иллюзий.

Лас-Вегас сверкал разноцветными огнями реклам. Толпы людей выбросило из азартного «пекла» охоты за выигрышем на улицы и окунуло в долгожданную прохладу вечера.

Каролин лихо подкатила к входу отеля «Тропикана», вышла, отдала ключи от машины служащему и важно сказала:

– Багаж занесите, пожалуйста!

Молодой человек окинул ее взглядом с ног до головы:

– Йес... мэм!

Вытянувшись струной, с высоко поднятой головой, она прошествовала в фойе и окунулась в безбрежный океан звуков: хохот, звон падающих «монет», приглушённая музыка. Перед глазами мелькали официанты с напитками, ряды игровых автоматов зазывно мигали, пахло кофе, сигарами и... деньгами.

Каролин прошла к стойке регистрации, протянула водительские права, ответила на необходимые вопросы и сразу же получила предупреждение, что не имеет права развлекаться в казино, но может пользоваться бассейном и прочими услугами гостиницы.

«Чёрт, зачем напоминать о моём возрасте, я и так знаю... Закон есть закон, до двадцати одного года нельзя распивать алкоголь в общественных местах и приобщаться к азартным играм», – с раздражением подумала она.

Номер обошёлся в сорок долларов. Каролин подсчитывала, на сколько дней хватит сбережений. На две три ночи – максимум, а что потом?

В дверях лифта столкнулась с симпатичным молодым человеком. Нечаянное прикосновение его рук привело Каролин в трепет, она зарделась, а он проникновенно сказал:

– Добрый вечер, мадам.

– Добрый вечер.

– Вам везёт сегодня?

– Да..., – весело ответила девушка

– А мне нет.

– Жаль... может...

– Да, да... Может, повезёт когда-нибудь. А Вы не хотели бы составить мне компанию за ужином? – вдруг предложил незнакомец.

– Я?

– Впрочем, у такой красивой женщины, наверняка, есть с кем провести вечер.

– Нет, я одна.

Он внимательно посмотрел на неё, отметил детскую припухлость вокруг уголков рта и подумал, что она не только хороша собой, но, скорее всего, ещё и девственница. Лифт остановился, Каролин заторопилась

к выходу, но настойчивый парень преградил ей путь.

– Хотите, я Вас подожду? Не отказывайте мне. Вы мне нравитесь.

Каролин на секунду испугало его упорство, но, неожиданно для себя самой ответила:

– Я не против, только... надо найти мою комнату.

– Без проблем... Я вам помогу... Кстати, меня зовут Пол.

Вдвоём они отыскивали номер Каролин. Бросив сумочку на стол, она увидела свой багаж и, смутившись, слегка покраснела:

– Мне надо переодеться.

– Я подожду, – ответил он, впиваясь в неё взглядом карих глаз.

Торопливо выхватив новую кофточку, Каролин поспешила в туалетную комнату. Закрыв дверь на замок, сменила одежду, спушила волосы и удовлетворённо улыбнулась отражению в зеркале. Вернулась в комнату и звонким голосом сказала:

– Я готова, мы можем идти!

Они спустились в ресторан. Это было самое роскошное место, которое Каролин когда-либо посещала. На стены, отделанные тёмным полированным деревом, отбрасывали мерцающие блики свечи, плавающие в стеклянных вазах на высоких ножках. Белоснежные накрахмаленные скатерти в кабинках казались ещё белее рядом с тёмно-вишнёвой бархатной обшивкой сидений. По всему периметру помещения – старинные картины с охотничьим сюжетом: здесь и преследование оленя, и бивуак с костром и связками убитой дичи, и красивые дамы в шляпах с развевающимся плюмажем верхом на лошадях.

Каролин остолбенела от такой красоты, а голова закружилась от запаха вкусной пищи. Конечно же, ей очень хотелось есть, разве можно обмануть желудок перехваченными в придорожных магазинчиках и на заправках хот-догами!

Появившийся официант показался ей принцем из доброй сказки. Одетый в смокинг, с бабочкой, он добродушно и угодливо улыбался, и Каролин почувствовала себя неудобно: её одежда никак не соответствовала убранству ресторана! Она поёжилась, ей захотелось немедленно удрать. Но спутник спас положение, – опустил руку на её плечо и невозмутимо поинтересовался у официанта, что на сегодня в меню.

Через некоторое время Каролин успокоилась и в подробностях рассказала о путешествии через несколько штатов. Она уже вполне освоилась, раскраснелась от шампанского и изысканной еды и, совершенно счастливая, хохотала над шутками своего нового знакомого.

Нет-нет, да и возникала тревога. «А дальше что?» – вгрызалось сомнение в помутневшее от алкоголя сознание, словно белая мышь в кусок яблока. Каролин в детстве держала такую мышь в маленькой клетке на прикроватной тумбочке. Это было единственное существо на свете, которому поверялись беды и радости.

Она вдруг представила себе любимого зверька, – мышка раздражённо шевелила усами, как бы предупреждала: пора сматываться! Каролин поняла – надо уходить. Уловив растерянность девушки, компаньон, спросил:

– Малышка, а чем ты собираешься заниматься в Лас-Вегасе?

– Ну... я хотела найти какую-нибудь работу, комнату снять в аренду.

– А что ты умеешь делать?

– Не знаю. Поищу объявления в газетах... Я, знаете, очень трудолюбивая и ничего не боюсь.

– Что ж, это хорошо. Пожалуй, я смогу помочь. У меня приятельница держит салон красоты, и я уговорю её взять тебя на работу. Попрошу, чтобы она научила делать маникюр, массаж, потом получишь лицензию – вот и будет профессия. Что ты думаешь о такой идее?

– А это возможно?

– Конечно!

На этом их разговор прервался. Пол попросил счёт. Расплатившись, они покинули ресторан. Каролин, хоть и была сконфужена предложением нового знакомого, всё же понимала, – ей выпал редкий шанс. Она с детской радостью заглядывала в глаза мужчине и видела в нём спасителя.

Он проводил её к номеру и, распрощавшись, пообещал позвонить утром. Каролин, закрыв дверь на запоры, с облегчением рухнула на широкую постель и безмятежно уснула.

Встать пришлось рано: разбудил телефонный звонок Пола – предстояло знакомство с хозяйкой салона. К вечеру Каролин уже работала уборщицей, с перспективой обучиться на маникюршу, и сняла крохотную комнатку в складских помещениях, но это не пугало: наконец-то появился собственный угол, и забрезжило начало взрослой самостоятельной жизни.

Прошло полгода. Она сдала экзамены на сертификат специалиста и уже имела своих немногочисленных клиентов. Периодически появлялся Пол, они выезжали за город или посещали кафе, – коллеги подшучивали, называя её невестой. Но что такое интимная близость – Каролин так и не узнала: Пол не проявлял

инициативы, а она боялась потерять девственность.

Казалось, всё идёт прекрасно. Однако... Каролин трудилась на пределе сил, а денег не хватало. Экономила на всём, но заработок уходил на аренду комнаты, свет и газ, и на еду оставались центы. Каролин похудела, осунулась, но домой за помощью не обращалась, а попросить в долг – не позволяла гордость, да и чем потом расплачиваться?

Однажды Пол не приезжал дольше обычного, и Каролин забеспокоилась. Прошла неделя, но он не объявлялся, на телефонные звонки не отвечал. Наконец, вечером в воскресенье раздался стук в двери, и девушка обрадовалась – перед ней стоял Пол с цветами и коробкой конфет.

От радости бросилась к нему на шею.

– Эй, без нежностей! Как дела?

Каролин вдруг расплакалась и в двух словах рассказала, что она совсем без денег, клиентура не ходит, и вообще – никакого просвета.

– Представь – я не смогла набрать мелочи, чтобы купить хлеба, кишки от голода свело, а до зарплаты ещё целая неделя. Не знаю, что и делать.

– Для начала съешь конфету!

– Говорят, шоколад силы придаёт, – улыбнулась она, вытирая слёзы, торопливо развернула батончик и засунула в рот. Не разжевав, сглотнула и облизнула губы, быстро соображая, в каком ресторан они пойдут и сколько она всего закажет, чтобы остатки еды принести обратно домой. Пол молча за ней наблюдал.

– Каролин, а ведь тебе заработать четыреста долларов в день можно очень просто!

– Это сколько же женщин надо загнать на маникюр – штук сто, не меньше! Ну и шутки у тебя!

– Да я не про твой идиотский салон...

– А про что?

– М... знаешь, что такое эскорт-сервис?

Конечно, она слышала об этом от клиенток.

– Пол, как ты смеешь! Я не понимаю, как тебя посетила подобная мысль! Я думала, мы друзья, а ты... – разволновалась Каролин.

– Стоп. Сто-о-п! Каролин, я только искренне хочу помочь, денег у меня нет, – на содержание никого взять не могу.

– А я и не просила!

– Не горячись. Подумаешь, один вечер отработать! Ничего страшного не случится. Ты же не невинная девица!

– Как мерзко! – вскрикнула Каролин от негодования и швырнула в него коробкой конфет. Шоколадные батончики рассыпались.

– Надумаешь – позвони, – жестко, и даже с издевкой, процедил сквозь зубы Пол и вышел, хищно ступая по красивым оберткам. Конфеты сплющивались под подошвами его дорогих кожаных туфель.

Два дня она боролась с собой, голод одолевал, а бес внутри упорно нашёптывал: есть только один выход – соглашаться.

Попыталась в последний раз найти дополнительный заработок, ходила в самые разные места устраиваться на работу, проходила собеседования. Но – тщетно, ответ всегда был один: «Мы вам сообщим».

Ждала долгие сорок восемь часов, но всё – без толку. На третьи сутки, уже поздно, набрала номер Пола.

– Я согласна, на один вечер. Только на оди-и-ин!

– Отлично. Когда подвернётся клиент – я сообщу.

«Сообщу» – это слово она просто возненавидела. Ожидание «сообщения» от напыщенных работода-

телей чертовски надоело. Каролин с удовольствием разбила бы телефон о голову Пола, окажись он сейчас перед ней.

На кухне налила себе полный стакан из-под крана, – вода была её единственной едой. Крупными глотками выпила тепловатую жидкость. В тишине отчётливым эхом отзывался каждый глоток.

Неожиданно раздался звонок. Нервно схватив трубку, услышала на том конце мягкий и вежливый голос Пола.

– Детка, у тебя есть двадцать минут, чтоб собраться, оденься поприличней, я за тобой заеду.

– Но ведь сейчас уже за полночь!

– Да, да, я понимаю, ничего! Осталось девятнадцать минут на сборы!

Каролин бросилась к гардеробу. Торопливо перебрала вещички. Взгляд остановился на голубой блузке с глубоким вырезом и стильной, купленной в сэконд-хэнде, юбке.

«Нижнее белье! У меня нет кружевного белья!». Она с брезгливостью представила, как ее раздевает незнакомый мужчина, а на ней – обычные белые трусики. «Что же делать! Поздно, магазины закрыты!» Взглянула на часы. Наспех натянула одежду. Послышался звук машины и стук в дверь.

Пол стоял на пороге с пакетом в руках.

– На, возьми, и не теряй времени, нас уже ждут!

Она несмело взяла сверток.

– Давай, давай, размер твой!

Каролин отступила вовнутрь комнаты, с силой рзорвала обёртку из бумаги и целлофана. На пол упали ярко-красные кружевные трусики и бюстгальтер. Щёки вспыхнули, даже ушные раковины горели, будто опалённые раскалённым железом. «Если б мама виде-

ла! Стыд какой! Мне и трусы для этого дела специально принесли. Срам!... А что мама?... Никто же не узнает... только один раз... На четыреста долларов можно целый месяц безбедно существовать».

Каролин сгребла бельё и метнулась за шкаф. Сорвала бирки с ценой, выступила из трусиков и втиснула себя в кружево. Старый бюстгальтер расстегнула под кофточкой и вытащила через рукав, затем пристроила чашки нового на пышную грудь – соски просвечивали тёмными пятнами. Агрессивный алый цвет подчеркнул белизну кожи. Каролин мгновенно оценила собственную красоту, а откровенное неглиже придало ей сил и уверенности.

– Поехали, Каролин! Пошевеливайся! – командный голос Пола просверлил её сверху донизу.

В ответ Каролин показала ему третий палец и крепко выругалась. Он расхохотался.

– Ну, ты даёшь, малышка. Ладно, не злись.

Сидя за рулём, он искоса посматривал на девушку и, включив музыку на всю мощь, помчал машину по ночному Лас-Вегасу.

* * *

– Ты божественна, ты невероятна, – снова и снова тискающая её в объятиях, повторял Роберт. «Но, каков Пол?! А... ! Целочку нетронутую найти в этом дерьмовом городе! Редкость-то какая в наше время. Интересно, сколько он ей заплатит? Пять штук с меня запросил, сволочь!»

– У-у-уф – пыхтел Роберт от наслаждения. – «А девочка сильная, крепкая... молодость... Ну, я тебе, крошка покажу, что такое настоящий мужчина... Всю жизнь будешь помнить!»

Каролин обмякала в его руках, повизгивала и изви-

валась, в точности копируя героинь в сексуальных сценах телефильмов.

К утру Роберт задремал. Каролин не сомкнула глаз. Лежала и в свете ночника разглядывала мужчину: в летах, но крепкого сложения, приятен на вид, но никак не красавец. Их встреча произошла быстро и просто. Пол ввёл её в пустой номер и ушёл, красноречивым жестом показав на постель. Она разделась, скользнула в кровать и укрылась простынёй до подбородка. Роберт появился немного позже. Пожалуй, минуты, когда ждала, ей показались самыми тяжёлыми. Ведь надеялась, что «покупатель» молод, красив и не садист.

Девушка тихонько вздохнула и принялась считать, сколько времени ей предстоит ещё «работать». Выходило, ни много ни мало – пять часов семнадцать минут и тридцать восемь секунд. «Гость» откупил её ровно на половину суток... Стрелки на светящемся циферблате массивных золотых часов на запястье Роберта двигались медленнее, чем хотелось.

Узкая полоса света пробилась сквозь плотные двойные шторы. С улицы еле-еле доносились звуки города, который никогда не спит. Каролин боялась лишний раз пошевелиться, но, чтобы повернуться и устроиться поудобнее, попыталась подтянуть ногу, движение разбудило Роберта.

Он опять накинулся на неё. Рык неуголённого вождения её испугал, сухощавые кисти жадно мяти тело, оставляя синяки, ложе поскрипывало под ритм впивающейся в неё плоти.

Легко и быстро переворачивая Каролин, как пушинку, Роберт овладевал ею с чувством собственника, стонал от наслаждения и, казалось, акт обладания никогда не закончится. Время как бы повисло и не желало двигаться, а торс мужчины с бешеной скоростью

мозжил её лоно. Спинка кровати с громким стуком билась о стену, и Каролин вдруг устыдилась – ведь в соседнем номере, конечно, всё слышно.

Последние конвульсии животной страсти и громкий стон, внезапно перешедший в крик, после которого он закричал зубами, – были полной неожиданностью. На доли секунд мужчина замер. «О-о-ох», – с облегчением выдохнула измученная девушка, надеясь выскользнуть из его рук, но не тут-то было: Роберт сжал её ногами и рывком, откинувшись на спину, посадил к себе на живот.

«Ну, сколько же можно? – отчаялась Каролин. – Когда же он насытится, свинья этакая! Сил никаких нет!»

Она заплакала – едва живая от усталости, хотела исчезнуть, улетучиться...

Роберт, увидев её слезы, решил, что она без ума от него. И, как опытный покоритель сердец, победно засмеялся. В экстазе соития он не вспоминал, что Каролин не обладала никакими сексуальными навыками, и не могла оценить его мужскую мощь, которой он так гордился.

Её невинность и детская неопытность, припухлость груди и родинки на бедрах вновь подхлестнули желание. Казалось, что матёрый жеребец никогда не слезет с осёдланной кобылки.

– Да, да детка. Я опять готов!

Она крепко стиснула зубы и думала лишь об одном: «Четыреста, четыреста долларов, четыреста...» Полоса света меж шторами двигалась вправо, влево...

Вверх – вниз, вправо – влево.

Вверх-вниз. Очерчивая крест.

Крест...

Каролин потеряла сознание.

Роберт не сразу заметил, что с ней случилось, он дошёл до иступления, и только освободившись от напряжения, в полном изнеможении почувствовал, что в своей неге он одинок. Мышцы партнерши расслабились, зрачки закатились, на губах появилась пена.

Его охватила паника, разборки с полицией и законом ему были ни к чему. Он хлопал её по щекам, сбрызнул лицо холодной водой. Наконец, Каролин очнулась. Роберт поднял её на руки. Ругая себя последними словами, качал, как маленького ребёнка, носил по комнате, целуя и приговаривая:

– Только не умирай, только не умирай!

Чёрт подери, эта хрупкая девчонка была единственной, сумевшей выдержать его неумный напор в течение целой ночи и ни разу не заикнуться о передышке. Возможно, именно в этот момент к нему пришло решение – оставить её у себя надолго.

* * *

Каролин встряхнула головой, отбрасывая воспоминания и, встав из-за стола, вытащила из холодильника вчерашний сэндвич. Откусила, медленно пожевала, потом насыпала молотый кофе в медную турку. Аромат постепенно заполнил комнату и приятно защекотал ноздри. Она могла отказаться от чего угодно, но не от настоящего Гватемальского кофе. Да, к этому её приучил Роберт.

В то памятное утро он кормил её завтраком с ложечки, дал снотворное, уложил спать. Поздно вечером она проснулась и в полумраке спальни испугалась: а вдруг Роберт бросил её здесь одну, ушёл, не заплатив! С трудом присев на кровати, Каролин включила свет и остолбенела от удивления.

Весь номер был заставлен огромными вазами с цветами. На полу, стульях и креслах лежало множество ярких коробок и пакетов. На столике аккуратно расставлены бархатные футляры и футлярчики. Девушка не знала, радоваться или нет. Она потянула первую попавшуюся коробку, но не удержала, и из неё, под шорох папиросной бумаги, выскользнуло красное блестящее платье. Лёгкая ткань улеглась на пол и прикрыла ступни Каролин. Она попыталась встать и застонала от саднящей, ошпаривающей боли в промежности. Схватив платье, уткнулась в шёлк и горько заплакала, скорбно раскачиваясь в такт и тихонько голося по-бабьи. На алой материи слёзы превращались в темно-багровые пятна. Каролин приподнялась, отбросила его в сторону и, медленно перебирая ногами, двинулась к ванной.

Дверь номера распахнулась, и на пороге появился Роберт.

– Малыш, ты проснулась?! – с этими словами он бросился к ней.

Каролин с диким воплем ринулась от него.

– Нет, нет, я не трону тебя, прости... прости... тебе нравится? – повёл он рукой, показывая на коробки и свёртки, заполнившие комнату. – Это всё тебе. Всё, что захочешь, только скажи, будет твоим!

– Не-е надо. Ничего не надо. Моё время ра-а-боты закончилось, мне надо идти, – ответила Каролин и, не стесняясь наготы, сделала шаг в сторону.

– Каролин, ты никуда не уйдёшь! Я хочу, чтобы ты жила со мной. Я очень богат, я устрою тебе сказочную жизнь я... я... буду беречь тебя. Не уходи...

Каролин остановилась. В голове пронесся вихрь противоречивых суждений, мысли рождались и затухали в ожесточенных баталиях. Её воспитывали быть чест-

ной, зарабатывать в поте лица. Да... только Каролин понадобится сто лет работы маникюрщицей, чтобы вытащить себя из нищеты. Вернуться домой и быть официанткой в каком-нибудь кафе, или, в лучшем случае, выйти замуж за механика автомастерской?! Так ведь именно от такой удручающей перспективы она сбежала из Атланты!

Она ненавидела Роберта, но понимала – такое предложение бывает только раз в жизни. Не зная, как поступить и что ответить, замерла и замороженно смотрела на мужчину.

Роберт бочком протиснулся к столику, из самого большого футляра вытащил кольцо из бриллиантов и рубинов, приложил к её шее, защёлкнул замок и поправил большой центральный камень между обнажёнными тугими грудями. Каролин не шевельнулась. Он захотел немедленно овладеть ею, прямо здесь, на полу, но предупреждающий взгляд девушки его остановил.

Сдерживая себя, с придыханием сказал:

– Ты очень красивая! Пожалуйста, примерь платье.

Она отрицательно покачала головой.

Роберт сам одел Каролин, поправляя тонкие бретельки на плечиках, оглаживая складки на бёдрах. Блестящий шёлк мягкими волнами ниспадал до пола.

– Стой, не двигайся! – произнёс он, открывая и расшвыривая коробки. Наконец, нашёл красные туфли на высоком каблуке.

Встав на колени, Роберт, покрывая поцелуями её ступни, обувал их в лаковую кожу.

– Не жмут? Размер подошёл?

Она кивнула головой. Роберт отступил в глубину комнаты, любуясь ослепительной юной женщиной.

– О... я схожу с ума, – простонал он.

Его восхищение выглядело таким искренним и неподдельным, что Каролин вдруг улыбнулась. В ответ он закрыл ладонями лицо, а когда открыл, глаза его увлажнились. Её улыбка означала согласие и прощение...

В знак примирения выпили по бокалу шампанского. Через несколько минут они отправились в ресторан. По просьбе Роберта, Каролин не надела нижнее бельё – на ней было только красное платье, колье и туфли. Он держал руку на талии девушки и, казалось, наслаждался каждой клеточкой её тела.

За ужином Каролин почти не прикоснулась к еде, медленно потягивала французский коньяк и вскоре опьянела. Немного позже она уже сидела в зале для покера, тесно прижавшись к Роберту. Похотливая рука нет-нет, а прокладывала извилистые пути по её ногам, но она покорно сносила ласки.

Играли одни мужчины, и ставки были не менее десяти тысяч долларов. Роберт попросил подсказывать ему, когда идти на повышение, а когда сбрасывать. Каролин ничего не понимала в правилах, но иногда шептала ему на ухо, что делать. Роберт точно следовал её указаниям, и, что казалось особенно странным, с совершенно ничтожными шансами выигрывал, а иногда скидывал вполне приличные карты, повергая всех в изумление. Их выигрыш в ту ночь – четверть миллиона долларов.

Целый месяц они провели в Лас-Вегасе, затем уехали в Филадельфию. Роберт купил огромный новый дом на десяти акрах земли. Каролин быстро привыкла к роскоши, банкетам, наркотикам и толпе богатых людей. Бесконечные выезды на приёмы, полёты на частном самолёте на шопинг в Нью-Йорк – составляли не-

отъемлемую часть её жизни. Роберт баловал Каролин, как мог, приобрёл на её имя несколько ресторанов, небольшое ранчо в Калифорнии.

Одна она оставалась редко, в основном с утра, которое начиналось у неё к двум часам дня. Каролин обычно спускалась в столовую, накинув коротенький пеньюар, пила кофе и вспоминала, что случилось накануне, молча поглощала пищу и выслушивала доклад экономки. Это была привилегия хозяйки, а не обязанность.

Минул ещё месяц. Однажды, после сексуальных утех, Роберт сказал, что она пополнила, – неплохо бы заняться спортом или поменять режим питания. Каролин взволновалась, беспокойство не оставляло её, она даже отказалась пойти на вечеринку и битый час провертелась перед зеркалом. Наконец, решила проконсультироваться с врачом насчет диеты.

Каролин не помнила, как вернулась из частной клиники, где сдавала анализы, как ждала Роберта, пребывая в страхе и панике, головная боль разламывала виски. Он появился перед рассветом.

– Роберт, я беременна! – не дав ему очнуться от новости, Каролин повисла у него на руках, сквозь рыдания громко проклинала всё на свете и колотила кулаками по его груди.

– Детка, ты что разъярилась?! – обхватив её, прикрикнул Роберт. – Это же отлично, у нас будет ребёнок! Слушай, выходи-ка ты за меня замуж. Я всё равно хотел тебе сделать предложение. Я люблю тебя, и кольцо уже давно куплено.

Женщина замерла.

– Я должна подумать, – неожиданно ответила она.

– Что? И как долго? – изумился Роберт.

– Сейчас сяду и поразмышляю, – вырвалась Каролин из его объятий.

– Ну, хорошо...

Каролин пристроилась на краешек кожаного кресла и, подперев руками подбородок, замерла. Через несколько секунд вскинула голову и твёрдо сказала:

– Я... согласна.

– Отлично, малышка, а теперь быстро в постель!

– Роберт...

– Мы обсудим мелкие детали потом!

Его «мелкие детали» оказались шокирующими: Роберт был женат и имел двух дочерей десяти и пятнадцати лет. Смягчающее обстоятельство, вызвавшее облегчённый вздох у Каролин, – последние четыре года он жил вне семьи.

Клятвенно пообещав немедленно развестись, он предложил ей тут же, одной, без него, на месяц уехать в Европу, чтобы отдохнуть перед свадьбой.

Отметить торжество решили в его доме, найти дизайнеров и декораторов большого труда не составляло.

Каролин считала, что без её помощи праздника не подготовить, но Роберт упрямылся, настаивал на поездке в Старый Свет – ведь ей нужен подвенечный наряд, вот за ним она и должна лететь в Лондон.

В стране вечных туманов первые несколько дней выдались суматошными. Разыскивая нужный фасон платья, пришлось побегать по магазинам, потом последовали бесконечные, изнуряющие примерки, встречи с друзьями Роберта. Она с интересом посмотрела на выезд королевы, поела всевозможные сладости в бистро, посещала музеи и театры, порхала по улицам столицы и его предместий, побывала на скачках, – в общем, производила впечатление счастливой невесты.

Однажды ночью приснилась любимая мышь, копошащаяся в кормушке, она перебирала лапками, скребла по пустому дну, её усы яростно шевелились от возмущения – еды не было. Каролин проснулась от страшного голода. Сосало где-то глубоко под ложечкой, во рту ощущался привкус индюшки – той самой, которую в детстве готовила мать, со специями и соусом.

Жадно сглотив слюну, отбросила одеяло, зажгла свет и, встав с постели, начала лихорадочно искать в номере гостиницы хоть что-то съедобное. Ничего, кроме шоколадных конфет и остатков пирожного, не нашла. Попробовала и тут же выплюнула.

Увидела себя со стороны: в роскошных апартаментах, окружённая великолепной мебелью и гобеленами, голодная, как волчица, и совершенно одинокая. Ей стало обидно до слёз.

Подошла к окну, о тротуары проспекта бился ливень, ветер трепал свинцовые тучи. Подышав на стекло, Каролин машинально вывела: «идиотка». Прочитав написанное по слогам несколько раз вслух, поняла, что слёзы не смоят и не облегчат положения, в которой она попала.

«Глупая бабочка летела на огонь и сгорела по доброй воле», – сказала она сама себе.

Каролин опустила на ковёр возле окна, обхватила колени руками и глубоко задумалась. Пелена обманчивой феерии богатства и счастья спадала, обнажая грубую правду: будущего мужа она не любила и даже презирала, перспектива стать матерью на девятнадцатом году жизни – устрасала. Ей хотелось убежать в дождь и исчезнуть в сверкании молний, раствориться в грохоте грома. Но голод отвлек от мрачных мыслей. Новая жизнь в её теле требовала: «есть, есть, быстрее...».

Каролин легла на пол, приподняла сорочку и положила ладонь пониже пупка. Неясная и ещё неосознанная радость наполнила грудь, и она почему-то уверилась, что носит мальчика, которого только она может привести в этот мир. Женщина поглаживала себя по животу и улыбалась, прислушивалась к себе. «Потерпи до утра, сынок, потерпи. Мы что-нибудь придумаем...»

Рано утром за завтраком Каролин была сосредоточена и задумчива, что не помешало ей поглощать блюдо за блюдом.

Каролин вернулась в Филадельфию за три дня до свадьбы.

На лужайке у дома уже готовили арку с цветами и привозили стулья для гостей. Всё вокруг украшали гирляндами из белых и розовых цветов. Роберт был возбуждён перед предстоящим торжеством и вникал в мельчайшие детали: расписывал по минутам церемонии бракосочетания, сам устанавливал порядок смены рыбных и мясных блюд и разнообразного десерта. Каролин с улыбкой наблюдала за хлопотами, иногда вставляла незначительные замечания, но, в основном, проводила время в одиночестве.

И вот долгожданный день наступил. Роберт проследил, когда увидел Каролин, идущую по ковровой дорожке к алтарной арке. Она выглядела, словно фея, окутанная ореолом белоснежного шифона, её длинный шлейф поддерживали две девочки в воздушных розовых платьях. Возгласы восхищения подтвердили, сколь правильным оказался выбор спутницы жизни для Роберта.

Медовый месяц молодожёны провели на Карибских островах. Вернувшись, Каролин обнаружила: в доме поселились обе дочери мужа. Сюрприз – не из прият-

ных, и она поначалу не знала, как себя вести. К тому же, Роберт попросил не упоминать, что она беременна и не обсуждать своё состояние, особенно за общим обеденным столом. Это изумило и даже оскорбило её, – она никак не могла понять, почему должна молчать о ребёнке, который вскоре родится и станет членом семьи, сводным братом барышням, – старшая, кстати, была моложе Каролин всего на несколько лет.

Роберт, став супругом, вдруг резко изменился. Они спали в разных комнатах, что, впрочем, не очень-то и огорчало молодую женщину. Теперь он украдкой целовал её по утрам, или вечером, если возвращался не очень поздно, оглядываясь, чтобы дочери не увидели. Если у него выдавался свободный день, полностью посвящал его детям, ездил с ними на озеро или в город на обед, выводил в театры, в гости к друзьям.

Большой дом позволял Каролин редко встречаться с падчерицами, но атмосфера исподволь накалялась. Казалось, что за каждым её шагом наблюдают. Чтобы не привлекать внимание, тщательно скрывала просторной одеждой растущий живот.

Иногда Каролин уезжала в магазины и подолгу выбирала одежду для малыша, штормы для его будущей спальни, купила кроватку и кресло-качалку. Постоянно задумывалась, будет ли Роберт помогать ей в воспитании ребенка, купать его, кормить, но все чаще её одолевали сомнения...

Однако, несмотря на предстоящие роды, Каролин находила время и для своего небольшого бизнеса. Рестораны, купленные Робертом на её имя, процветали, она следила, чтобы меню отличалось разнообразием, а персонал был обходительным и вежливым. Уехать

из дома на часок – то же самое, что получить глоток свободы. Поговорить с менеджерами, увидеть их улыбки стало необходимостью. Ей хотелось, чтоб хоть кто-нибудь интересовался ее самочувствием и при случае помогал подняться со стула. Уважительное отношение служащих заменяло внимание, которого она была лишена дома, да и теплоту души, какой никогда не чувствовала по отношению к себе.

Повара придумывали новые блюда и называли их её именем, это трогало до слёз, и она чувствовала себя почти счастливой.

* * *

«Всё это уже прошлое... прошлое», – Каролин глубоко вздохнула и подумала, что давнишние обиды так и не прошли, сколько бы она ни пыталась их забыть, и терзали её сердце застарелой тоской.

«Пожалуй, этой женщине из России я отвечу и опишу ей мою историю, получится новелла в электронке».

С этой мыслью Каролин, поставив пустую кружку из-под кофе в мойку, взяв ключи от машины и сумку, отправилась на работу.

Глава четвёртая

КАТЕРИНА И ЕЁ ОКРУЖЕНИЕ

«Катюша, я на картах и на бобах гадала, – у тебя произойдут большие перемены в судьбе! Кстати, – поздравляю с прошедшими праздниками, ты почему-то не звонила, всё ли в порядке? Понравилась ли ёлка? Ну, пока, целую!».

Прслушав сообщение матери, оставленное на автоответчике, Екатерина, теперь уже Рыкова-Орлова, лукаво улыбнулась. Она заехала домой, забрать кое-какие вещи.

Молниеносный роман и замужество круто повернули привычную колею бытия.

Катя осмотрелась по сторонам и села на краешек дивана, потом поднялась и открыла форточку. Морозная свежесть ворвалась в помещение с затхлым застоявшимся воздухом. Сколько же времени прошло? Оно как бы затормозилось в момент первого поцелуя с Иваном и... «Нет, надо подумать, с какого такого беса я перевернула свою жизнь. Будто шлея под хвост попала, так бы выразилась моя мать... Пыль надо везде стереть и пропылесосить пол. Да, да, говорят, когда мозги не работают, надо заняться каким-нибудь делом – попотев, человек начинает мыслить более логично».

«Постойте-ка, девушка, – продолжила она диалог сама с собой. – Подумайте, что с Вами будет дальше!».

– Мг... Я обязательно стану счастливой, – громко сказала Катерина куда-то вверх и увидела то, с чем когда-то сжилась и... чего не замечала: желтое, с разводами, пятно на потолке... вытертая обивка кресел... пошарканый паркет... треснутые чайные чашки в серванте... Странно, что она так никогда и не сменила

мебели, не сделала ремонт...хотя денег у неё было достаточно... кокон...а не жилище, да - это был кокон, в который Катя долго пряталась от себя самой.

Взгляд Катерины блуждал по незамысловатым предметам интерьерера, и она почувствовала, как будто тяжёлая ноша спадает с плеч. Впечатление оказалось почти физически осязаемо. Женщина тихонько засмеялась, бросилась на диван и уткнулась лицом в шершавую подушку.

Расставание с прошлым состоялось быстрее, чем она ожидала.

Необдуманнные поступки наблюдались за ней очень редко. Почти всю жизнь Катюша была примерной и «правильной», не считая нескольких случаев, когда пришлось солгать матери. Нет, правда, Катя старалась относиться ответственно к учёбе, работе, семье и даже, когда разводилась с первым мужем, попыталась сделать всё интеллигентно.

И вдруг, поддавшись импульсу, Катерина проявила такое явное безрассудство. Именно потому она, столь не склонная к стихийным порывам, заужала себя ещё больше: ведь, как-никак, решила собственную судьбу куда как нестандартно! Новая семья... Иные заботы...

Внезапно осенило – теперь у неё не два сына, а целых четыре! Испуг пробежал мурашками по коже. Значит, из возлюбленной и молодой жены она превратится ещё и в мачеху!

Катерина охнула. «Батюшки-святы, как же я об этом-то не подумала! Что же я с пасынками стану делать? Иван сказал, – наведываются к нему дважды в неделю. Говорят, когда отцы женятся вторично, дети новую мать ненавидят. Но... я постараюсь, буду предельно внимательной и доброй. Мальчиков я умею воспитывать.

Маяты со своими ребятами было хоть отбавляй: бесконечные простуды в детстве, а подросли – драки в школе и во дворе. Первый раз пьяными пришли, так я их обоих полотенцем отлупила... Но учились очень хорошо, боксом и каратэ увлекались... Может, дай-то Бог, все нормально с Ванечкой сложится... Интересно, похожи ли на него сыновья?».

Ее поразило, что она впервые так ласково назвала мужа. «Господи, да я же его совершенно не знаю! Чувствую – человек прекрасный. Но чем он живёт, чем дышит, с кем общается? В какой школе и как учился? Наверняка, хорошистом был... А институт? Какой вуз закончил? Кто его друзья? Какая музыка ему нравится? Кого любил и с кем враждовал?».

Воображение неслось с крейсерской скоростью, вопросы возникали сами собой, а она не могла на них вразумительно ответить. Запутавшись в размышлениях и вконец измученная, Катерина с неистовством приступила к уборке.

Пылесос ревел зверем, Катя рывками двигала бедную машину, всасывающую теперь уже прошлогоднюю пыль.

– Да что же это такое? Как теперь дальше жить? Вот, вяпалась! – произнесла вслух со злостью. Монотонный шум мотора перемешивался с её репликами:

– Ничего, что-нибудь придумаю... Грязищу везде развела. Хозяйка, называется! Ладно, если что, – опять разведусь. И всё-таки мне повезло, повезло! Всем назло буду счастлива!

Она не заметила, как перебралась в кухню. С силой толкая и пиная табуретки, Катя погрозила в угол кулаком, споткнулась о шнур пылесоса, и тот замолк.

Наступившая тишина отрезвила. Катерина отпустила ручку и пылесос упал. Стук откликнулся дребезжаньем тарелок в сушке у раковины.

«Я боюсь. Как всё просто – я испугалась. Почему страх постоянно отравляет мне жизнь? Какой-то современный философ сказал: человек соткан из страха и любви. Если подчинишь жизнь страху, то все пойдёт кувырком: будешь бояться врагов, друзей, коллег, опасаться чужого мнения. Только любовь к себе, родным, даже к недругам, сделает жизнь счастливой. А я всё-таки несчастная, потому что всегда в сомнениях. Я – Близнец, и, значит, во мне сидят два человечка, и дебаты они разводят по любому поводу. Надо почитать гороскоп».

Катерина вытащила лэптоп из сумки и устроилась с компьютером за кухонным столом.

Подключиться к Интернету – пара пустяков, уже через две минуты она бродила по страницам астрологических прогнозов. «Мг.. У Близнецов ожидаются нежелательные повороты в карьере, так... следить за здоровьем... приятное свидание... Чёрт-те что! Ничего определённого. Задурили голову гороскопами, и теперь народ без них обойтись никак не может! А разве они говорят всю правду? Нет, конечно... если хорошо заплатить, можно заказать личный гороскоп, недавно пробовала... но, с другой стороны, мне это не помогло. Очень расплывчато получилось; в предсказаниях не упоминалось, например, что меня стукнут по голове перед Новым годом и что предстоит внезапное замужество – то ли как награда от Всевышнего, то ли как наказание! Молодая..мг...жена...а мачеха-то из меня ещё неизвестно какая выйдет...».

Катерина выключила компьютер, сдвинула его в центр стола. «Я знаю, что мне надо сейчас сделать».

Через несколько мгновений Катя выкидывала в мусорную корзину чайные чашки со сколотыми краями, облупленные вазочки, затёртые до дыр и застиранные полотенца.

Покончив с этим, разогрела чай. Потихоньку отпивая кипяток из стакана в серебряном подстаканнике, начала сосредоточенно отрабатывать стратегию признания. Что и говорить, объяснения с родной матерью и сыновьями не избежать! «Да, надо сконцентрироваться, собраться...», – подбадривала она себя. Тщательно подбирая слова, пыталась угадать, как отреагирует ближайший круг родни и знакомых на её внезапное замужество. Катерине понравились заготовленные ею фразы – краткие и четкие.

Наконец, набравшись храбрости, взяла телефон, быстро набирая номер матери, почувствовала, как напряглись в спине мышцы. Гудки следовали за гудками, но никто не отвечал. «Оставьте своё сообщение», – услышала Катерина и отключилась. «Так, мамы нет дома. Наверное, в булочную ушла. Позвоню Борьке».

«Абонент вне зоны доступа», – прозвучало в трубке.

С раздражением подумала: «Когда они мне нужны, их ни за что не найдёшь!». Младшему она звонить не стала.

* * *

В эти же самые минуты Дима Орлов, старший сын Ивана Семёновича, вкушал острое удовольствие от потери невинности. Хотя нельзя сказать, что ему понравилось замечание Ирки, двадцатитрёхлетней соседки его лучшего друга:

– Ах, ты мой трёхминутный, сладкий, золотой!

Он пришёл в полное замешательство, не обиделся, но про себя выругался: «Тьфу, дура этакая!».

У неё, впрочем, хватило опыта быстренько восстановить его уверенность в себе. «Практики у меня, конечно, маловато, – думал Димка, – зато отсмотрены километры ДВД-юшной порнухи. Кое-что наиграно в ванной комнате. Ну, в общем, тридцать раз по три

минуты, получится полтора часа, в первый день подобных отношений – не так уж и плохо».

И Димка потянулся к обнажённой груди подружки, крепко сжал соски, напрягся и приготовился к очередному прыжку в наслаждение, но тут услышал шипение мобильного.

«Странно, вроде мать знает, что праздники я встречаю с Пашкой и задержусь на пару дней. Брату звонить незачем, – он дуреет от наркоты и валяется в кровати у себя в комнате. Кому же я понадобился?».

Димка, нехотя прервав утехи, выхватил из-под брюк, лежащих на полу, телефон и глухо ответил:

– Да... А, привет, пап... С прошедшим тебя тоже... А?!

Вскочил с кушетки, нервно проследовал в туалет и громко захлопнул за собой дверь. Ирка приоткрыла глаза, зевнула во весь рот и, посмотрев ему в след, иронично улыбнулась: «Сосунок долбаный... но с бабками... Ладно, перетерпим, прикрутим, приворожим... Пусть в клювике денюжки носит... А-ха-ха-а...», – опять зевнула и сбросила простыню со своего великолепного продажного тела. Именно за красоту платила ей пацанва.

Прислушалась. Из туалета не доносилось ни звука. И вдруг Орлов-второй выскочил, будто ошпаренный. Не говоря ни слова, натянул штаны, споро влез в рубашку, и уже в прихожей, накидывая на плечи дублёнку, позвонил шоферу. Ирка, обернувшись простынёй, стояла в проёме двери и, обиженно выпятив губу, смотрела на него вопросительно и выжидающе.

– Я тебе позвоню.

– Как же, знаю я вас, только обещаете, – буркнула она недовольно.

– Сказал – позвоню, значит, позвоню, – веско, по-мужски отчеканил Димка и стрелой вылетел из квартиры.

На улице яркое солнце мгновенно ослепило. Поскользнувшись и еле удержавшись на ногах, юноша пробежал до джипа. Водитель открыл дверь.

– С праздниками, Дима!

– С прошедшими, – зло процедил тот в ответ, – давай домой!

Димка сидел сзади и в нетерпении боксировал спинку переднего сиденья.

– Дим, всё в порядке?

– В порядке.

– Понятно. Может, что надо?

– Надо, не надо, давай быстрее!

– Да и так под семьдесят давлю, мы всё же в городе, – заметил шофер.

Парнишка промолчал. Скрипя зубами, уставился в окно. Чёрный асфальт тротуаров, обильно посыпанный солью, траурной лентой опоясывал стройный ряд деревьев в снегу и дома микрорайонов, мимо которых неслась машина.

«Придурок, вот придурок! Полный идиот!», – думал про себя возмущённый Димка, изредка поглядывая на усатого лысого мужчину за рулём.

Резкое торможение. Мальчишку подбросило, швырнуло в сторону, и он со всего размаха стукнулся головой о подголовник спереди. Зубы клацнули по губам, во рту появился солоноватый привкус крови.

– Чёрт! С тобой все нормально? Сильно ударился?

– Ты чё, охренел, что ли? – в голос заорал на шофёра парень.

– Извини, занесло!

– Занесло, занесло, смотреть надо! Блин! В кровь губы разбил!

– Ох... Может, остановимся?

– Газуй давай, да поосторожней!

Шипенье еле слышных матерных слов, вырывавшихся из самого нутра у Димки, не прекращалось всю дорогу. Перепуганный водитель молил Бога, чтобы его не уволили сразу, а лучше б отлупили, набили морду, но оставили бы «при дворе», так он сам называл свою службу. Такое тёплое местечко в городе не скоро сыщешь.

Он был личным шофёром и телохранителем двух сыновей Ивана Семёновича, в принципе, работа не пыльная. Ребята, конечно, с норовом, но это же не ночами баранку крутить, не сутками в таксопарке вкалывать! Ох, вроде и цепи на колёсах, да вот, поди ж ты, угораздило...

Ворота автоматически открылись, охранник махнул рукой в знак приветствия. У особняка остановились. Открыть дверь для Димки шофер не успел – тот уже выскочил из джипа.

Миновав просторный вестибюль, Димка взлетел на второй «детский» этаж, и спустя минуту тряс за плечо младшего брата.

– Вставай, Леха, очнись!

– М-м-м-м, – последовало мычанье.

– Вставай, паразит такой, кому говорят! Отец женился!!

– М-м-м... он развёлся... неделю назад.

– Уже женился!

– Ну... женился... мне по бараба-а-ану.

– Наркоша долбаный, ни хрена не понимаешь!

– Отвали, дай поспать, – Лёха перевернулся на другой бок и натянул на голову простыню.

– Что с тебя возьмёшь?! Не семья, а ублюдки последние! Как же вы все мне осточертели! Вставай, тебе говорю! Он нас ждёт сегодня на ужин! – Димка с силой сдернул с брата одеяло.

– Ну, чё привязался? Иди отсюда!

– Мать твою, сейчас ты у меня получишь!

Димка стащил Алексея с постели и поволок прямоком в ванную. Тот, с блаженной улыбкой на лице, не сопротивлялся, а только охал под направленной на него холодной струей душа.

– Изве-ерг, – вяло отмахиваясь от воды, бубнил он.

Больше часа понадобилось, чтобы привести в чувство младшего брата. Наконец, медленно вытираясь полотенцем, очухавшийся Лёшка спросил:

– Ну, что ты от меня хочешь?

– Что, что! Собирайся скорее! К отцу едем, он же ни-ил-ся, понял, нет?

– Понял я, понял...

– Бабу какую-то нашёл и сочetalся с ней за-а-конным браком, придурок!

– Я тебе не придурок.

– Да не ты, а папаша наш!

– Это не новость.

– А где мать?

– Не знаю – я за ней не слежу, – раздражённо ответил Лёшка.

В самом деле, в этом большом доме невозможно ни за кем уследить. Можно было появиться и уйти, почти не замеченным, ускользнуть от взора матери, пребывающей в депрессии. Что, тем не менее, не мешало ей посещать рестораны и пирушки, приводить неизвестных мужиков. Доносившиеся иногда с её половины визги дети по ночам глушили «рэпом». Кто и где проводит досуг – ведала только прислуга, да и то не всегда.

Вообще, последние два года, после того, как отец с матерью разбежались, жизнь, по мнению Димки, особенным разнообразием не отличалась. Утром ребят

кормили и увозили в частную школу, обедали в кафетерии; вечером забирали, после ужина они делали уроки и ложились спать. На следующий день всё повторялось.

В нынешние зимние каникулы о них и вовсе позабыли – не отправили за границу кататься на лыжах, или в Таиланд на горячий песочек, как бывало раньше. На карманные расходы мать давала всё меньше, почему-то называла их бычками на выпасе, никогда не хвалила и не ласкала. Общение с нею ограничивалось словами «привет!» и «пока!». Да и о чём говорить-то?

Димке часто хотелось поплакать навзрыд от заброшенности и ощущения ненужности. Единственная его привязанность – Лёшка, но тот погряз в наркотиках, и как выбираться из этой трясины – неизвестно. Лёха воровал деньги из Димкиных копилочек или тайком вытаскивал из карманов, за что получал тычки и подзатыльники, коими меры «профилактики» и ограничивались...

* * *

Катерина аккуратно упаковывала чемодан, скрупулёзно отделяя ненюшенные вещи от старых, когда зазвенел мобильник.

– Алло! Привет... соскучилась... Да, почти собралась... Что? Купим всё новое?! Хорошо... Я тебя тоже люблю... На ужин? Дети?!

«Он со мной даже не посоветовался! Сам решил. Детей пригласил. Как же так можно?!», – вдруг тревожно пронеслось у неё в голове.

Иван запальчиво что-то объяснял, она кивала в знак согласия, и, наконец, робко произнесла:

– Да, да, скоро приеду. Я... что-нибудь вкусное приготавливаю. А? Уже распорядился... Да... Хорошо... До встречи.

Она захлопнула крышку мобильного и провела рукой по лбу. Да... сюрпризы Нового года продолжались.

Иван встретил её на пороге, помог пронести чемодан в спальню, шуточно подтолкнул к кровати и обнял.

– Блузку сомнёшь, – Катерина поцеловала его в губы.

– Ничего, я поглажу, я умею.

– Скоро дети приедут, у нас нет времени.

– Да, да...

Не выпуская из объятий, Иван Семенович приподнял её, развернулся и понёс, словно ребёнка, на руках в зал. Она уткнулась лицом в его грудь.

– Моя ты маленькая, – приговаривал Иван, вдыхая аромат её волос.

Посадил Катю в кресло у камина. В огне трещали поленья, две хрустальные люстры заливали светом комнату, на большом обеденном столе уже стояли четыре прибора. Катя одёрнула кофточку и, второй раз за один день, будто очередная пелена спала с её глаз. Она ясно увидела окружающие предметы: картины на стенах в массивных позолоченных рамах, старинные диваны и стулья, расставленные по комнате, бронзовые часы и тяжёлые на вид подсвечники, шкура медведя, шерсть которой переливалась от бликов пламени, там и тут разбросанные ковры.

Но что-то в богатом убранстве просторного помещения её насторожило.... Какая-то специфическая неуловимая особенность, не имеющая, по-видимому, прямого отношения к высокому седому мужчине, который внимательно сейчас смотрел на неё... Нечто очень странное.

Запах! Ее смутил запах химиката – им обрабатывают старую мебель перед тем, как обтянут новым гобеленом. Пахло и корицей.

Огляделась и обнаружила в вазах палочки благовоний и горкой лежащие попури из засушенных цветов. В ноздрях защекотало, она чихнула, запершило в горле. Катерину охватил внезапный страх: «Не сбежать ли отсюда?»

– Ты что насупилась, душа моя? Простудилась? – настороженно спросил её новый муж.

– Нет, нет, я... у меня бывает иногда... аллергия. Всё в порядке.

В комнате возникла пауза, зависла у потолка и не захотела растворяться. Казалось, пауза была живая и замерла от напряжения, наблюдая сверху за происходящим. «Ага, вот женщина медленно шевельнулась в кресле... мужчина подошёл к бару... наливает два фужера красного вина... лицо его нахмурилось... верхние зубы прикусили нижнюю губу, как от обиды».

Тишина. Только искры взлетают над дровами. Пауза стойко держалась, – словно «третий лишний», – до тех пор, пока беспокойные мысли мужчины и женщины не принялись острыми стрелами рассеивать её эфемерный флёр. «Он мне совершенно чужой!» – крак! – и пауза разорвалась надвое, от невероятного напряжения невысказанных эмоций. «Мальчишкам она не понравится...», – подумал он, и пауза сморщилась от внезапной боли и начала растворяться, растворяться...

– Сегодня такой тёплый и солнечный день! – воскликнул Иван.

Обрывки паузы насторожились и будто по волшебству собрались в трепещущий комоч.

Женщина в ответ кивнула головой и попробовала вино. Глотнула нервно, а потом ещё и ещё, уходя от разговора, поперхнулась и закашлялась. Он попытался похлопать её по спине, но она отодвинула его руку и выбежала в коридор.

Пауза вновь загустевала над комнатой вязкой субстанцией. Мужчина почесал подбородок. Он стоял возле камина и внимательно смотрел на языки пламени, покачивая бокалом. Глянул сквозь стекло на огонь, красные отблески запульсировали, и Иван вздрогнул, на миг представилось, что он пригубил не вино, а запёкшуюся кровь.

Звук затормозившей машины заставил его подойти к окну. Он увидел, как Лёша и Дима выбирались из автомобиля, и отметил - цвет лица у младшего желтоват. Внезапная тревога зацепила Ивана Семёновича где-то внутри, но он успокоил себя мыслью, может, Лёшка просто подхватил лёгкую простуду. Он любил своих сыновей, пронзительно, до боли в сердце.

Иван обнял детей и, набычась, затеял с ними возню прямо в прихожей. Вдруг, почувствовав чей-то взгляд, оглянулся, поодаль стояла Катерина и смотрела на них. Иван остановился. Ребята увидели женщину.

«Да она же старая!» – подумал Димка.

«Какие внимательные глаза», – отметил про себя Лёха.

– Здравствуйте, давайте знакомиться, меня зовут...
Екатерина Владимировна.

– Дмитрий...

– А меня зовут Алёша, рад познакомиться.

– Ну, что, пошли в столовую. Галя, – Иван Семенович крикнул в сторону кухни, – подавай на стол!

В книгах о вкусной и здоровой еде обычно написано: пищу необходимо поглощать медленно, тщательно разжёвывая; вкусовые качества и вид приготовленных блюд должны приносить радость и насыщение.

Застолье у Орловых напоминало гонки с препятствиями, каждый стремился «проскочить» через очеред-

ное кушанье со скоростью ракеты – не ели, а глотали, показывая всем видом: мы голодные! Только Катерина медленно ковыряла вилкой и наблюдала за Иваном и его сыновьями.

Он спрашивал ребят о малозначащих вещах, они ему односложно отвечали и прятали взгляды в тарелках. За время трапезы Катерине не задали ни одного вопроса.

Состояние неловкости сохранилось до конца ужина, и когда Галя, домработница, подала чай с конфетами и ореховым тортом, все дружно отказались.

– Пап, я пойду в «стрелялки» поиграю, – сказал Алёша.

– Я тоже... вдвоём интереснее, – поддержал его Дима.

Отец кивнул, и сыновья удалились в зал домашнего кинотеатра.

– Ну, что скажешь, Екатерина Владимировна? – повернувшись, спросил Иван.

– Хорошие мальчики.

– Ты не переживай, они тебя поближе узнают и любят.

– Я не переживаю.

– Они останутся с ночевой, а утром их опять отвезут к матери.

Катерина лихорадочно соображала, – чем же она будет заниматься весь вечер? Э... конечно, можно разобрать чемодан, но это двадцать минут, а потом?

«Поговорить с Иваном о его детях? Сказать, как меня взволновали глаза Алёши? Зрачки расширенные – первый признак приёма наркотиков... А сколько ему лет? Тринадцать, четырнадцать? Может, я и ошибаюсь, но его лечить надо, здесь разговорами уже не поможешь. Жалко мальчишку – душа у него подороже, чем у старшего. Тот – словно ёж, с иголками... Дети...»

дети без заботы и внимания. У Димы на воротнике пуговица оторвана... У Алексея – грязь под ногтями... хоть бы Иван телевизор включил, молчание становится невмоготу».

– Новости посмотрим? – вопросительно посмотрев на жену, Иван взял с журнального столика пульт и, не дожидаясь ответа, стал переключаться с канала на канал.

Она села рядом с ним на софу, он приобнял её за плечи, чмокнул в щеку и устался в экран. Катерина облегчённо вздохнула и подумала: «Обсуждать что-либо ещё рановато... поживём – увидим...» – и, прильнув к Иванову плечу, прислушалась к голосу диктора, рассказывающего о погоде на завтра. Остаток вечера занял просмотр дешёвого боевика.

Ночью Катерина, кутаясь в одеяло из лёгкого гусиного пуха, пыталась заснуть, но то и дело просыпалась от стонов мужа. Ивану опять снился старик и уходящее море. Она гладила его по голове, спине, успокаивая, а он поворачивался и, забывшись тяжёлым сном, снова постанывал. Катерина лежала с закрытыми глазами, думала о своей второй брачной ночи и ухмылялась. В самом деле, не такой она её представляла. Не предполагала, что увидит пасынков так быстро и так побудничному уйдёт спать с Иваном, словно десять лет за ним замужем.

В четыре утра раздался первый звонок, начавший вереницу поздравлений. Мир деловых людей встрепенулся, и все партнеры, друзья и родственники одолевали Ивана беспрестанно.

За женитьбой успешного бизнесмена последовал рой безумных сплетен. Когда Катя, наконец, дозвонилась до матери, та, со слов соседки, уже знала, что натворила её дочь.

– Ты сумасшедшая, Катька! Поздравляю! Не представляю, как так можно без оглядки совершать необдуманные поступки, весь город судачит, – произнесла мать с дрожью в голосе.

Катерина оправдывалась:

– Ты же сама мне советовала найти мужичка, вот я и нашла!

– Ох, и скорая ты на руку! Но я не думала, что всё произойдёт так быстро! Когда с мужем познакомишь?

– Вот немного приду в себя – и встретимся.

– А ты детям сказала?

– М... нет ещё.

– Вот сюрприз-то будет!

– Ничего, переживут. Честно, мам, у меня у самой голова кругом идёт.

– Ещё бы... как ты вообще отважилась на такую выходку!

– Мам, ну не ругай ты меня! Лучше... пожалей.

– Вот тебе раз! Что жалеть-то, – радоваться надо!

– Не знаю, пожалей, и всё.

– Так... сильно не переживай и глупостей больше не делай. Всё придёт в норму, вот увидишь!

Разговор с матерью не успокоил, а ещё больше раздосадовал Катерину.

Глава пятая

ВИДЕНИЕ МАРИЯМ

Мариям с семьей жила в большой усадьбе. В подвале находился спортивный зал с тренажёрами, бассейном, сауной и просторной комнатой для отдыха. Поправившись, она чаще обычного проводила время в тренировках: растягивалась, качала пресс или плавала часами. Массажистка приходила два раза в неделю и трудилась усердно. Вот и сегодня, после очередного сеанса, мышцы приятно побаливали.

Мариям стояла, не шевелясь, возле зеркала. Недавно она прочитала в журнале, что если разглядывать отражение достаточно долго и представлять себя, какой ты хочешь быть, то с телом происходит нечто магическое и мозг посылает команду организму: «поменяться». Таким экспериментом она решила заниматься каждый день после утренних процедур, потому что свято верила: это не самовнушение, основанное на последних научных исследованиях, а вполне реальная и достижимая цель: преобразиться! В её тридцать четыре года она выглядела хорошо, ей иногда давали не более двадцати, но Мариям знала: ей необходимо претерпеть некую внутреннюю метаморфозу, чтобы жить в мире со своим «Я» и научиться сосуществовать с мужем.

В роли домохозяйки, матери и жены она пребывала слишком долго, интеллект и раненая душа требовали «перезагрузки». «О каком-то обновлении я думаю, зачем себе врать... просто я хочу развестись с Каримом!».

Внутри зеркала что-то дрогнуло, помутнело, и вдруг, из ниоткуда проявился чёткий образ древней старухи.

Седые космы падали на плечи и шевелились, словно от лёгкого ветерка. Серый хитон ниспадал почти до земли и из-под него выглядывали жилистые с синюшными венами ступни. Руки крест на крест закрывали иссохшую грудь под складками одежды. Глаза на морщинистом лице сияли светом спокойной мудрости. Впавшие губы приоткрылись, голос женщины напомнил шелест листвы в осеннюю ночь.

От перенапряжения на лбу Мариям выступил пот, слёзы собиралась у края глазниц, но она не смела моргнуть, застыла и ждала...

Старуха развела руки, разжала кулаки и из её ладоней посыпались сверкающие ядрышки. Трепеща, они светлячками падали ей под ноги:

– Дорога в саду легче, чем в пустыне... А камень тяжелее цветка... Оглядишься вокруг и увидишь Правду.

Громкий стук в дверь привёл Мариям в чувство. Вздвогнув, она очнулась. Старуха истаяла... исчезла...

– Мариям, ты у себя? – как гром с ясного неба прозвучал голос младшей падчерицы Муслимы.

Сердце мачехи заколотилось в смятении. Суеверный страх смешался с отчаянной злостью: вторжение в то таинственное и сокровенное, что происходило с ней, казалось непростительным. Общение с духами никак не предполагало постороннего присутствия. «Давненько не появлялась, что ей понадобилось?» – мелькнула мысль.

– Сейчас открою! – отозвалась Мариям.

В коридоре у самой двери стояла Муслима. Она была одета в шубку нараспашку, в ярко-розовый укороченный свитерок, приоткрывавший голый пуп; джинсы заправлены в такие же ярко-розовые зимние сапожки.

– Где отец? Не могу до него дозвониться который день! – раздражённо заявила девушка.

– Он с утра по делам уехал, а в офис ты обращалась?
– Конечно, обычно он мне сразу перезванивает, а тут ни звонка, ни привета, ни ответа, – кипятилась Муслима.

– Что случилось, может, я чем помогу?

– Мне деньги нужны!

– У меня есть немного наличных, я могу дать, – с удивлением ответила мачеха. И вдруг...

– «У меня есть немного наличных, я могу занять», – с визгом передразнила она мачеху. – Ухохочешься, – деньги у неё завелись! Даже не врубается, о каких деньгах идёт речь!! Мне что: на колбасу надо?! Да таких средств, чтоб купить яхту – у тебя нет и никогда не будет! И вообще ты нищая! Охмурила отца и живёшь за его счет! Пора уже уяснить, наконец, кто есть «кто» в этом мире! – неистовствовала Муслима. Её кукольное лицо перекосила такая откровенная ненависть, что Мариям даже испугалась.

Из дальнейших воплей падчерицы стало понятно, почему Муслиме край как загорелось купить яхту. Подержанный катер у причала на реке Белой уже не устраивал девушку. Её положению в обществе соответствовала бы только модная американская яхта. А членство в яхт-клубе таким идиотам, как Мариям, и во сне не приснится! И, вообще, нет смысла с мачехой разговаривать, всё равно ничего не поймёт. Кстати, пусть будет благодарна отцу, потому как... ещё жива и не выкинута из дома!

«О-о-о!...» – сердце Мариям сжималось под потоком грязной ругани падчерицы, как лист белой бумаги в огне, что, сгорая, превращается в чёрные хлопья. Когда-то давно, в детстве, она любила гадать по ним: что было, что будет...

Но разве такое можно предугадать? Смотрела на девушку и не могла поверить услышанному.

Взбалмошная Муслима была младшей дочерью Карима, очень капризной, и если ей чего-то хотелось, часами напролёт хныкала и требовала у отца - сначала игрушки, потом наряды; рыдала на его плече, добиваясь дорогих зарубежных туров, бриллиантов и Бог знает ещё чего. Карим был к ней нежно привязан, любил её больше, чем старшую дочь, и никогда ни в чём не отказывал. Сколько раз Мариям уговаривала мужа относиться к Муслиме строже, но – тщетно. Девочка грубила мачехе за спиной у папеньки, ябедничала или злословила о ней с прислугой по поводу и без повода. Не покидало чувство, что растёт этот ребёнок колючим чертополохом, который цепляет и ранит тебя, когда не ждёшь.

Однако сегодня циничные откровения падчерицы зашли слишком далеко. Самое страшное, – в её словах содержалась и толика правды.

Значит, она, Мариям, нищая?! Но так ли это? Ведь по закону ей принадлежит половина состояния мужа, а университетский диплом придавал уверенность в завтрашнем дне, она без труда нашла бы неплохой заработок. Есть ещё драгоценности на крупную сумму, их дарили в разное время: родители, Карим, его партнеры, – в основном, на праздники.

«Охмурила мужика!»... Неправда, она его любила! Но, конечно, думала: выйдет замуж, станет миллионершей, всем на зависть, и наступит красивая и лёгкая жизнь. Карим сам ей сразу же запретил работать, хотя в его маркетинговом отделе, например, она могла получать не хуже других специалистов. Но как бы ни оборачивалась жизнь, свою душу она никому и никогда не продавала.

Возмущение поднималось горячей волной, сжимало горло, мысли мешались, и Мариям пока никак не реагировала на хлесткие и грубые обвинения. Когда, наконец, заговорила, собственный голос показался чужим – спокойным, грудным и тяжёлым.

– Муслима, в моём доме не принято оскорблять хозяев. Прошу тебя, уходи немедленно!

– Что? Это дом моего отца! – ещё больше вспыхнула падчерица.

– Но и мой тоже. Уходи!

– Ха! Раскомандовалась! Да кто ты такая?! Веры Игнатьевны на тебя нет, но ничего, скоро будет! Не ты первая, и не ты последняя!!

«Причем здесь главный менеджер Карима? Ничего не понимаю!» – удивилась Мариям.

– Ещё не знаешь, с кем связалась! – злобно бросила ей в лицо Муслима и убежала вниз по ступенькам в вестибюль. Громко хлопнула входная дверь.

«Что всё это значит?» Недоумение Мариям, нащупывая во вспышках памяти разные события жизни, превращалось в подозрение и – о, боже! – разрасталось, как раковая опухоль.

«Стоп... стоп... думай... анализируй... Вера Игнатьевна... О... не может быть! Мне надо с кем-то посоветоваться. Господи, родителей почти не вижу. Их редко сюда приглашали... Стеснялась я, что ли? Не навещала, и по телефону им почти не звонила. И вот теперь поговорить не с кем и пожаловаться некому... Но как узнать правду... У кого спросить? Кто подскажет... не побоится... Федька?»

Мариям второпях накинула куртку, втиснула ноги в тёплые сапоги и уверенным шагом направилась через обширный двор в сторону подсобных построек. В дальней каморке обитал Фёдор, садовник и неизмен-

ный её помощник по хозяйству. Менялась охрана, горничные и кухарки, но Фёдор «прирос» к дому, к нему привыкли, и он казался незаменимым. Вся прислуга побаивалась его, Мариям же поддерживала с ним свои негласные и тёплые отношения, основанные на взаимном уважении.

Весною они вместе высаживали цветы и овощи на грядках в дальнем углу огромного участка, и, пожалуй, Фёдка прикипел к ней душой или помнил добро. Она никогда не забывала посылать ему маленькие подарки на праздники и наказывала повару отправлять каждый день еду.

Фёдор был сухонький, но крепкий старик с окладистой бородой и гривой седых волос. Он редко выходил за пределы ограды и только на Пасху брал три дня отпуска, исчезал неизвестно куда и возвращался с корзиной крашенных яиц и куличами. Никто никогда не видел его пьяным или без работы. Фёдка появился в доме за несколько лет до женитьбы Карима.

На её требовательный стук никто не ответил. Толкнув дверь, она увидела, что комната пуста. Обошла вокруг дома и заметила меж деревьев старую армейскую куртку. Фёдор подгребал снег к яблоням. Услышав шаги, старик обернулся и с улыбкой поприветствовал хозяйку.

– С утречком, Мариям Айдаровна!

– Здравствуй... Фёдор, поговорить надо, – доверительно сказала женщина, пугливо озираясь по сторонам, и кивнула ему в сторону построек.

Он внимательно посмотрел на неё, воткнул лопату в сугроб и, мотнув головой в знак согласия, направился к каморке. Твёрдо вышагивая следом, она всем своим видом показывала наблюдавшей за ними охране, что мужику якобы грозит выволочка.

В хозяйстве у Федьки не было ничего лишнего: узкая кровать, застеленная красным ватным одеялом, стол, два стула, старая тумбочка и печка. На стене – полка с чашками и тарелками, на двухкомфорочной газовой плите – чайник с отбитой кое-где тёмно-синей эмалью. Иконка Богоматери в правом углу, а на полу обтёртый персидский ковер и два массивных кресла, возле одного из них – переносной телевизор. У двери – вешалка с рабочей одеждой и разный садовый инвентарь в бадье.

Когда они оказались в его обители, он, снимая верхнюю одежду, вежливо предложил:

– Может, чайку поставить?

– Не знаю, – растерянно прозвучал ответ.

– Присаживайтесь, матушка моя, присаживайтесь. Да и в моих ногах правды нет, – дед пододвинул стул поближе. Мариям села на краешек и крепко стиснула пальцы.

– Фёдор... расскажи мне всё-всё про Веру Игнатьевну.

– Вот-те на! Что рассказывать-то!... Ты, Айдаровна, уже девять лет с мужем, двух деток-сынов нажила, мужних дочерей замуж выдала, зачем старое ворошить! – с неподдельным удивлением выпалил дед.

– Старое ворошить? А какое оно, это «старое»? Знать хочу, Фёдор! Сейчас... не уйду, пока не расскажешь!

– Так и говорить-то вроде нечего. Что так запалилась, мила дочь? Ну, попивает хозяин иногда, однако ж добрый он, многим помогает... Над тобой сильно покуражился, грех был... так ведь отец он твоим деткам... ничего не поделаешь... перетерпеть надо... Он и до тебя был сильно злой... лютый...

– Говори... всё говори!

– Да, ты совсем, что ли, ничего не...

– Нет, знала, был дважды женат, но никогда про подробности не спрашивала, – Мариям задыхалась от охватившего её волнения. – Что у него с Верой?

– Хм.... Вера Игнатьевна уважаемый человек, богатая женщина, работает с Каримом Ильясовичем долгие годы. Замужем, двое детей, муж известная личность в городе.

– Фёдор!

– А я, матушка, хозяину был продан вместе с этими гектарами, так что – верный пёс ему, до гроба. Плохого не скажу, а правда моя никому не нужна. Так-то вот! – словно закругляя разговор, веско подытожил старик.

– Как продан? Несуразица полная! Ты же не раб и не скотина...

– Раб, раб... до конца дней своих. Да, Карим Ильясович меня от многого уберёт. Верен я ему...

Тут Мариям нутром почуяла – ничего он больше не скажет. По телу пробежал холодок, она предприняла ещё одну попытку проникнуть в тайны мужа:

– А что у Карима с сестрой произошло?

– Давняя история. Уж лет десять мир их не берёт...

– Я её один раз видела у свекрови, случайно. Спрашивала о ней у мужа... Отвечал странно: не твоего ума дело, не суйся. За все годы ни разу к нам не пришла. Отрезанный ломоть в семье, да и только. Будто её и вовсе на свете не существует...

– Да... дела... Душа моя скорбела, когда в госпиталь тебя увозили, – старик пристально посмотрел на хозяйку.

– О чём ты? Я совсем о другом говорю...

Фёдор встал и покопался за иконой в углу. Мариям в волнении наблюдала за ним. Вытащил какую-то

бумажку и протянул ей. На клочке тетрадного листа были нацарапаны номера телефонов, адрес и внизу имя – «Раиса».

Мариям вернулась в дом, быстро переоделась, распорядилась по внутренней связи подать её машину к подъезду через пятнадцать минут. На вопрос, в какую сторону ехать, велела: «В салон».

В шубе из чернобурки до пят, в сапожках на высоком каблуке, без шапки, с высоко поднятой головой и лёгкой улыбкой подошла она к серо-голубой «Ауди», села на заднее сиденье и выехала со двора.

Мариям регулярно совершала такие поездки, делала маникюр, лежала в паровых капсулах и подставляла лицо под маски престижных парфюмерных фирм мира. Да, да, всё как в лучших домах, как принято у жен магнатов.

Вот и сейчас, в зале косметического салона, по обычаю, протяжно звучала медитационная успокаивающая музыка, навевающая скуку и удивление, каким образом композитору удалось составить мелодию из трех без конца повторяющихся звуков.

Заведующая Светлана Карповна уже спешила навстречу с распростёртыми руками. Пожилая располневшая дама обожала свою постоянную посетительницу и всегда была счастлива угодить.

Но сегодня Мариям Айдаровна повела себя более чем странно. Она отозвала Светлану вглубь салона, потребовала у той ключи от машины и дубленку, сказав, что исчезает часа на три и чтобы ни гу-гу...

Светлана Карповна, нечаянно прикоснувшись к неким тайнам богатой клиентки, находилась в крайнем возбуждении и заговорщически кивала головой. «Ах... у неё любовник! Свидание... Батюшки мои! Кто? Мо-

лодой, нет? Интрига... За тайны платят... и много...», – возникали коварные мысли.

Мариям выскользнула с чёрного хода. Водить она умела, но за руль не садилась уже давно, то и дело нажимала на тормоза и ехала, как лягушонка в коробчонке: рывками и скачками на колдобинах разбитой дороги.

Улицу, на которой жила Раиса, нашла сразу, припарковалась и, миновав консьержа, поднялась на третий этаж. Выйдя из лифта, поняла, что ошиблась этажом и начала подниматься на следующую лестничную площадку. В тишине громко цокали её каблуки. Наконец, она у цели. Остановилась и... не смогла нажать на кнопку звонка. Отступила на шаг. Задумалась. Уйти восвояси? Повернулась, рука потянулась к горящему глазку слева от лифта.

Вдруг дверь квартиры распахнулась, – на пороге стояла Раиса. Седые волосы тщательно зачесаны назад и крепко стянуты резинкой. Длинный серый халат с широкими рукавами, распахнутые от удивления глаза. Кого-то она напоминала...

Внезапное сравнение повергло в трепет: «Ни дать, ни взять – старуха из зеркала!»

– Мариям?! Что случилось? Я из окна видела, как ты на машине подъехала, – в голосе Раисы слышалось беспокойство.

– Здравствуйте! – смутилась Мариям.

– Проходи, проходи скорее. Как дети, Карим? Почему сама вела машину, и без охраны?

– Так получилось. Всё хорошо. Ничего ужасного! – ответила гостя, продвигаясь вглубь квартиры.

– Чаю хочешь?

Слова прозвучали почти заученно, ритуально.

– Нет! Второй раз за день к чаю приглашают, а я..., – и тут Мариям смешалась: стало неловко от своей причуды, этого визита и вмиг взбудораживших сомнений. Паника охватывала каждую клеточку тела и сковывала движения. Не снимая дубленку и шапку, позависованные у заведующей салона, села на диван.

– Вера Игнатьевна..., – выдавила из себя Мариям.

– Вера!?

– Расскажите... пожалуйста. Правду.

– Надо же, столько лет... ни слова, ни полслова, ни звонка по телефону... и вдруг – «расскажите правду!». А с чего ты, собственно, взяла, что я тебе её как на духу выложу?

На Раису смотрели умоляющие глаза невестки, которые постепенно наполнялись слезами. Мариям закрыла лицо руками, её решительность улетучивалась, уступая место обжигающему унижению. «Зачем она сюда примчалась? В её частной жизни никто не сможет разобраться, кроме неё самой. Перед замужеством была очарована Каримом, буквально ослеплена сумасшедшей страстью. Ничего не видела и не слышала, кроме него. Ради Карима честно пыталась заменить его дочерям родных матерей, но разве это возможно? Читала книжки по детской и подростковой психологии, пыталась найти к ним подход, понравиться... почему-то решила, что сможет вжиться в роль мачехи. Девочки меж собой не ладили, и к ней относились, как к временному явлению. Кажется, она всех окружающих озадачила – задержалась на целых девять лет».

На лице Раисы отразились недоумение, досада, жалость. Она-то хорошо знала подоплёку визита: «Ведь как всё было? С первой женой Карим прожил всего три года, потом выгнал, а дочь Санию оставил у себя. Никто не знал о причине развода... Женился вторич-

но, прожили пару лет, и опять разошёлся – не сошлись характерами... В третий раз эту несчастную в ЗАГС повел. А Вера Игнатьевна бесменно была в доме Карима. Умела нравиться детям. Младшая, Муслима, просто прилипала к ней, а та её засыпала подарками...».

Наконец, Мариям прервала затянувшееся молчание:

– Я ничего не хотела выяснять, никаких подробностей о его прошлой жизни, решила, что я – судьба Карима и настоящая его любовь.

– А... до тебя все женщины были ошибками? И ты, не задумываясь о будущем, сыновей нарожала, терпела Каримовы выходки... – с легкой язвительностью сказала Раиса.

– Я думала, всё это пройдет, а он: то пьяным придёт и отношения выясняет, то устал и хочет один побыть, то исчезнет на несколько дней и не найдёшь, или вообще на корпоративные совещания уедет куда-нибудь за границу.

– И ты верила? Тебя никогда не удивляло, что свекровь выказывает такое почтение и уважение Вере?

– Конечно. Да и муж вёл себя странно в присутствии Веры. Наверное, это бросалось каждому в глаза. Я ведь тоже всё замечала, только не хотелось верить дурным предчувствиям... Неужели я была таким пошлостью? – спросила женщина.

Рая вздохнула. Посещение Мариям явно застало её врасплох и взволновало, а, может, много чего на душе накопилось. Она решила сказать правду.

– Слушай, четверть века назад Карим встретил у меня в доме Веру, жену моего школьного друга – он привёз её издалека. Красивая, стройная, миниатюрная, не похожая на других, голубые с зелёными прожилками глаза, изящные манеры. В общем, покоряла всех мужчин без разбору. Карим её на три года моложе.

– И что, между ними сразу возникло чувство?

– Да нет! Роман развивался медленно. Брат появлялся иногда на наших вечеринках, собиралось несколько семей, мы все праздники проводили вместе. Веселились от души, ходили в роддома с поздравлениями, отмечали дни рождения первенцев.

Раиса умолкла, на лице засветилась мягкая улыбка.

– Да, да, успевали и детей покачать, и песни спеть, о политике поговорить и потанцевать. На дачах отдыхали – у тех, кто их имел. Зимой на санках и даже на картонках с горок спускались, летом на реку, на рыбалку.

– Кариму, кажется, исполнилось двадцать, когда он повёл под венец первую жену, – уточнила Мариям.

– Он говорил, свадьбу гуляли несколько дней, и что институт они закончили вместе, а потом дочка появилась.

– Вот-вот! И вдруг разбежались... Чужая жизнь потёмки, из родни и знакомых так никто и не понял, что произошло. Только он начал пить в обществе каких-то странных собутыльников. Даже мне приходилось спускаться их с лестниц. Сание жилось несладко, девочка намаялась, многое ей довелось увидеть.

– А Вера, Вера-то при чём?

– Вера и свела твоего мужа с его будущей, новой супругой. Мы полагали – одумается, остепенится, заживёт по-человечески, но не тут-то было! Через полтора года после рождения второй дочери он опять развёлся. Я беспокоилась за брата, считала, не везёт ему с женщинами. Тогда в стране, сама помнишь, крупные перемены назревали, люди потянулись к бизнесу и, чёрт меня попутал, я вдруг пригласила Веру пойти ко мне в партнёрши. Она долго упиралась, я её целый месяц уговаривала. А дальше – с нами стал сотрудничать Карим. Однажды мы были в командировке и поселились

в одной гостинице... И вот тогда, случайно, в номере у Карима я застала их вдвоём и... сделала огромную ошибку: я им стала потакать, прикрывала их тайные свидания день за днём, год за годом...

Мариям до боли прикусила губу, главное: не расплакаться, сдержаться. Появившийся в ушах комариный писк глушил слова сестры мужа. Ох, как теперь становились понятными ухмылки сослуживцев Карима, мимоходом брошенные их любопытные взгляды, о которых думала: «Завидуют!» А на самом деле... все знали... и... наблюдали... за ней... как в дешёвом театре...

Голос Раисы вибрировал в комнате: «Вере всегда нужен был поклонник, обожатели оспаривали место у её ног, до брата были другие, и - хочешь верь, хочешь нет, - мужики лебезили перед ней, таяли от восхищения, поклонялись ей, как иконе. Вот умела она соткать вокруг каждого персональную паутину: выведывала привычки очередной жертвы, играла на слабостях, потакала им – и бедняга увязал в её сети на годы! Романтическая, она читала стихи, рассуждала о добре, о вечном. Создавала своего рода эмоционально-философскую ауру. И действительно – выглядела иногда вполне искренней!

Брат несколько раз предлагал сойтись, жениться, но она терзала его, отказывалась, говорила о долге перед её детьми и обманутым мужем. Верин супруг любил её безоглядно, а Карим попивал, уходил в загулы на несколько дней. Мы оставались с Верой подругами, и она была откровенна со мной, твердила: «Зачем менять мужа, который слушается, – на человека, который пьёт и непредсказуем в своих поступках? Смысла в таком обмене не вижу!»

Меня глубоко обижали её слова. Попытки образумить брата не удавались. Вскоре я отошла от бизнеса, а

Карим с Верой остались. Производство разрасталось, и когда Карим встретил тебя, он уже был известной личностью. Вера, узнав, забеспокоилась. Нет, она даже испугалась, возмутилась, плакала. Не хотела верить в измену. Но прежде, чем предложить тебе выйти за него замуж, Карим всё-таки снова попросил её развестись с мужем. Однако она отказалась».

– О, Господи, если б знать раньше..., – простонала Мариям.

– Нет, ты не думай, конечно, он пытался уйти от неё, убежать от этой роковой связи, потому и женился всякий раз, когда она ему давала от ворот поворот.

– Женился столько раз, чтобы... что? Раиса, но ведь Вере пятьдесят лет исполнилось, не молоденькая девушка, недавно стала бабушкой. Чем она его держит? Объясни... Если любит, почему не ушла от мужа? Да и муж, как он терпит?

– Незадолго до вашей свадьбы я зашла к Кариму домой. Понимаешь, я оказалась свидетелем развития их взаимоотношений в течение нескольких лет. Болезненно воспринимала её... игру с братом. Мне искренне хотелось, чтобы его новый брак принёс ему счастье или... чтобы он себя не обманывал. Карим начал разговор с какой-то глупой прибаутки о третьей жене, что и она не помешает иметь любовницу, чем рассердил меня.

Я набралась храбрости и напрямую спросила: кем он себя видит в любовном треугольнике, где есть Верин муж, она сама и Карим? И как он, попирая своё достоинство, смог оказаться в таком положении... ведь Вера поступала странно: на светских тусовках появлялась вместе с мужем, а деньги для себя и своих детей брала от Карима. Он ничего для неё не жалел, осыпал подарками, путёвками, дом помог отстроить, обставить...

Конечно, она и сама зарабатывает хорошо, и работник отличный, каких ещё поискать – при её-то уме и хваткости! Но муж-то не только догадывался – знал об их любовной связи... А Вера... Вера никогда не разведётся! Это очень удобно: жить при муже и именитом любовнике. Но тайное – всегда становится явным! Их отношения уже ни для кого не секрет, тем более для партнёров по бизнесу, друзей, родственников...

Карим в ответ кричал мне в лицо о Вериней и своей любви. Той любви, которая никогда и никому не будет понятна. Он не желал осознавать, что обретённый финансовый и бытовой комфорт не дадут Вере разбить, разметать налаженную жизнь.

Ведь на чём держатся многие браки? На лени. Да, да... Что такое эгоцентризм? Прежде всего – лень духа и нежелание побеспокоить себя, любимого. Сколько семей связывает только одна ниточка – боязнь поменять заведённый порядок, ритм повседневного бытия: утром чашка горячего кофе, поцелуй, «доброе утро», вечером – «устала, было много работы»!

И муж Веры, заметь, тоже не внакладе: любимая жена, всегда сытый, всё в доме есть. Нет внутреннего покоя, конечно. Именно поэтому они вместе с братом девок снимали, оргии устраивали. Он ведь тоже вроде как друг Кариму. Вдвоём баб драли, чтоб Вере досадить или себе доказать, что могут и без неё обходиться. Не разберёшься...

– Как гнусно! – выпалила Мариям.

– Знаешь, в тот вечер откровений я долго ему рассказывала, как и кто выглядит в их треугольнике... Так он под утро звонил Вере и просил тотчас же явиться к нам. Я тогда расхохоталась: «Не приедет! Шутка ли, в пять утра разбираться с подвыпившим придурком. Она в тёплой постели спит, это надо ж усилие прило-

жить, умыться, одеться, сесть в машину, мчаться кого-то успокаивать!». Тогда Карим потребовал к телефону её мужа. Вера спокойненько ответила, что она сама давно посвятила супруга в свои любовные похождения, так что удивить его не получится...

И тут брат впал в ярость...

Он меня избил, синяки с ладонь... месяц не сходили. А самое страшное в то утро – схватил ружьё и нацелил мне в лоб. Видно, захотел одним махом избавиться от главного свидетеля его слабости. Расстрелять правду решил!

К тому моменту челядь и охрана сбежалась, но никто меня не защитил. Никто. Жуткое чувство – беззащитность, когда понимаешь: ждать помощи неоткуда. Он крикнул: «У меня нет больше сестры». Вот с тех пор мы и не общаемся. В тот день я подумала: «Куплено всё: люди, отношения... и продано всё, даже собственным эгоизмом и обидой торговать можно!».

– За меня тоже никто не вступился, когда Карим из-за Сании избивал. Стояли и наблюдали... я знаю... – сказала Мариям.

– Фёдор в тот злополучный день увёз меня домой, – продолжала Раиса, – утешал: Вере, мол, тяжело будет умирать с такими грехами, на том свете все её мерзости бумерангом вернутся.

Да, ненавидят её простые люди, видят, как она подпаивает Карима, как открыто встречается с ним. Грязно и противно! К тому же молва идёт: хочешь от Карима чего-то добиться, надо Верочку ублажить, понравиться ей, а она всё представит ему так, что он не откажет. Смешно сказать – один старый приятель, хороший финансист, на вечеринке случайно вместо своей тарелки обглоданную куриную кость в Верину бросил. Она рассердилась, с тех пор брат с ним не ра-

ботает. И со мной никто из его свиты не общается – боится. Мать украдкой ко мне приезжает. Только Фёдор иногда объявляется на Пасху, про тебя и племянников рассказывает. Мариям, зря ты сюда приехала, Кариму доложат... плохо всё обернётся.

– Уже и так – хуже некуда, Раиса, – со слезами в голосе ответила Мариям. Лицо её горело, на щеках выступил болезненный румянец, руки стиснулись в кулаки.

– Он с Верой на старой квартире встречается, обычно в обеденный перерыв. Зачем я тебе это говорю, сама не понимаю, – тяжело вздохнув, ответила золовка.

– Я поеду...

Глава шестая

ВОСПОМИНАНИЯ КАРОЛИН

Каролин устроилась домработницей к владельцу крупной компании. Она дорожила своим местом, хозяева платили приличные деньги за собственную лень, называемую комфортом, и возможность иметь свободное от домашних хлопот время.

Каролин приходила три раза в неделю, с остервенением драила ваннные комнаты, убирала в апартаментах, закупала продукты и готовила обеды.

Вот и сегодня с грудой грязного белья она носилась из спален в прачечную, смахивала пыль с мебели и искося поглядывала на хозяйку. Та звонила по телефону, слышался смех и быстрый стрекот обычных светских сплетен.

Каролин налила кружку свежего кофе и незаметно поставила перед ней, в ответ увидела благодарную улыбку и предупреждающий жест – больше не мешать. В принципе, могла бы не показывать, за четыре года работы Каролин хорошо изучила привычки здешних домочадцев. Теперь часа полтора её не будут отвлекать по пустячным делам, и она быстро справится с уборкой.

Движение рук в жёлтых перчатках доведено до автоматизма, равномерный шорох щётки, отмывающей фаянс огромной ванны суперхимикатами, заворачивал, и, не заметив, Каролин глубоко погрузилась в мысли.

Когда-то - в той, прошлой, ее жизни, - она любила понежиться в горячей воде с ароматной пеной, и её джакузи была больше, чем эта. Наблюдая за струёй воды, окатывающей стенки, вспомнила, как она купала сынишку, баловалась с ним мыльными пузырями...

* * *

После рождения ребёнка Каролин всю себя посвятила его воспитанию. Ночами не спала, безудержно рыдала, когда у малыша от простуды поднималась высокая температура. Закрывалась с ним в своей комнате и не подпускала никого. Роберт не особенно интересовался, что с ними происходило, теперь он оставил её в покое. Последний раз обнял, когда увозил из роддома.

Падчериц юная мать побаивалась. Ей почему-то представлялось, что они стремятся чем-то навредить её Питеру, способны напоить или накормить чем-нибудь нехорошим. Постоянно прислушивалась: не стоят ли под дверью. Только пожилая няня, которой она доверяла, имела доступ в детскую.

Однажды ночью, когда Каролин с сыном на руках направлялась на кухню, чтобы подогреть молочную смесь, она столкнулась в коридоре с мужем. В полумраке, заметив знакомый странный блеск в его глазах, женщина съёжилась и сильнее прижала мальчика к груди. Ребёнок расплакался. Роберт вырвал его у жены, положил возле стены и ринулся на Каролин. Она уворачивалась от сильных рук супруга, умоляла.

Но... не помогли ни уговоры, ни захлебывающийся плач малыша.

Роберт насилывал её тут же, на полу коридора, молча, грубо и долго, а Каролин смотрела сквозь слёзы на лежащего в стороне ребёнка и слышала, как его плач переходил в хрип. Видела, как тот выпростался из одеяльца и неуклюже пополз, только белые пяточки мелькали... Безмолвный стон опалял горло, пальцы тянулись к ребёнку.

Опустошённая и уничтоженная, она лежала и наблюдала, как Роберт поднялся, застегнул ширинку, отряхнулся, перешагнул через сына и размеренным шагом

направился в свою комнату. Не было сил подняться...

На мгновение она прикрыла глаза и почувствовала чьи-то руки, мягкие и тёплые. Нянька... Слезы потекли по щекам.

– Тера, он монстр, варвар, мне стыдно... извини, пожалуйста, ты видела? – прошептала Каролин.

– Мэм, я помогу вам встать.

– Где сын, где Питер?

– Он здесь, – ответил ей ещё один голос.

Каролин напряглась.

– Кто здесь?

– Это я, Клера.

Старшая падчерица держала Питера на руках и, присев на колени, протягивала его Каролин.

– Когда отец ушёл, я его взяла... и бутылочку подобра.

Мальчик, не мигая, смотрел на мать и причмокивал губами.

Каролин потянулась к сыну и, неожиданно для себя, будто в первый раз, увидела глаза девушки, полные сострадания, и её тонкие руки, выпроставшиеся из-под шёлковой пижамы.

– Клер... а Джуди... тоже...

– Джуди спит.

– Ничего я не сплю, – донёлся голос из полумрака коридора.

– О-о... – простонала Каролин, – какой позор!

– Да отец же... чокнутый! У него с головой не всё в порядке, – возмутилась Джуди.

– Мэм, позвольте Клер донести малыша до комнаты, а мы с Джуди поможем вам встать.

– Да... да, – и Каролин залилась слезами.

Она не помнила, как добралась до спальни. Тера уложила её в постель и дала таблетку сильного снотвор-

ного. Сквозь всполохи покотившегося в небытие сознания женщина видела Клеру, качавшую сына, и сидящую у её изголовья Джуди. Младшая дочь Роберта гладила её волосы и что-то шептала.

Утро поразило тишиной. Каролин неподвижно лежала в кровати и не открывала глаз. Верхняя губа подергивалась. «Нервный тик...», – вяло подумала она и свернулась клубком, забравшись поглубже под одеяло. Указательным пальцем с усилием прижала губу, помассировала, затем прикусила зубами. От внезапно возникшей боли всплыли картинки из детства.

Дом. Большая комната. Диван буквой «г», на котором она спала вместе с неродным братом Роем, в углу телевизор, перед ним два кресла – одно красное, другое чёрное из кожи – оно ей больше всего нравилось. В жаркие летние вечера в нём было уютно и прохладно. Арнольд Кремер, отец семейства, усаживался именно в него и, потягивая пиво, смачно ругался, – смотрел футбол. Мать подносила чипсы и бутерброды, открывала крышки бутылок и ставила на столик перед ним. В эти «святые» для старшего Кремера час никто из детей не смел ни слова сказать, ни играть.

Обычно маленькая Каролин устраивалась на короткой части дивана, прижимала единственную куклу к груди и, почти не дыша, смотрела на отца. Ждала...

Своим детским умом она давно смекнула – команда, за которую «болел» отец, должна выиграть. Иначе...

Однажды, когда матч был проигран, старший Кремер, разъярённый неудачей фаворитов, ушёл и вернулся в полночь, пьяный как никогда. Сквозь сон она услышала перебранку между родителями, а затем страшный шум.

Вынырнув из-под одеяла, девочка увидела стул, врезающийся железными ножками в телевизор, и разлетающиеся осколки голубого экрана. Мелкие стеклышки зависли в воздухе... Всё остановилось. А потом они сыпались, сыпались, переливаясь всеми цветами радуги и падали на неё, на пол, на Роя. Вдогонку им нёсся грохот и мать, раскинув руки, чёрной птицей спикировала с неба, приземлилась на узкие, бледные ступни, которые вспархивали над полом, оставляя кровавые бусинки на ковре.

Змеёй зашевелился шнур от напольной лампы, женщина споткнулась и на коленях проехала по стеклу, завопив что есть мочи:

– Глаза, закрой глаза!

Каролин зажмурилась и почувствовала дрожь во всём теле и подёргивание губы. Её белые зубы приоткрывались и закрывались от непроизвольного сокращения мышц, а возникший отец, вдруг заметив это, кричал:

– А... маленькая сучка ещё и скалится на меня! Да я вас всех поубиваю к чёртовой матери! – и ринулся к дивану.

Мама обхватила ноги отца и, сопротивляясь, пыталась его остановить.

Пощёчины догоняли друг друга и опаляли щёки девочки: раз, другой... её головёнка моталась из стороны в сторону. Время завивалось вокруг волосатых пальцев и мясистой ладони Арнольда Кремера и никак не хотело сдвинуться с мёртвой точки.

Попало тогда с лихвой и матери. Мир тонул во всхлипах и столах... Позже Кремер плакал и проклинал судьбу. Но вскоре затих, уснув тяжёлым похмельным сном в любимом кресле.

Маленькая Каролин не спала. Уткнув нос в диванную обшивку, она старалась сдерживать слёзы и сильно прижимала губу пальчиками, порой отвлекалась и внимательно рассматривала цветочный рисунок. Завитки узора не имели ни начала, ни конца.

Отцовская любовь – непостижима, да и была ли она?

Этот вопрос постоянно мучил, вплоть до отъезда из дома. Иногда на отца накатывала волна непонятной ласки, отчего становилось страшно и зябко. Никогда не могла понять: чем она вызвана и зачем он нежничает. Такие вспышки возникали спонтанно, как вихрь из ниоткуда, и тогда он водил девочку в кино и парк, катал на велосипеде, играл с ней в волейбол. Покупал сладости, целовал и подбрасывал в воздух. И каждый раз, оказываясь в броске, она пугалась и думала: «Не поймает! Уронит, и я разобьюсь!»

За всё время семья один-единственный раз ездила в отпуск. На автомобиле отмахали сотни миль, чтобы доехать до дешёвого отеля в Майами. Три дня купались до синюшной кожи, а потом...

Ночью ребят подняли с постели, наспех одевшись, все втиснулись в старенький «Форд». Пьяный отец гнал, не разбирая дороги, ругался, на чём свет стоит. На заднем сиденье дрожавшие от холода дети зевали и толкали друг друга локтями.

И вдруг...

Полёт с моста в бездну сухого речного русла казался бесконечным. Каролин от страха вцепилась в голову матери, та орала не своим голосом, сердце девочки скакало галопом, кишки выворачивало. Машина перевернулась в воздухе. Свет фар вырвал искривлённые силуэты берега.

Её затылок стукнулся о потолок кабины, ноги засучили сами собой, материны волосы резали ладони в

кровь. Мгновение, и машина сделала второй оборот во мраке встревоженной ночи. Отец не снял ногу с педали газа и рев мотора вибрировал в каждой клетке тела.

Крыша «Форда» с грохотом и скрежетом приземлилась на землю, лопались стекла, от удара мать вылетела через переднее окно, чья-то нога врезалась в лицо ребёнка. Кабина съёживалась на глазах, вжимая пассажиров сиденьями в потолочную, мягкую обшивку. Дышать стало тяжело...

Казалось, в светящемся потоке девочка плавала, словно дельфин, которого она видела в океане: вынырнет и опять уйдёт во тьму, вновь на поверхность, и дальше по кругу.

Какая-то небесная лёгкость, лёгкость во всём теле...

Каролин очнулась от громких возгласов, яркого света и гула вертолёта. Вкус крови солонил рот, прикушенный язык не ворочался, губы дёргались, «прыгали» на лице.

Пострадавших вытаскивали из машины, клали на носилки, заносили в вертолёт. За несколько метров от места катастрофы нашли мать.

Девочку тошнило. Хотелось спать. Но голос молодой женщины парамедика ввинчивался в мозг, она без конца повторяла, глядя на Каролин: «Смотри на меня, не спи! Смотри мне прямо в глаза; все будет хорошо...»

Нет, никто из них не погиб, только матери пришлось лежать больше месяца в госпитале с многочисленными переломами и челюстно-лицевой травмой. Отец отделался синяками.

Больше они никогда не выезжали в отпуск: родителям пришлось три года выплачивать по счетам госпиталя.

Каролин горестно вздохнула от старых воспоминаний и опять потеряла губы. Неожиданно всколыхнулась тревога: «Где Питер?», – но тут же улеглась, не оставив и следа. Ей ни о чём не хотелось думать, и Каролин опять задремала. В полусне она слышала, как нянька тихо подходила, поправляла одеяло, ставила еду на прикроватную тумбочку, потом уносила. Только к вечеру женщина очнулась. Тера нашла её в спальне в лёгком пеньюаре со сложенными на груди руками.

– Мисс, вам лучше? – с тревогой спросила нянька.

– Да, Тера, я чувствую себя хорошо, – бесцветно прозвучал ответ.

– Завтра воскресенье... хотите пойти в церковь? Это недалеко, я вас заберу и обратно домой привезу.

– В церковь?

– Знаете, в... такие минуты надо к Богу обратиться. С пастором поговорите, и на душе станет намного легче.

Вот так она и попала в секту пятидесятников или Пентакостал церковь. После первой же исповеди Каролин посоветовали исправно выполнять супружеские обязанности, носить длинную юбку и кофты, закрывающие руки и шею, не смотреть телевизор и не носить золотых украшений.

В её жизни появилось чёткое расписание: по понедельникам и четвергам она сама приходила к Роберту в комнату и, если он не был в поездке или её не выгонял, оставалась у него на несколько часов. Часто посещала церковь, соблюдала посты, помогала со сбором пожертвований, вставала и уходила на покой с молитвой.

Через девять месяцев Каролин родила дочку. При родах присутствовала Тера, она же и отрезала пуповину. Роберт в тот день не появился, лишь прислал открытку и цветы. Комнату для новорожденной рядом со

спальней Каролин приготовили его дочери. Кроватка была закрыта покрывалом с рюшками, стены отделаны бледно-розовыми обоями с ангелочками.

Спроси её, что происходило в следующие пять лет, – и она не сразу бы ответила. Роберт вёл себя вполне сносно. Как ни странно, но отношения с падчерицами не изменились, отчуждённость не растаяла, а, скорее, уплотнилась.

Сын и дочка росли, Каролин учила их читать и писать, они безропотно ходили с ней в церковь. Пожалуй, более всего запомнился скандал с мужем по поводу Рождества – Каролин наотрез отказалась его отмечать, ибо запрещала её религия. Не покупала детям подарки и не подпускала их к комнате, где ставили ёлку. В споре проявила столько упорства, что Роберт махнул рукой и впоследствии сам с дочерьми устраивал себе торжество, уезжал с ними на каникулы подалее от «чумной» жены.

Мало-помалу Каролин перебралась с малышами в дальнее крыло дома и всё реже встречалась с прочими домочадцами. Из её комнаты можно было выйти на террасу, спуститься в сад по дорожке, через небольшую калитку добраться до гаража и незаметно уехать в любом направлении.

Её внешний вид изменился до неузнаваемости: волосы отросли ниже пояса, и она укладывала их на затылке в тугий узел, лицо обрело ту белизну и прозрачность, что приходит от усердных молитв и постоянных постов, кроткая улыбка подчёркивала покорность судьбе. Даже походка, когда-то женственная и вызывающая, стала плавной и степенной, если не сказать – скорбной.

Теперь в огромных гардеробных висели только тёмные платья до пят, длинные юбки, на полках для обуви

– туфли на «монашеских» каблуках. Гламурные наряды, манто и меховые накидки Каролин отдала няньке, а часть увезла в Армию Спасения для бедных и бездомных.

* * *

«Но однажды всё круто изменилось», – пробормотала Каролин, перебравшись в кухню после уборки комнат. Меню на ужин для хозяев лежало перед ней – требовалась большая сноровка, чтобы приготовить три смены блюд и десерт. Её руки автоматически мыли овощи, нарезали мясо, что-то сбивали, размалывали, укладывали...

«Моя судьба опять совершила причудливый зигзаг. Как всё произошло?»

* * *

Джуди, младшая дочь Роберта, сидела с бокалом виски в руках на краю бассейна. Сегодня отмечали её день рождения. Подсвеченная вода казалась голубой. Кусты укрылись в чёрном палантине зыбкого мрака глубокой ночи.

Это был особый для неё день. И... она расплакалась.

На шумной вечеринке, устроенной для Джуди её старшей сестрой, было много гостей. Известная рок-группа играла так оглушительно, что стены сотрясались. Толпа молодёжи вопила от возбуждения, дёргаясь в бешеных ритмах. Джуди танцевала без усталости, изредка выбегая в сад, под прохладный бриз, передохнуть.

Под деревьями стоял длинный стол, на котором лежали бесчисленные закуски и вызывающе толпились бутылки со спиртным. Два бармена с привычной улыбкой безотказно взбивали коктейли, разливали

вино, перебрасывались шуточками с подвыпившими гостями. Официанты подносили молодым людям блюда с лягушачьими лапками, брюшетами и чёрной икрой.

Сестра Клера любила удивлять друзей кулинарными изысками, её не огорчали, а веселили их брезгливые ужимки и даже паника, вызванная очередным кушаньем, специально приготовленным для этого вечера.

Но обычно к полуночи всем уже всё равно, что пить и что есть: лягушки так лягушки, хоть скорпиона подавай, лишь бы было чем запить, да покрепче.

Он подошёл сзади, когда Джуди в очередной раз вышла отдышаться от танцев и стояла возле бассейна, пила содовую со льдом из высокого бокала. Поцеловал её в шею, обнял и начал нашёптывать на ухо скабрёзости. Спустя минуту крепко прижал к себе, впился губами в её губы и, не отрывая их, полутанцуя, затащил в кусты.

Как ни барахталась, ни боролась с ним Джуди, он её не выпустил... закрыл рукой рот, – слово не вымолвить... и она сдалась.

На прощанье чмокнул в щеку:

– Молодец, девочка! – и исчез.

Она долго сидела на земле под кустами жимолости, по кусочкам собирая самоё себя и оправляя платье. Руки мелко дрожали. Заметив под длинными ногтями с красным лаком застрявшую грязь, девочка, вдруг ставшая женщиной, принялась старательно её выковыривать...

Джуди скрипела зубами от бессилия и злости: он был первый в её жизни мужчина, а она даже не знала его имени. Попытка отыскать насильника среди гостей растянулась на несколько часов, но она его не на-

шла. Девушка врывалась в многочисленные спальни, где парочки занимались сексом в промежутке между танцами и апперитивом, – на неё кричали, ругались матом.

Да и как его узнать? Лица не помнит, лишь запах тонкого и терпкого парфюма, да гладкую кожу на спине... Пробираясь между танцующими, она принюхивалась, заглядывала в глаза в надежде: он узнает её, прижмёт к себе и... и...

В конце концов, она вбежала в свою комнату, не помня себя от обиды. С грохотом захлопнув дверь, в свете ночника увидела колыхающиеся, обнажённые фигуры на кровати...

В неё летела снарядом подушка, вдогонку нёсся хриплый крик:

– Пошла во-о-о-н!

Голый отец (!) трахал подружку сестры у неё на глазах! Рык разъярённого похотливого зверя застрял в ушах, расколол вселенную на мелкие части. Она бежала, содрогаясь от охватившей её ненависти и отвращения.

Сейчас же Джуди тихо плакала у бассейна, с подвывом, как одинокий волчонок, запивая слёзы горечью виски. Давно смолкла музыка, иллюминация отключена, гости разъехались.

Неожиданно она умолкла и насторожилась: послышались лёгкие шаги. Резко повернула голову – Каролин в длинной ночной рубашке направлялась к ней.

– Джуди, это ты?

– Я.

– Почему ты не спишь? Уже поздно!

– А тебе-то какое дело?!

Мачеха остановилась у самого края бассейна и наклонилась к девушке. Внимательно приглядевшись, воскликнула:

– Да ты вся в засосах! Что случилось?

– Да пошла ты куда подальше! Идиотка верующая! За своим бы мужем смотрела: где и с кем путается! – и Джуди с силой пихнула её ногой в бок.

Каролин сорвалась в воду. Дыхание перехватило, в голове будто взорвался стеклянный шар. Рубашка пузырилась на поверхности, холод сковал нагое тело. Внезапно накатил страх. «Не выплыву, утону!!», – пронеслась мысль.

Она захлебнулась.

Джуди опомнилась, только когда увидела, что Каролин медленно уходит на дно. Хмель мгновенно выветрился, и она прыгнула с бортика вслед за мачехой, нырнула, схватила её за волосы и потащила наверх. Потребовалось немало усилий и напряжения, чтобы добраться с такой ношей до ступенек. Обхватив Каролин, она волокла её ближе к шезлонгам, расставленным рядками по периметру бассейна.

Лихорадочно соображая и вспоминая школьные уроки по спасению утопающих, Джуди в отчаянии колотила обмякшее тело, массировала спину, переворачивала, ритмично давила на грудь и делала искусственное дыхание. Ничего не помогало.

И уже потеряв всякую надежду, вдруг услышала бульканье, а затем и кашель. Каролин отплёвывалась, дышала с перебоями. Джуди приподняла её голову и держала на коленях до тех пор, пока та не открыла глаза.

– Силы небесные, ты жива... ох и напугала! – вскрикнула Джуди.

– Как всё печально... – прошептала Каролин, – лучше бы умереть...

– Каролин, не говори так, прости, прости меня... я такая дура, – уже рыдая, отвечала девушка.

– Холодно... холодно...

– Ты что, бредишь?! Я сейчас, полежи здесь, – и Джуди бросилась стребать махровые полотенца с шезлонгов и укутывать Каролин, – может, позвать сестру, а потом – в больницу?

– Нет... не зови никого. Это тебе надо в клинику, а не мне...

– Зачем? – удивилась Джуди.

– Глупенькая, чтоб не забеременеть! Уколы сделать... пока не поздно. Я всё прекрасно поняла, что произошло.

– О-о-о, ужас, – простонала падчерица.

– Помоги мне встать... Мы обе мокрые; переоденемся и поедем, – стаскивая с себя полотенца и поправляя слипшиеся волосы, твёрдо сказала Каролин.

– Я... я не могу идти в свою комнату, там... отец и...

– Джуди, я знаю... найдём что-нибудь в моём гардеробе.

Непонятно, откуда в ту ночь у Каролин нашлись силы вести машину.

В клинике было пусто, только старая медсестра сидела за конторкой. Каролин сама заполнила многочисленные формуляры и на вопрос, кем она приходится девушке, коротко ответила:

– Матерью!

На обратном пути притихшая Джуди то и дело хлопала носом. Неожиданно Каролин спросила:

– Своей маме расскажешь?

– Никогда! Ни за что на свете! – вскричала Джуди.

– Почему?

– Я ей не верю. Однажды я сказала матери о своей первой любви, а она потом разнесла по подружкам. Представляешь, – спустя полгода её приятельницы спрашивали меня об этом парне и ...хихикали. Нет...

она только сплетни распустит. Мне некому говорить. Я... одна.

– Ничего ты не одна. Я с тобой, – попыталась поддержать её Каролин.

– Всё равно одна. Знаешь, как нас привезли к отцу? Он позвонил матери и объявил, что женится. И она, хотя мы сидели в той же комнате, потребовала, чтобы он нас немедленно забрал. Сказав ему на прощанье: «Твои дети, ты и воспитывай!» Отправила нас собирать свои вещи. В тот же день мы уехали. В первые минуты знакомства ты мне понравилась. Но я быстро поняла, что от мачехи любви не дождёшься, и ты нас ненавидишь!

Каролин так резко затормозила, что завизжали тормоза. Она съехала на обочину дороги, повернулась к падчерице:

– Джуди... я ждала ребёнка, а ваш отец требовал, чтобы я о нём слова не говорила. У меня не было повода к ненависти.

– А я столько раз мечтала потрогать твой живот и почувствовать, как ребёнок шевелится. Мечтала прижаться покрепче... Но ты нас не видела. Только один раз зашла в мою комнату, когда я сильно болела. Так хотелось, чтобы ты меня пожалела... я тобой всегда восхищалась... такая красивая, женственная... Но всё, что вокруг – тебя не волнует. Закрылась в своей раковине и всех отвергла!

И тут Каролин будто прорвало.

– Послушай, я была молода и даже не представляла, что такое быть мачехой! Каждый раз, когда пыталась проявить к вам толику участия, вы меня отталкивали, избегали, на любой мой вопрос только фыркали в ответ, и я чувствовала себя дурочкой. Думаешь, это просто – попросить что-то сделать, когда не знаешь,

имеешь ли право распоряжаться.

В таком бедламе, как наш дом, единственное, что я могла – сосредоточиться на собственных детях и попытаться воспитывать их по-христиански. Люблю их, они для меня – самое важное в жизни! Однако, как всякая мать, я должна их наказывать за провинности, иногда и поругать. С вами – совсем другое дело: повесить голос – значит, дать повод для пересудов: мол, издеваюсь над падчерицами, агрессивно давлю на их эмоции, а ведь любой суд встанет на сторону притесняемых подростков.

Страх... постоянный страх – вот что меня сковывало... Приходилось следить за каждым словом, за каждым жестом, чтобы ненароком не обидеть вас... Я не умела быть мачехой, а только пыталась научиться.

– Почему ты говоришь о суде? Неужели ты считала нас такими подлыми?

– Но вы могли наябедничать отцу, а он...

– Неправда, мы всегда были на твоей стороне. Мы же не слепые – знаем ему цену.

В то утро они ещёдолго разговаривали обо всём на свете, плакали вместе, выплескивали друг другу, что накопилось за долгое время. Возвратились домой уставшие. Каролин уложила падчерицу в своей спальне, чмокнув в лоб со словами утешения и любви...

В ближайшее воскресенье Каролин не пошла в церковь, а вместе с детьми и Джуди уехала в парк. Они катались на американских горках, ели мороженое и, пожалуй, впервые за многие годы Каролин смеялась от души.

* * *

«Да, именно тогда, после случая с Джуди и нашего с ней разговора, я освободилась от окутывавшего меня

мрака недомолвок и лживости. Казалось, увидела всё в других красках. Мир, от которого я пряталась, не-безупречен, что и говорить, но это была моя жизнь! – подумала Каролин. – Вернусь домой и напишу ещё одну электронку в Россию, Мариям, поделюсь с ней этими воспоминания. Интересно, доведётся ли нам когда-нибудь встретиться?»

Глава седьмая

КАТЕРИНА И ИВАН

«Катерина Рыкова-Орлова едет в трамвае. М-да-с... звучит, как в плохом анекдоте», – подумала про себя симпатичная женщина в коротком полушубке и меховой шапке.

Увы, но для неё, Катерины – это ежегодный ритуал. Каждое 28 февраля она должна была слышать скрежет трамвайных тормозов на остановках, надевать тёплые варежки, дышать через пуховый шарф, смотреть сквозь замёрзшие стёкла и анализировать ещё один прошедший год.

Почему именно в этот день? Потому что двадцать лет тому назад, в такой же морозный февраль она развелась с первым мужем и осталась с двумя маленькими детьми.

Тогда, крепко сжимая сумочку с решением суда о разводе, она продвигалась по нутру забитого людьми трамвая, и какая-то девушка-студентка уступила ей место со словами:

– Садитесь, бабушка!

И всё! Это был двойной удар в солнечное сплетение. Жизненный нокдаун, капут, крах! В тот момент она сразу постарела лет на десять. Села... и, уцепившись за спинку переднего сиденья, покатила по городу – в никуда.

Сегодня её чувства были какими-то неопределёнными, размытыми. Почти два месяца Катя была второй раз замужем. Но её желание стать счастливой вдруг натолкнулось на необъяснимый внутренний дискомфорт. Что с ней происходило, она точно не могла бы выразить. Просто жить – неуютно. Ко всему прочему, Иван с бывшей женой неожиданно решили, что сы-

новья переедут к нему. Катю же поставили перед фактом, и теперь Димка с Алёшей обитали рядом с ней.

Она сняла варежку и ногтем поцарапала заледеневший узор на стекле. Да, её новая семья напоминает сборище квартирантов, не питающих никакого интереса друг к другу, хотя внешне всё выглядело пристойно. Вежливые «здрсте» и «спокночи» скорее нервировали, нежели облегчали существование.

С Иваном легче – их чувства не остыли, он относился к ней внимательно и нежно. Но вот отношения с пасынками Катю беспокоили. Не привыкла она к дипломатии в доме.

Для неё «дом» всегда являлся убежищем от повседневных забот. Когда она жила со своими сыновьями, – то давала им возможность выговариваться, «выпускать пар». Бывало, даже кричали друг на друга, но, в конечном счёте, приходили к единому мнению – никому не дано право разрушать тепло очага. Это было свято.

Здесь же её отвергали, попытки установить контакт воспринимались пасынками как нежелательное вторжение в их внутренний мир. Вопрос «сделаны ли уроки?» – чуть ли не нож в спину, вместо ответа следовали недовольные взгляды и фырканье. А если она просила снять мятую рубашку и надеть глаженую, – негодование едва сдерживалось. При Иване, впрочем, ребята вели себя корректно, но общались, в основном, только с отцом.

С Катериной не разговаривали, игнорировали, она им попросту была не нужна. Обидно. Раньше Катя считала, что с обязанностями матери справлялась неплохо, собственные дети её радовали, любили за заботу и ласку. Она воспитывала в них порядочность и уважение к старшим. Катюша помнила, как тяжело пе-

реживала расставание, когда они выросли, возмужали и улетели из родного гнезда. Плакала ночами, скучала по мальчишкам и уютной болтовне в сумерках. Постепенно свыклась с одиночеством, начала работать сутками, чтобы заглушить в себе тоску. Но контакт с сыновьями оставался всё же постоянным: они звонили часто, если могли, то навещали по праздникам и в дни рождения, приезжали на каникулы, делали ей маленькие сюрпризы, присылали цветы. Просили совета, искали утешения и поддержки, когда попадали в переплёт.

Конечно, она удивила их своим замужеством. Катя обоим позвонила, набралась храбрости и выпалила новость. Младший Серёжка хохотал в трубку и поздравлял, а Борька, тот с чувством пожелал счастья, и всё повторял:

– Ну, ты даёшь, мать! Ну, ты даёшь!

С начала месяца Рыкова «бездельничала», Иван упросил её продать бизнес. Катерина владела крупным предприятием по производству пластиковых ванн и джакузи. Честно говоря, она была рада сбросить с себя это ярмо. Как ни крути, быть журналистом по образованию и призванию, но в течение нескольких лет делать и продавать сантехнику, становилось всё тяжелее.

После журфака Катерина работала на телевидении и вела молодёжную программу. В перестроечную пору всё начало разваливаться, зарплаты еле хватало на пропитание, ей пришлось зарабатывать другими путями. К бизнесу подходила творчески, но душа ныла по любимому делу. В свободное время, если ей удавалось, сочиняла короткие статьи или придумывала новые передачи, писала сценарии и складывала их в заветную чёрную папку, «на будущее».

Трели мобильника прервали поток воспоминаний. Катерина посмотрела на определитель номера – звонил Иван. Радость колыхнулась в душе, но она не ответила. Свои полчаса катания на трамвае нельзя прерывать ничем, – это её личное время, время раздумий.

...А Иван поразился, узнав, что она – ведущая известной в 90-е годы телепередачи. Смешно размахивал руками, бегал по комнате и кричал:

– Кать, так это была ты? Да я ж тебя давно люблю, я был влюблен в твои репортажи, не пропускал ни одного твоего выхода в эфир. Помню, ты брала интервью у одного нового русского, ещё его со спины показывала, чтоб не компрометировать, и в конце, прямо с экрана, сказала: «Не пробуйте, а делайте бизнес!». Слова мне запали в сердце, твои глаза смотрели с экрана прямо в душу. Вот после этой передачи я и занялся коммерцией.

Он не мог поверить, что Катерина первые деньги заработала, разливая бензин обыкновенным эмалированным ковшиком. Хохотал до слез...

Но ничего смешного на самом деле не было. В то далёкое лето горюче-смазочных материалов не хватало, а ей удалось подписать контракт и пригнать несколько цистерн из Казахстана. Помогли знакомые журналисты республиканского телевидения.

А сколько сложностей и заморочек довелось избежать благодаря соседу по площадке – воину-афганцу с преобширнейшими связями... ну, да прошлое всё это...

Трамвай резко затормозил на повороте – пора выходить. Катерина пошла к выходу, думая о том, что её тёплые остроносые сапожки на высоком каблуке – вряд ли подходящая обувь для сибирской зимы, неровён час, споткнёшься на ступеньках и покатишься кубарем. С предельной осторожностью пересекла улицу,

тут подкатил её автомобиль. Теперь Катя не садилась за руль своей «Хонды», Иван запретил и выделил водителя специально для жены.

Она подъехала к дому одновременно с сыновьями Ивана, вернувшимися из школы. Димка и Алёха выскочили из машины и, погоняя друг друга сумками с учебниками, ввалились в холл. Ни приветов, ни ответов, только мимолётный взгляд в сторону Катерины.

Женщина напряглась. Хлопнули двери – ребята заперлись в комнатах, теперь они не выйдут из них до приезда отца. Звенящая тишина и затаённая неприязнь зависли в доме. Катерина поёжилась, – ох, и не сладко жить в такой обстановке, но ничего не поделаешь.

Не снимая полушубка и сапог, села в кресло у камина и затихла.

Неожиданно со двора донёсся голос Ивана. Катя встрепенулась: муж вернулся раньше обычного.

– Катюша, ты дома, Кать! Я в командировку уезжаю, срочно. Катя!?

– Да здесь я, здесь, в каминной, – откликнулась жена, встала и встретила его у порога. Сняла с себя шубку и переобулась в домашние тапочки. «В командировку... А обещал не оставлять меня ни на минуту...», – подумалось ей.

Возбуждённый Иван заметался по дому, Катя спешно помогала ему паковать саквояж, отбирать галстуки и пиджаки. Муж успевал кинуть ободрительное «угу» при виде очередной рубашки и складывал документы.

– Ты надолго уезжаешь? – наконец, спросила Катерина.

– На неделю, не больше. Да, вот тебе ключ от сейфа, там наличка, вам хватит прожить до моего приезда. Секретарша тебе сообщит номер отеля. Но, Катюш, я

тебе сразу позвоню, как только на место прибуду. А ребята уже дома? – строгим голосом спросил Иван.

– Да, – коротко выдавила из себя Катерина, со страхом думая, как она будет обходиться с этими, в сущности, совершенно чужими детьми, в отсутствие мужа.

Иван Семёнович быстро поцеловал жену, заглянул в комнату к сыновьям, что-то тихо пробурчал им на прощанье и уехал.

Остаток дня Катя провела в спальне. Без особого внимания читала детектив в мягкой красочной обложке. Взгляд скользил по строчкам, не цепляясь за смысл криминального сюжета. Она прислушивалась к звукам дома. Внутреннее напряжение не проходило. Сумерки постепенно сгущались и, когда уже невозможно было разобрать слов, Катя отложила книгу и пошла на кухню.

Домработница Галина встретила её вопросом.

– Ужин подавать, Екатерина Владимировна?

Катерина растерялась на секунду, потом, собравшись с духом, крикнула в пустоту жилища:

– Кушать будете?

Никакой реакции от пасынков не последовало.

– Кажется, нет. Мы... попозже поедим. Ты можешь идти, Галя.

Та утвердительно кивнула, сняла передник и тотчас ушла. Катерина проводила её внимательным взглядом, коротко бросив «до завтра». С самого начала ей понравилось, как готовила домработница. Недолго думая, Катя приоткрыла крышку сковородки и вытащила котлету. Откусила и начала медленно жевать.

«Противные мальчишки... Нет, я понимаю – им нелегко со мной. Но я ничего плохого им не сделала...»

Вытащила из холодильника апельсиновый сок и налила в стакан, сделала несколько глотков.

«Ладно, проголодаются – найдут, что поесть».

Но ответственность матери, въевшаяся с годами, что называется, в кожу, сработала против логики. Катя поставила недопитый сок и торопливо направилась к комнатам мальчишек.

Она постучала в одну, но вместо ответа вдруг громко загремела музыка. Постояла в нерешительности и подошла к Алёшкиной спальне.

– Алёша, ты будешь ужинать?

Молчание.

Катя рассердилась. Ей захотелось открыть дверь пинком, накричать на ребят, вытащить их за шкуру и насильно накормить. Еле сдерживаясь, прошла к себе в комнату. Она не могла и не хотела долго злиться и раздражаться по пустякам, однако сейчас была обуреваема желанием переколотить всё подряд. Но вместо этого Катерина принялась ожесточенно взбивать подушки и перекладывать с места на место безделушки, стоявшие на тумбочках.

– Натворила же я на свою голову, теперь и разобраться не могу, – сказала вслух. – Жила спокойно, дак нет, вляпалась, влюбилась! Замуж выскочила! Неродных детей, пасынков приобрела, а теперь не знаю, что и делать с ними. За что мне такое наказание, чем Бога прогневила?

И тут её осенило, даже хлопнула себя по лбу ладошкой. В один миг пришло осознание, и она отчётливо вспомнила мачеху (!) своей матери. Да... да... свою неродную бабушку.

Как же она раньше об этом не подумала? Неужели в жизни всё бумерангом возвращается?!

Баба Клава жила с дедушкой на окраине небольшой деревни. Дом стоял на углу двух неказистых улиц с огромными тополями. Летом с них летел нежный бе-

лый пух и покрывал дорожку у больших тёсаных ворот на полпальца. Однажды, когда Катерине исполнилось четырнадцать лет, мать отправила её сюда на лето вместо пионерского лагеря. Здесь девочка скучала, делать в городке нечего, и с соседскими девчонками дружба не задалась.

Как-то вечером, расстилая для неё постель на старой панцирной кровати с заржавевшими шишечками на спинках, баба Клава спросила, по-деревенски непосредственно, есть ли у неё «на белье» или ещё нет, намекая на менструальный цикл. Катерина страшно возмутилась и ответила резко:

– Не твоё дело! Ты мне не родная бабушка, а мачеха моей мамы, и спрашивать тебе не положено!

Почему она тогда так сказала? Да потому, что перед своим отъездом Катерина случайно узнала от родителей, что баба Клава была второй женой дедушки. Жила с ним лет двадцать, но совместных детей они не завели. Единственный сын бабушки от первого брака умер в младенчестве, и больше потомства ей Бог не дал. Для Катерины такое открытие оказалось равнозначно предательству.

С самого детства она любила стариков, считала их неотъемлемой частью своей жизни, и вдруг обнаружила, что её бабушка, с которой вместе чесала коз, принимала роды у кошки, возилась на огороде, составляла букеты из астр и георгинов – не родная! Словно переломилось что-то внутри, и переломилось навсегда.

В ту секунду, когда она произнесла слово «мачеха», глаза обеих встретились, и Катерина запомнила, как от пристального и укоризненного взгляда бабушки у неё на лбу выступила испарина. Голубые глаза бабы Клавы потемнели, и в них ютились глубокая скорбь, мудрость и покой. Она стояла перед Катюшей в белом

платочке, подвязанном по старинке, под подбородок, с заткнутым одним концом, худощавая, в тёмно-синем с мелкими цветочками переднике. Её руки машинально скрестились на груди, и она тихо произнесла:

– Я ж тебя люблю. Я вас всех люблю..., – потом медленно склонила голову и неслышно удалилась.

Вернуть бы то время, прощения попросить. Только давно уже скончался дед, и бабушка ушла вслед за ним, не пережив и года. От тоски умерла.

Катерина совсем расстроилась от воспоминаний, почувяв в них наказание себе за оскорбление, нанесённое старому и беззаветно преданному человеку. Она тихо запричитала своё запоздалое «прости», оправдывалась, что была глупой девчонкой и не понимала смысла жизни, и, наконец, решила – поедет на могилки и закажет молебен в церкви. Шептала:

– Бабушка, если смотришь на меня сверху, прости ты меня, прости, теперь я понимаю всю твою боль, самой приходится переживать. Я – тоже мачеха.

Но облегчения не последовало! Может, слова находила не те или не до конца их прочувствовала. Внутри всё закипело от собственной беспомощности и гнева на себя, на мужа и его сыновей. Естественным порывом было собрать вещи и бежать из этого дома.

Она срывала одежду с вешалок гардероба и бросала на пол, вытаскивала из комода бельё и швыряла на всё вспухающую кучу посреди комнаты. Через несколько минут Катя рыдала на ворохе одежды, уткнувшись в серое любимое Иваном платье. Прохлада и мягкость ткани впитывали слёзы, и женщина постепенно успокоилась.

Первая ясная мысль прозвучала неожиданно: «Надо оставить ребятам денег и утром уехать!».

Катерина поднялась и вытащила из тумбочки ключ от сейфа. Набрала комбинацию цифр, и дверца автоматически открылась. Внутри лежали пачками доллары и рубли. Взгляд скользнул по ним и остановился на маленькой шкатулочке, крышка которой оказалась приоткрытой.

Что-то Катю заинтриговало и инстинктивно заставило потянуться к ней. На дне лежали старый советского времени пятак, какой-то клык и... губная помада.

Она схватила губнушку и... ее заколотило.

Да, это была ее любимая помада – с большой царапиной на пластмассовом корпусе и выгравированными ее инициалами! Борька с Сережкой – ее сыновья купили целый набор французской косметики ей в подарок на день рождения и на каждой баночке сделали гравировку, а глубокий след-царапина получился, когда она нечаянно уронила футлярчик на асфальт и, не увидев, слегка наступила.

Иван!?!...

Нет! Нет!

Катерина не могла поверить, что это возможно: невероятно, фантазмагорично и отвратительно. Прошлогоднее нападение на неё в подъезде явственно встало перед глазами. Значит, именно Иван был тем грабителем?! Он её ударил, выхватил сумку... в ней лежала... помада... и хоть лицо не запомнилось, но... вот же доказательство!

И, значит, женился на ней из жалости!

Или... это игра, но тогда для чего?!

Ей стало страшно. Она едва успела заскочить в туалет, как её вырвало, вывернуло наизнанку. Катерина корчилась в судорогах, волчком крутилась на кафельной плитке туалетной комнаты и рычала от пронзившего отчаяния. Поднималась, царапала ногтями

стены, билась головой о них и не могла принять вопиющую правду.

Внезапный телефонный звонок заставил её очнуться и, спотыкаясь на каждом шагу, она вбежала обратно в спальню, запуталась в разбросанной одежде, упала, стукнулась лбом о ножку кровати, но успела взять трубку.

– Катюша, Катюша! – твердил голос Ивана.

– Алло... алло..., – задыхаясь, ответила она.

– Ты уже спишь? Я доехал. Всё в порядке!

Катя ненавидела в эту минуту своего мужа и... любила, любила ещё больше. Слова застревали в гортани.

– Хорошо, спокойной ночи, Ванечка..., – выдавила Катерина и нажала на рычаг.

У неё появилось ясное ощущение полёта в бездну: не за что ухватиться и она падает, падает в темноту перекорёженного существования. Душа разрывалась на части, а голова отказывалась вплести хоть какую-то логику в происходящее с ней.

– Катерина Владимировна! Тётя Катя, вы не спите? – голос Димки и его громкий стук заставил её вытолкнуть самое себя на поверхность сознания.

– А... Что, что такое? – громко спросила она.

Димка приоткрыл дверь и изумленно посмотрел на растрёпанную женщину и разбросанные по комнате вещи.

– Ну... я разбираю... гардероб, – сухо пробормотала Катя.

– ...? По-моему, Алёшке плохо, – с тревогой сказал парнишка.

– Плохо? Что случилось?

Рывок в сторону коридора, и в доли секунды Катерина оказалась около Алёшкиной комнаты.

На полу бился в судорогах подросток. Пена у рта

пузырилась, глаза закатились, на пальцах рук синева покрывала ногти. «Передозировка!», – с ужасом подумала Рыкова.

Скорая помощь неслась по дороге, сирена разрывала морозный воздух города. Катерина сидела внутри неотложки и молила Бога, чтобы Алёшка не умер, держала его за руку и периодически звонила по мобильному всем знакомым врачам.

Хорошо, когда есть связи и можно обратиться с просьбой о помощи к друзьям и давним приятелям. Очень быстро она нашла нужного человека и слёзно попросила отвезти мальчика в военный госпиталь, а не в районную больницу.

В госпитале на вопросы отвечала спонтанно, про себя заметила, что ей неизвестна точная дата и место рождения ребёнка, и даже где прописан. Как же она не досмотрела, не спросила у Ивана, где родились дети! Сокрушалась, что они её не любят, – а сама о них ничего не знала!

Катя записала Алёшку под своей фамилией, и адрес прописки указала в собственной квартире. Димка неотлучно находился рядом, а она его не замечала, не помнила, как он втиснулся в машину и где стоял в приёмном покое.

Алёшку успели откачать, высшей наградой в жизни показались ей слова доктора:

– Выживет пацан!

Они вернулись с Димкой поздно ночью. Сели на кухне возле стола. Катерина устало положила голову на руки и не могла слова сказать. Димка участливо посоветовал идти спать и застенчиво произнес:

– Тётя Катя... спасибо.

В ответ она покачала головой и прикрыла глаза, давая понять, что ей лучше побыть одной.

Следующие два дня показались длиною в месяц. На третий, несмотря на уговоры врачей, она забрала Алёшку из госпиталя. Знакомым объявила, что у ребёнка было сильное пищевое отравление.

В тот же вечер неожиданно вернулся Иван. Катя не стала скрывать от него истину:

– Твой сын наркоман!

Иван Семёнович заплакал. Мужчина, не мужчина, но когда что-то страшное случается с близкими людьми, слёзы никак не признак слабости, а просто помогают справиться с горем. Иван брал всю ответственность за сына на себя, считал, что развал семьи тяжело отразился на мальчике. Винился в грехах. Катя не утешала мужа, нет, только тихо подбадривала и говорила о будущем, вселяя надежду.

Вдвоём решили – отправят парня на лечение в Казахстан, в больницу, где главным наркологом работал школьный друг Ивана. Эта клиника находилась в степи, пациенты изолированы от внешнего мира, и с ними занимаются, помимо обычных лечебных процедур, психотерапией.

Борьба за жизнь Алёшки и тяжёлый разговор с мужем отстранили волнующие вопросы, Катерина решила выждать время и при удобном случае разрешить терзающие её сомнения.

Ночью Катерина проснулась от боли и собственного крика. Иван во сне схватил её за волосы, с силой ткнул головой в спину. Она перевернула его, погладила по плечу и убаюкивала, как маленького ребёнка.

Ивану опять снился старик.

* * *

Старик брёл по иссыхающему дну моря... Падал на колени, разбивал их до костей. Из ран кровь не выступала – испарялась в один миг... Тело сохло, медленно обнажая под струпьями кожи скелет. Боли не было...он уже вышел за пределы её ощущения.

С громким шорохом рассыпалась в прах античная галера по левую сторону... Справа дымилась под палящим солнцем крепость сгинувшей когда-то цивилизации. Отделанные золотом стены бурлили, лопались пузырями. Стекали вниз скульптурные изваяния, барельефы с победными баталиями... На древних фресках ещё виднелись испуганные лики былых богов, сливающиеся в пар и возносящиеся в предначертанное им небо...

Далеко за невидимым горизонтом море уходило в воронку небытия...

А старик шёл и падал...

И щемило там, где когда-то было сердце...

Сердце...

* * *

Катерина встала рано утром. Иван мирно посапывал, она не стала его будить, осторожно набросила халат и вышла из комнаты. На кухне уже всюю хлопотала домработница Галя.

– Екатерина Владимировна, кофе горячий. Налить?

– Без молока сегодня, Галя. Чёрный и...

– Две ложки сахара, я помню, – осветилось улыбкой лицо пожилой женщины.

– Галина, а сколько лет Вы уже работаете у Ивана Семёновича? – любопытствовала Катя.

– Скоро будет десять. Я в дом пришла, когда младшему Алёше три годика исполнилось. День рождения у

него тринадцатого октября, а у Димы двадцать третьего, в один месяц рождены... да, – успевая взбивать яйца на тесто для блинов, отвечала Галя.

Катерина внимательно слушала. До сих пор она не особенно общалась с прислугой и не выспрашивала ничего, но сегодня ей хотелось побольше узнать о домочадцах и прошлом этого дома.

Выяснилось, что Алёша рос ласковым мальчиком, зато Дима бедокурил; младший слушался, а старшему – шлепки доставались. Гости съезжались каждую пятницу – у бывшей жены много приятелей и друзей. Кое-кто из них оставался на субботу и воскресенье, что не всегда нравилось Ивану Семёновичу. Человек он занятой, и лишние люди ему, порой, только в тягость, – когда-то и в тишине хотелось посидеть, и с детишками поиграть. Трёх нянек держали, чтоб с мальчиками сладить. Летом Иван Семёнович отправлял семью на море, сам же по командировкам мотался и отпусков не брал годами.

– А дальше-то вы уж и сами знаете, – вдруг остановилась словоохотливая Галя.

– Нет, нет, рассказывайте, – торопливо попросила её Катерина.

– Вроде и нечего больше сказать, – буркнула домработница.

Катя смекнула, что от той пока не добьёшься большего и перевела разговор на другую тему. Попросила женщину съездить на базар и купить курицу, сварить бульон для Алёшки. Галина, пряча глаза, кивнула головой.

– Кто ещё знает о его пристрастии к наркотикам? И когда это началось? – напрямую спросила Катерина.

Домработница на секунду оторопела, горестно вздохнула:

– Да все знают, все... кроме отца.

– И мать? – с недоумением воскликнула Рыкова-Орлова.

– Наверное, догадывается, но... может, и нет, не могу сказать. Дети частенько из дома в дом мотались... Я случайно пакетик обнаружила с полгода назад. Наше-то поколение с этим не сталкивалось, думала, порошок, медицина какая-то, Диме дала, тот с меня слово взял, что я никому не скажу. Жалко парнишку, талантливый он очень... С детства рассказы пишет. Придёт ко мне, бывало, на кухню и читает, родителям-то некогда его слушать. Однажды целых две страницы подарил! Я сохранила. Вон, в верхнем ящике лежат. Хотите посмотреть?

Изумлённая Катерина кивнула головой. Галя забралась на табуретку и вытащила из потаённого места на верхних кухонных полках чуть пожелтевшие тетрадные страницы, перевязанные жёлтой ленточкой.

– Димка у нас математик, а Алёша – тот с воображением, вот, почитайте, – протянула она заветный подарок.

Это была сказка о мухе и черепахе. Катя пробежалась глазами по тексту.

«Поздней осенью, перед наступающими морозами, муха Саня залетела в кладовку и укрылась в темноте. Черепаха Кланц-Кланц жила в коробке неподалёку. По вечерам она выбиралась наружу и, клацая когтями, медленно передвигалась по полу. Однажды дверь в кладовку приоткрыли, муха вылетела и села на край коробки. Они познакомились...»

История дружбы черепахи и мухи удивила и позабавила Катерину. Но конец рассказа был печальным: муха Саня уснула на зиму, а черепаху Кланц-Кланц отдали в зооуголок детского сада.

«Мальчишка способный, нет сомнения», – отметила про себя бывшая журналистка.

– И много у Алёши таких рассказов? – спросила Катерина.

– Целая папка в его столе, он ничего не выбрасывает, но в последнее время всё в компьютер пишет, – с гордостью пояснила домработница. – Екатерина Владимировна, а Вы знаете, что у Димки девушка появилась?

– Нет... Я с ними на такие темы пока... не общаюсь. Галина, вы много муки насыпали!

– Ой, батюшки, всё испортила!

– Ничего, я молоком разбавлю и оладьи напеку, а вы на базар поспешите, – успокоила её Катерина.

На большой тарелке росла стопка свежесдобитых оладий, сладкий запах распространился по всему дому. Первым на кухне появился Димка, наскоро проглотил завтрак и умчался в школу, за ним – Иван Семёнович, молча поел, поцеловал жену и уехал на работу. Груда грязной посуды несуразно торчала в мойке, Катерина не стала с ней возиться, взяла стакан свежей воды и направилась в комнату младшего пасынка.

На кровати неподвижно лежал Алёшка. Напоить его так и не удалось. Жидкость не попадала в полуоткрытый рот, стекала по щекам и подбородку. «Овощ, просто овощ лежит, а не человек», – думала Катя; голова пошла кругом, а сердце сжалось от жалости к ребёнку.

День за днём Катерина ухаживала за мальчиком, кормила с ложки, если удавалось втиснуть её между зубов, не скупилась на ласковые слова, рассказывала о погоде и пыталась расшевелить паренька смешными историями. Но всё было тщетно, он не реагировал ни на кого и ни на что.

Между супругами возникли отстранённые, прохладные взаимоотношения. Старший Орлов с головой окунулся в работу, уходил рано утром – жена ещё не проснулась, а возвращался поздно, когда она уже спала.

В день восьмого марта, вручая полусонной жене рано утром букет голландских огромных тюльпанов, он объявил, что вечером будет банкет.

Катерина поначалу растерялась, ведь это её первый выход на люди: босс знакомит новую жену с сотрудниками компании и партнёрами. Несколько часов она провела в хлопотах, перемерила весь гардероб.

Наконец, вечером предстала перед Иваном в ярко-голубом декольтированном платье с прозрачной накидкой на плечах. Орлов поразился – так она была хороша! Взбодрился, настроение у него поднялось.

На банкете Катя обворожила всех – комплименты сыпались отовсюду. Незадолго до окончания торжества, тесно прижавшись, они танцевали медленное танго, потом Катерина отстранилась и потянула Ивана за собой. В вестибюле ресторана их ждал полусонный шофёр. Катя шепнула ему что-то на ухо, и вместе с мужем направилась к машине.

Они пылко целовались, когда резкое торможение заставило его встрепенуться и глянуть в окно. Остановились возле подъезда жилого комплекса, от одного вида которого у Ивана возникло неприятное чувство.

– Ты зачем нас сюда привез? – грубо спросил у шофера.

– Выходи, Ванечка, мы на мою квартиру приехали, ты же ни разу у меня не был, – вдруг ответила жена вместо водителя.

– На квартиру к тебе? – встревожившись, переспросил Орлов, открывая дверь автомобиля.

Катерина завела его за руку в тёмный подъезд, под-

нялась по ступенькам. Сердце в груди у Ивана так колотилось, что ему чуть не стало плохо. Он подумал, что перебрал с алкоголем.

Жена подтолкнула к лифту. Внутри замкнутого пространства Иван Семёнович начал задыхаться. Поднялись на нужный этаж.

На площадке Катерина открыла ключом дверь и впустила мужа. Включила свет в узком коридоре.

– Проходи в комнату, – со вздохом сказала она.

– Катя, ну что за чудачество, что, мы не могли в другой раз сюда приехать? – тревожно спросил Иван.

– Зато здесь мы одни.

– А..., – протянул он в ответ.

– Ванечка... у тебя новая женщина появилась?

Вопрос застал его врасплох, и он ответил оглушительным смехом.

– Да ты с ума сошла, приревновала, что ли, к кому? – обнял Иван жену.

– Да... приревновала, я... помаду в сейфе нашла... и...

– В сейфе? Дома? А... это мои трофеи.

– Трофеи... собираешь, как знаки своих побед или..., – холодно продолжала Катерина.

– Постой, постой... дай разобраться..., – он отпрянул от неё и отошел в глубину комнаты. Стоял спиной и молчал.

Молчание затягивалась. Катерина ждала.

– Кажется... я натворил дел, – с тоской, чужим голосом, наконец, произнес Иван. Катя даже не шевельнулась, вся напряглась, будто струна.

Иван Семёнович мучительно подбирал слова.

...Десять долгих лет работы без продыху. По трое суток не мог спать, голова раскалывалась от идей, сотрудники сбивались с ног, воплощая их в реальность.

На одиннадцатый год у него было всё...

Всё с большой буквы: немереные деньги в банках, уважение окружающих, жена, подрастающие сыновья.

Потом наступило безвременье вседозволенности.

Что хотел – получал, что недоступно – добывал. Подкупал, где мог... Разорял – кого хотел. Можно было бы остановиться и наслаждаться жизнью, но...

Без тормозов нёсся на сафари в Африку – один. По Европе из одного ресторана в другой – один.

Никого не желал видеть и слышать, существовало только одно – Я, Я, Я... Великий! Запивал неделями, устраивал оргии.

Внутри горело...

Он не понимал, что с ним происходило. На заре его привозили, упившегося до чертей, укладывали в постель, он спал сутки, двое, надевал свежую рубашку и... по новой. В тот же круговорот.

Не замечал детей, разлюбил жену. Она ушла, подала на развод. По ночам мучили кошмары. В снах стал приходить один и тот же страшный старик.

Душа сохла...

Он перестал чувствовать.

Никаких эмоций не осталось. Приезжая к матери, ругался с ней, издевался над близкими.

Церковь начал строить – и попа в кровь избил, тот его анафеме предал.

Родственные связи разрывались. Размывались понятия о чести, любви. Дружбу заменило предательство.

Однажды в попойке с незнакомыми людьми он бесчинствовал, как никогда. Швырял столы, срывал с девок одежду, занимался сексом на виду у всех. В какой-то момент к нему подсел чистенький господинчик, подливал водку и рассказывал об одном удиви-

тельном контракте, который подпишешь и получишь удовольствие сверх всякой меры. Поиграешь в бомжа, в бандита и охотника – на всю катушку проявишь себя мужчиной в экстриме.

Иван согласился. И... началось.

Не успев выйти из загула – в бандита поиграл, женщину стукнул в подъезде, сумку отобрал – оттуда помада...

На морозе милостыню просил...

С танка поохотился...

Порезвился, одним словом. Мерзость.

Но в душе всё сгорело... Сердце иссохло... Не помогло.

– Только когда тебя, Катюша, увидел, шевельнулось тепло в груди. Мальчишкой себя почувствовал, будто заново на свет народился. Сволочь я, Катя, большая сволочь. Не нужен я тебе.

Откровения Ивана шокировали Катерину, противоречивые чувства мороком обволакивали сознание, ей казалось, она существует в бреде больного или участвует в фильме ужасов, а её воображение живо дополняло детали только что услышанной исповеди.

«Кошмар... Ужас... Идиот... это ты меня ударил... Но как же ты страдаешь, бедный... Что же делать...», – мысли метались, а сдавленные рыдания не могли вырваться наружу. Она видела перед собой растерзанного и потерянного человека, мужчину, которого полюбила на свою горемычную голову.

Она не открылась Ивану. Решив, что не выдаст тайны, бросилась ему на грудь и застыла.

Обвинять его – бесполезно и ни к чему.

Только что он сам казнил себя – горше не придумаешь, не зная ни жалости, ни сострадания.

Глава восьмая

МАРИЯМ И КАРИМ

Мариyam не помнила, как распрощалась с Раисой, как сбежала по лестнице и вела машину. Очнулась лишь от вспыхнувшего злого любопытства, погнавшего её к подъезду старой квартиры Карима. Мариyam хорошо знала этот адрес, сама до замужества не раз бывала в этом месте. Она припарковалась на противоположной стороне улицы. Нахохлившись, сидела и смотрела на входную дверь. Ждала. И... вскоре из-за угла дома появился служебный «Мерседес» мужа, притормозил возле подъезда, шофёр вышел, прикурил сигарету.

Взгляд женщины впился в утробу распахнувшейся двери – на крыльце появился Карим, следом Вера. Мариyam откинулась на сиденье, запершило в горле, заклокотало.

Всё вокруг наливалось всепоглощающей чернотой, темнел снег на обочинах дороги, серые здания сглатывали свет дня и превращались в огромные чернильные пятна. Цвет измены гасил солнце и в клочья рвал голубое небо. Ей стало холодно, руки и ноги занемели.

«Нелюбимая...» – осознание того, что случилось в её жизни, беспощадно вспорол сердце. Мыльными пузырями лопались иллюзии, память любви тлела и превращалась в пепел, бывшие слова страсти расщеплялись на знаки лжи и отвержения. Это откровение ожесточило её. Огненной лавой вскипала ревность и сливалась с гневом..., нет, с горем... И поток этот обрушился на Мариyam беспощадно, перечёркивая дни и часы счастья, унося с собой молодость, меняя судьбу в один миг.

Через несколько минут она завела мотор, добралась до салона. Незаметно проскользнула с чёрного хода.

Медленно сняла дублёрку и шапку, повесила на крючок и прошла в кабинет. Улыбнувшись косметологу, попросила наложить на лицо маску из английской глины, ту, что, засыхая, стягивает кожу и расправляет морщины. Стаскивая свитер, расстегнула бюстгальтер и провела ладонями по округлой груди. Со всей силой нажала на сосок и, увидев выступившее молозиво, подумала: «Молоком своим вскормила твоих сыновей, мерзавец и... ещё что-то осталось, странно». Острая боль пронзила тело и привела в чувство.

Обернувшись махровым пеньюаром, Мариям легла на массажный стол и попросила дополнительное одеяло – её знобило. По ходу дала указание: отправить охрану и шофёра на обед, и чтоб через час вернулись за ней.

Под умелыми руками косметолога глина ложилась прохладными мазками на щёки, лоб и подбородок. Чтоб не зарыдать в голос, Мариям отвлекала себя размышлениями: «Маски, которые надеваем на себя каждый день, образуют некий защитный панцирь, под чьим покровом удаётся обмануть чьи-то ожидания, пройти через жизненные передрыги. И теперь мне без «английской маски» не обойтись, чтобы всё перетерпеть и сохранить себя».

Она читала в одном журнале, что клетки человеческого тела как бы запоминают сильные эмоциональные травмы, после чего появляются бесконечные боли, страхи, бессонница. Даже возникают новые жесты, меняется походка, наклон головы, манера поведения. А всё почему? Сгустки скорби и обид – беспощадные тиски, они подавляют жизненную энергию и человек начинает болеть.

«Да, да, главное – не заболеть от свалившегося на меня горя,- уговаривала себя Мариям,- сейчас важно

расслабить мышцы. А холод в сердце... – кто его увидит, кто почувствует? Ведь я... больше никто. Я нелюбима. Я брошена. Я ничто. Но виду никому не покажу. Мне надо быть сильной».

Припарируя собственное состояние, женщина попыталась отогнать свои мысли.

Ни с того, ни с сего в голову пришли слова из басни Крылова: «Ай, Моська, знать, она сильна, коль лает на слона!»

При чём тут Моська? Что за издевательская игра ума в такой момент? Она не знала, но образ подсказывал какое-то решение. Конечно, она не гигант, она именно – Моська, куда ей со слоном тягаться.

«Если я со своим характером и татарской кровью буду плакать, кричать на Карима и выяснять отношения, требовать объяснений – как раз и уподоблюсь собачонке. А если предположить, что я – это Вера? Как бы она повела себя в этой ситуации? Конечно, сию минуту... ничего бы не предпринимала. Ледяная голова, ледяная душа. Она же выдержала, когда я у Карима появилась. Как она смогла опять его вернуть? О-о-о... Вера его любовница в течение всех этих лет! Нанять киллера и убить обоих. Уничтожить. Поджечь в домах. Пусть сгорят! Боже, как тошно! Не смогу.

Я ведь тоже когда-то была любовницей. А вообще, есть ли разница между любовницей и куртизанкой? А... чтобы куртизанка сделала? Глупый вопрос. Для начала она бы сплела интригу. Я круглая идиотка! О чём думаю? Коварство – это плод утончённости ума. Этому за день не научишься: либо дано, либо не дано – быть фавориткой, а затем другом, советчиком и так годами. Особое искусство.

Впрочем, всё – чушь. Господи, что же мне делать? Что делать? Моя молодость оказалась бессильной.

Крашенная седина и возраст Веры, – ведь уже бабушка! – победили. Моя любовь не смогла отстоять мужа, и дети его тоже не удержали. Вера – вот кто куртизанка! Беспощадный разум, холодное сердце. И всё же, всё же... больно».

Маска на лице твердела и стягивала кожу. Ноги и руки леденели – не помогали согреться два одеяла и на всю мощь включенный обогреватель. Тихая, успокаивающая, расслабляющая музыка, звучавшая в салоне, никак не сочеталась с дробным ритмом мыслей Мариям.

«...Сбережений нет. Уйти некуда. Не вернёшься же к родителям в двухкомнатную хрущёвку! Да ещё без работы... впредь надо вести себя умнее, осмотрительнее. Да, быть похитрее... для начала на всякий случай снять в аренду жильё в городе. Но кто оформит документы? Фёдора попрошу... не откажет.

Затем... постараться купить квартиру в Москве и найти постоянный заработок. Очень важно сосредоточиться, сконцентрироваться на собственном «Я», перенять Верин подход к жизни, её манеру мастерски вести разговоры о добре и философствовать на любые темы. Хотя, если подумать, что кроется за её изящными манерами? Ржавчина сердца, искусно прикрытая красивыми фразами. Пиявкой в моего мужа впиалась... Да, а с остальным я разберусь позже», – подытожило утомлённое сознание.

Как ни странно, но в этот день Карим вернулся с работы раньше обычного. В столовой уже был накрыт стол к ужину. Сыновья буквально сбили его с ног. Фархат повис на одной руке, Равиль на другой. Оба наперебой рассказывали о школьных делах. Мариям встретила его радостно и была необычайно кокетлива.

Он отметил про себя, что её глаза сверкали забытым блеском, который некогда так пленял его, на щеках выступил румянец. Она же прочитала во взгляде Карима любопытство и даже восхищение.

Неожиданно для него самого у Карима возникло чувство вины перед женой. И ему захотелось сделать для неё что-то хорошее. Подумал: ведь жизнь не так уж и плоха - супруга красива и сыновья растут умными, дочери замужем, бизнес развивается семимильными шагами. Вера... что ж, Вера всегда рядом, хотя...

На этом месте размышления скользнули в сторону сожаления, и он вдруг понял, что взаимоотношения с Верой Игнатьевной как бы потеряли остроту, всё было старо, банально и предсказуемо. Не так уж много оставалось в ней неразгаданного, что так манило когда-то, а его душа измоталась от беспрестанного томления и терзаний.

Столько лет он пытался разобраться с собой, пробовал порвать с Верой, не встречался с ней месяц, год, но потом опять возвращался к ней, не мог иначе. Он словно был ею отравлен, болен ею.

Бизнес поднял, деньгами, подарками её осыпал. Доказывал: он самый удачливый, самый талантливый. Иногда казалось, роковая страсть угасает, но всё равно, несмотря ни на что, в конце концов, выиграет ретивое, потребует встречи, толкнёт на рискованные свидания.

И какая сладость - спрятаться от глаз людских, слиться в объятьях, услышать жаркий шёпот Верочки, а потом, собирая разбросанную вокруг одежду, одеваясь, буднично говорить о текущих делах, интригах в министерстве, придумывать вместе хитроумные ходы и фразы в предстоящих переговорах с сильными мира сего.

Всё это можно только с Верой. Она читала его, как открытую книгу. Она очень хорошо его знала, и он дал ей себя «читать» – сам листал перед ней страницу за страницей. Ей были известны все его идеи, взлёты мысли и порывы духа.

Иногда ему представлялось, что он болтается на ниточке, которую Верочка дёргает: то приблизит, то оттолкнёт. Карим понимал, а иногда и свирепел, сознавая ту странную силу и контроль, которые Вера имела над ним. Но... ничего не мог с этим поделать. Морок, морок была эта связь.

А сегодня, впервые за много месяцев, Карима потянуло к жене и даже захотелось её приласкать. Но ничего этого он не сделал, а только спросил:

– Какие новости?

Известия изумили: прежде всего, Мариям решила поработать над проектом вместе со знакомой москвичкой Людмилой Аркадьевной и хотела обсудить с мужем, нельзя ли купить небольшую квартиру в столице под студию, чтоб не останавливаться в гостиницах.

Карим внимательно слушал, жевал отбивную и всматривался в лицо Мариям. Казалось, она загорается изнутри, рассказывая ему о возможных творческих замыслах, о богатых столичных клиентах и перспективе развития собственной дизайнерской фирмы.

Саркастическая реплика, что-то вроде «наконец-то займёшься делом – перестанешь дурью маяться», застряла у него на кончике языка. Вместо этого он, повинувшись странному внутреннему импульсу, поддержал начинания жены и тут же, не закончив ужина, созвонился с московским представительством своей компании. Дал срочное задание: немедленно подыскать и купить квартиру поближе к центру, оформить все документы на имя Мариям.

Во-вторых, больше всего озадачил Карима её напор с приобретением яхты для Муслимы. Мариям не на шутку надела на него: давно пора показать, на каком уровне общества должна вращаться его дочь! И, убедив мужа, взяла с него слово: тот должен сообщить Муслиме, что совершает покупку лишь благодаря настояниям мачехи.

Карим лихорадочно соображал. Чёрной летучей мышью метнулось лёгкое подозрение и скрылось в глубине подсознания, словно в потайной пещере.

Он знал, что Мариям настороженно относится к его младшей дочери, особо тёплых отношений между ними не наблюдалось. Впрочем, никогда и не спрашивал жену, каково ей быть мачехой. Пустил всё на самотёк с самого начала совместной жизни и вмешивался только в критические моменты, как в случае с «сворачиванием» старшей дочки – Сании. Тем не менее, ощущение какой-то недосказанности в разговоре с женой настораживало. Он был «не в теме», как сказали бы его коллеги, и чувствовал – не знает чего-то важного. И Мариям не в меру возбуждена...

Но, с другой стороны – его тщеславная дочь будет счастлива. Куплю ей яхту, чёрт с ней. Не будет какое-то время терзать своими капризами. Жена уедет надолго, ему легче будет скрывать отношения с Верой, всё же не на виду у супруги. Мариям вряд ли догадывается.

Главное – порядок в семье и полный контроль над ситуацией. В конце концов, должен же он хоть что-то (!)... контролировать в своей жизни.

Волна раздражённости возникла ниоткуда, захотелось придаться к чему-нибудь, к любому пустяку, разбушеваться и сделать выволочку... Злость поднималась от живота к горлу, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы её заглушить.

Его взгляд скользнул на три мобильника возле тарелки с котлетами. Один из них замигал – тот, по которому всегда звонила Вера. Немедленно ответив коротким «Да...», Карим встал из-за стола, знаками показал детям и жене, что его ужин закончен, и пошёл в свою комнату.

Холодным долгим взглядом провожала Мариям удаляющуюся спину мужа.

– Подонок! – прошептала она. – Даже выражение лица у него меняется, когда звонит Вера.

До неё доносился голос мужа. Он делал вид, что горячо кого-то убеждает:

– Контракт не стоит подписывать сразу, надо протянуть время!

На самом же деле – с бьющимся сердцем внимал, как Вера в тысячный раз повторяла, что любит его, что он самый потрясающий любовник на свете, что в его объятиях она возносится в облака... и не спит с мужем, потому что для неё нет никого милее Карима.

Всё это было многожды слышано-переслышано, но льстило его самолюбию. Он в ответ мог только вставлять глупые слова о несуществующем контракте между её отрывистыми фразами и громким придыханием, тем Вериным придыханием, от которого у него трепетала плоть, и ком подступал к горлу.

Злость сразу прошла, и Карим ещё долго наслаждался телефонной болтовней, опрокинувшись в глубокое кресло и положив ноги на столик.

Ночью он пытался уснуть, вертелся на постели юлой в своей комнате и не мог понять, почему опять возникло желание к Мариям, выходило, что общение по телефону с Верой лишь распалило его. Но у Карима был свой негласный кодекс: не спать с двумя женщинами в один день. И, кстати говоря, он очень гордился этим.

Тем не менее, возбуждение не проходило. Образ обнажённой, пылкой Веры в самых соблазнительных позах, какие только она умела принимать в кровати, то и дело размывался в его воображении хрупкой Мариям, с её улыбкой и робкими жестами тонких рук, прикрывающих наготу. Странно, но, прожив с ним столько лет, она всё равно оставалась как бы невинной. Она не была столь изощёренной в любовных утехах, как Вера, и сейчас именно это казалось ему прельстительным.

Только к трём часам ночи он уgomонился и уснул тревожным сном.

Мариям же уложила сыновей, не стала читать Фархаду книжку. Закрылась в своей комнате и, прислушиваясь к шорохам дома, спешно писала электронку Людмиле Аркадьевне с просьбой о любом проекте, каким бы он ни был, – согласна на все. В разговоре с Каримом она солгала, а это случалось с ней не часто. Сейчас было необходимо превратить обман в правду. Отсылая письмо, молилась, чтобы Людмила ответила сразу, надеялась на разницу во времени с Москвой, на то, что её спасительница будет в офисе и обнаружит послание.

К её удивлению, ответ пришёл через несколько минут: «Мариям, как ты вовремя объявилась! У меня новость – моя дочка Светлана выходит замуж, и мне придётся готовить свадьбу. Сама понимаешь, очень необходим помощник для оформления торжества. Ой, голова кругом, как много всего надо сделать! С удовольствием буду работать с тобой. Ты меня всегда поражала творческой оригинальностью. Когда сможешь приехать в Москву? Постарайся побыстрее...»

Мариям не смогла дочитать до конца, закрыла ладонями лицо и только прошептала:

– Слава Богу, получилось. Получилось!

И – будто гора с плеч. Оставалось решить, когда лететь в столицу, чтобы утрясти дела с квартирой-студией. Она быстро распечатала текст, на всякий случай, как доказательство, если у Карима возникнут вопросы. И до полуночи не ложилась спать, со страхом ждала мужа. Верила ли она, что он придёт или нет, – но чувствовала всем своим существом его эмоции и желание.

Мариям не хотела его, презирала и боялась. Страх смешивался с радостью тайного мщения. Она добилась того, чего хотела: Карим шёл навстречу её желаниям, так что не надо просить Фёдора о помощи с арендой квартиры в Уфе. Уедет в Москву и там начнёт совершенно новую жизнь.

«Блюм» – своеобразный звук донесся из компьютера, пришла почта. Мариям вздрогнула: неужели Аркадьевна передумала? Но, к её облегчению – это была электронка от Каролин. Она открыла файл и, отогнав от себя волнения и тревоги минувшего дня, углубилась в чтение.

«...Когда Джуди изнасиловали, ей было всего 17 лет. Я помогла ей, чем смогла. Но, понимаешь, полной откровенности с девочкой у меня не было и не могло быть. Истинное откровение надо заслужить, к тому же у нас не принято копаться в чувствах друг друга. Каждый волен жить и делать свой выбор самостоятельно. В этом свобода, но иногда и поражение. Джуди хотелось видеть во мне мать, но я не могла заменить её, а стать другом... сразу не получилось... тем не менее, после этого случая между нами появилось притяжение; я её как бы чувствовала, даже на расстоянии...»

Затаив дыхание, Мариям сопереживала жизненным передрыгам Каролин. Одна и та же мысль вертелась в

голове: «Бедные мы, бедные, ну, почему мачехам так достаётся, почему не живётся просто и спокойно? И мужа изменяют, и детям не угодишь»...

Мариям задумалась, оторвавшись от компьютера, откинувшись на спинку стула: «А вот мои отношения с падчерицами так и остались на уровне зародыша. Не до привязанности, обыкновенной человеческой теплоты нет.

А какое простое оправдание поступкам – “свобода выбора”... Карим так и не пришёл... что ж, он тоже свободен в выборе: с кем быть и кого любить. Но как же это тяжело принять! Надо простить... Карима?! Веру?! Или... себя?»

Через три дня Мариям Айдаровна прилетела в Москву.

В приёмной она ждала, когда Людмила Аркадьевна освободится от дел, и устало листала журналы. Что и говорить, Мариям действительно была измотана.

Последние семьдесят два часа в Уфе ей показались вечностью. Она «продиралась» через каждую минуту, а они цеплялись за неё придорожным репейником, оставляя кровавые шрамы навсегда. Сжигала, сжигала «мосты». Испепелённые воспоминания

старательно растирала в прах, пытаясь добраться до прощения, но оно не давалось ей.

Ревность беспощадно жалила в самое сердце, борьба с ней истязала женщину. Надо суметь простить Карима, – только тогда, возможно, он станет ей безразличен. Однако прощение не приходило, и душа всё больше наполнялась пустотой. Ни одной слезы не проронила Мариям. «Никто не увидит и не почувствует моих страданий», – данный себе приказ выполняла стойко, играла на людях, выверяя каждый жест и каждое слово.

Окружающим Мариям казалась весело возбуждённой, окрылённой и суетящейся, отдающей наказы: как, и кому следить за домом в её отсутствие. Но перед отлётом в Москву она сама убрала свою комнату. Верила в приметы: уезжаешь хоть ненадолго – оставь квартиру в идеальной чистоте.

Расставание с детьми было тяжёлым. Прижимая их к груди, женщина вдруг остро почувствовала такую боль, словно видит их в последний раз. Жгучее сожаление об упущенном времени снедало её, ведь за последние недели она так мало уделяла им внимания. Думала о себе, только о себе, но не о них.

Людмила Аркадьевна неслышно покинула кабинет, подошла к посетительнице и легко прикоснулась к её плечу, та вздрогнула и обернулась. Испуганные глаза Мариям с детской радостью распахнулись навстречу, она встала и очутилась в объятиях Людмилы.

– Девочка моя, как ты похорошела, столько лет прошло, а ты, если и меняешься, то к лучшему! – прижала её к себе хозяйка офиса.

– Людмила Аркадьевна, здравствуйте! – смущенно ответила Мариям.

– Ты где остановилась?

– В «Балчуге».

– Отлично, сейчас мы поедем ко мне на дачу, поужинаем, поболтаем, согласна? – деловито отчеканила Людмила Аркадьевна.

– С удовольствием, надо только отпустить мою машину.

– Да, да, и многочисленную охрану. Карим, небось, приставил к любимой целый полк, чтоб никто не похитил. Ох, и обожает, наверное, тебя муж, всем женщинам на зависть! Зарделась, моя девочка, смутилась!

Радуйся, что тебя так любят! – с этими словами Людмила Аркадьевна взяла гостью под руку и потянула к выходу.

В машине Мариям больше молчала и слушала спутницу. А Людмиле Аркадьевне было что рассказать. Взрыв возле парадного входа её компании и гибель сотрудников коренным образом повлияли на все дела. Прежде всего, как ни странно, трагическое происшествие привлекло огромное внимание к бизнесу, и теперь заказов – хоть отбавляй.

А дочь Светлана, видимо, решила, что счастье надо устраивать немедленно, пока жива и здорова. До отъезда в Гарвард, в начале июня, назначили свадьбу.

Но по-настоящему ошеломило другое. Оказывается, Аркадьевна теперь не одна, удочерила девочку, которую подобрала (!) на дороге. Люська, так звали найдёныша, не ходит в школу, а занимается с частными преподавателями дома, учится читать и писать. Людмила Аркадьевна определила её в балетную студию и не нарадуется успехам. Мариям с усилием пыталась вникнуть во всё, что довелось услышать...

На даче состоялась шумная встреча с девочкой. Беспокойная и шаловливая Люська продемонстрировала Мариям балетные па. С гордостью показала школьные тетради, исписанные неверной, но старательной детской рукой. После лёгкого ужина, поцелуев в щёчки и прощального «спокойной ночи», адресованного любимице Людмилы Аркадьевны, две женщины, наконец-то, остались одни.

– Можно задать Вам вопрос? – осторожно начала Мариям.

– Зачем мне всё это надо? – перебила её Людмила Аркадьевна. – Для чего в моём возрасте брать на себя от-

ветственность за воспитание чужого ребёнка? Ты об этом хочешь спросить?

Мариям кивнула, подталкивая Аркадьевну к откровению – та напряглась, потом твёрдо сказала:

– А Люська для меня – знак свыше. Даже не знаю, с чего начать... Видишь ли, у меня в юности была лучшая подруга Даша Белоцерковская. В трудный период жизни она мне помогла. Дарья уехала в Сибирь после окончания института. Связь наша прервалась много десятилетий назад, мы не виделись и не писали друг другу. У неё оказалась трагическая судьба. Случай ли, провидение, но только на обочине трассы я подобрала не просто Люську, сироту-бродяжку, а... внучку своей Дарьи.

– Что?! Невозможно! – воскликнула Мариям.

– Конечно, это что-то из области мистики. Да только в моём случае – правда. Частный детектив документально доказал. У Даши был один-единственный сын Максим, который погиб в Чечне. Но перед армией парень встречался с детдомовской девушкой Олесей Соколовой. Она от него забеременела и уехала в Москву, когда его забрали. В столице дворничихой устроилась, комнату получила, вскоре родила дочку. Через какое-то время ей дали квартиру как матери-одиночке. Олеся записала в метрику имя настоящего отца Люси. Похоже, никто не знал о существовании ребенка, даже Дарья. Спустя несколько лет Олеся неудачно замуж вышла. Пьянство, наркотики... муж в тюрьму попал, там и умер. Квартиру она потеряла. В конце концов, несчастная женщина покончила самоубийством, а девчонка оказалась на улице. Можно спокойно роман на эту тему написать. Вот, роману люди поверят, а реальным фактам, может, и нет.

– Но... как же так получилось, Людмила Аркадьевна?

– Не знаю... воистину стечение обстоятельств, Божья воля... сама не могу ответа найти. Неправдоподобно. Знаешь, о многом я передумала за последнее время. Что такое быть женщиной? Что значит материнство? И... пришла к некоторым соображениям. Может, они тебе покажутся странными или высокопарными...

Аркадьевна неожиданно замолчала, изумлённая Мариям внимательно смотрела на неё и видела, как собеседница нахмурила лоб, внутренне приготовившись к монологу. Людмила Аркадьевна заговорила медленно, проникновенно, словно мысли рождались тут же, облекаясь в слова. Суть сводилась к следующему...

– С чего всё начинается... А с того, что девочка, слабое существо, появившись на этот свет, оглашает своим криком пространство родильной палаты. И в неё уже изначально вложен сакральный смысл – стать женщиной. Она растёт, вот уже и девушка, пытается быть красивой, неотразимой, учится. Впервые любит, страдает...

Становится матерью и начинает понимать, как трудно передать ребёнку знания о жизни: что такое любить, что значит творить и созидать; что такое единение с природой и как найти путь к просветлению разума, как не захлестнуть душу злобой и сохранить себя человеком, как ценить все живое. Любовь к собственным детям огромна, её не заменить ничем.

Изо дня в день женщина накапливает мудрость, медленно, мучительно, по крупицам.

И однажды приходит к такой мысли: если вся вселенная взорвётся от всеобщей ненависти или падёт от природных катастроф, но сохранится лишь одна женщина и одно дитя человеческое, какого бы цвета кожи оно ни было – эти двое найдут друг друга. Женщина

выходит ребенка, приласкает, согреет любовью, научит радоваться жизни несмотря ни на что. Женщина – символ жизни и сохранения жизни. Это её миссия.

Настоящей женщине и трудно, и сложно: быть доброй матерью, хорошей женой, страстной любовницей – всё это вкупе требует огромных внутренних сил...

Мариям внимательно слушала, не перебивая. Людмила Аркадьевна пристально посмотрела ей в глаза.

– Знаешь, Мариям, траву мать-и-мачеху? Да, конечно же, знаешь. Верхняя часть бархатная – народ называет ее материнской стороной, другая, шершавая – мачехина. Ты тоже мачеха, понимаю, как напереживалась со взрослыми дочерьми Карима, но ведь ты ещё и мать своим детям... А трава эта лечебная. Её листья от многих болезней помогают. Тяжело быть мачехой, нелегко быть матерью, но задача ведь одна и та же – помочь ребёнку, довести его до ума, вырастить хорошего человека, как бы ни было трудно. Конечно, есть люди, которые собственных детей не очень-то любят, а полюбить чужих – это нелегко, и требует большой внутренней, духовной работы.

Людмила Аркадьевна замолчала, потупилась. Пожалуй, даже смутилась – одно дело думать о чём-то, другое вслух сказать. Чтоб замять возникшую паузу, поднялась со стула и долила чай в чашки. Поставила на плиту чайник, дорезала бутерброды и тихо спросила:

– Рассказывай... Что случилось, Мариям? – в её голосе была тревога и участие.

Мариям разрыдалась.

Громкие всхлипывания взорвали тишину кухни, пронзили стены дома и, вырвавшись в пространство, устремились в русло великого страдания, где у каждо-

го есть своя стремнина, где каждому уготовано испытать до дна предначертанную судьбою чашу...

Сквозь слёзы слышались горькие слова о предательстве, обидах, уничтоженной любви, о собственной кажущейся душевной убогости, где эгоизм и боль отвергнутой женщины заслонили материнскую любовь. Мариям плакала о детях, заботу о которых она утратила из-за измены собственного мужа, и все её переживания, мысли, поступки никак не соответствовали тому, что говорила Людмила Аркадьевна о женщинах.

Людмила утирала ей слезы, утешала, как могла.

– Мариям, о себе ведь тоже надо заботиться. Сыновья вырастут настоящими мужчинами, я уверена. До восемнадцати им ещё далеко... твои раны зарубцуются, выдержишь. Всё перемелется. А Карима дочери уже взрослые, у них своя дорога в жизни...

Мариям, я думаю, ты ещё встретишь настоящую любовь и верного друга. И одна не останешься. Представляешь, мать моего будущего зятя Борьки, Катерина Рыкова, пошла на банкет 31 декабря, познакомилась с хорошим человеком, а 1 января за него замуж выскочила. У него два сына и у неё два сына. За одни сутки всю жизнь поменяла.

На этой фразе, Мариям будто очнулась и с интересом посмотрела на Людмилу Аркадьевну.

– Не может быть!

– Очень даже может! Я тебя с ней познакомлю, она должна приехать. Сама её тоже никогда не видела, только слышана о ней. Вам будет... о чём поговорить. И не думай, что ты одна такая страдальца на белом свете.

Глубокой ночью Мариям возвращалась в гостиницу. На прощанье Людмила посоветовала ей не поступать опрометчиво, не горячиться: прежде чем принимать решения, взвешивать все «за» и «против».

Следующие несколько дней оказались «забиты» выбором свадебных туалетов, декораций банкетного зала и прочей суетой.

Спустя неделю Мариям Айдаровна возвращалась в Уфу, к себе домой. Она смогла оформить все документы на трёхкомнатную квартиру в Москве, завезти туда часть мебели. Самую большую комнату оставила пустой, с новым мольбертом посередине и дюжиной тюбиков с красками в деревянном ящике.

В багаже она везла ворох детских игрушек, новые приставки к электронным играм, куртки, свитера, итальянские тёплые сапожки для сыновей, но не было ни одного подарка для мужа.

На первый, самый беглый и поверхностный взгляд, изменения, которые произошли с ней, касались лишь цвета губной помады. Но в глубине души она знала точно, что вернулась новым человеком.

В ближайшее воскресенье, отправив детей к свекрови, она решила окончательно объясниться с Каримом. Бесцельно крутясь по дому почти час, она, наконец-то, набралась мужества и распахнула дверь в кабинет мужа. Не перешагнув порога, спокойно сказала:

– Я подала на развод.

От неожиданности Карим не произнёс ни звука, потом, весь подобрравшись и нахолившись, с ухмылкой бросил:

– Ты – спятила! Этого не будет. Я тебе развода не дам!

– Ты с самого начала не должен был жениться, – без страха продолжала Мариям, для неё было важно, в этом разговоре выдержать и не поддаваться эмоциям, сохранить самообладание.

– Я же с тобой столько лет живу! – возмущённо воскликнул Карим.

– Не перебивай меня. Я знаю о твоих отношениях с Верой. Ты не живёшь со мной, ты просто доказываешь Вере Игнатьевне, что не остался один, что тебя кто-то смог полюбить. Но я – слабый аргумент в вашей игре. Ты женился трижды, и каждый раз тогда, когда был отвергнут ею – чтобы показать, что можешь и без неё прожить. Но она знала, как не выпустить тебя из-под контроля..

– Что бы ты ещё понимала в наших отношениях! Не смей трогать Веру! – голос Карима задрожал от гнева. – Вера с её мужем, между прочим, хотели тебе предложить большой проект в Италии – обставить их виллу и купить антиквариат для неё.

– Какое бесстыдство и хамство! Посагать на мою супружескую жизнь и при этом рассчитывать на мою помощь! Их не будет ни в одном моём проекте, никогда! Реабилитировать себя у неё – не получится, предстать моей благодетельницей – не выйдет. Впрочем, проект, естественно, финансировал бы ты, а не она – нетрудно догадаться! Наглость, даже в изящной упаковке – всё равно остается наглостью. Безнравственность, в которой существуют они оба – Вера и её муж, зная, кто и чем занимается – великий грех. Но я им не судья. Всё это грязный фарс!

– О чём ты говоришь? Что ты мелешь?! А?! Моя задача... – напирал оскорблённый Карим. Но Мариям его перебила:

– Какой бы задача ни была, да только ответа к ней не существует, разве что в бизнесе у тебя полный ажур. Но ты запутался в паутине своих тайных любовных утех. А у меня есть гордость, и есть душа. Тебе этого не понять, ты чересчур увлёкся своим... сентиментальным ребусом. Ты слаб.

Но, самое страшное, я перестала чувствовать в тебе защитника. Ты растопчешь меня, если захочешь, без колебания. В тебе ведь нет ни чувства долга, ни добра. Ты давным-давно опустошил себя, даже не заметив, когда. Иссушил и сердце, и душу, гоняясь за призраком, созданным больным воображением. Нет Веры Игнатьевны – есть твоя порочность, которую она хорошо изучила и использует. Она отличный манипулятор. Кстати, в одной книге я прочитала – только не хмыкай, пожалуйста! – «женщина пленит мужчин своей привлекательностью, а удерживает его пороками». А Вера знает, какую веревочку дёрнуть и где розовый бантик повязать!

– Никто не может мной манипулировать, я не дурак!
– взревел Карим.

– Она тебя хорошо изучила – знает, когда и как польстить, эффектно порассуждать о добре и о меркантильности тех, кто тебя окружает.

– Какое добро, какая, на хрен, меркантильность, о чём ты?!

– Любовь приносит людям счастье – не беды, не одиночество, а покой души и ума. Ты сильно преуспел в унижении себя и преклонении перед той, кому ты не нужен.

– Да ты не доросла, чтоб судить её! Она не могла соединить свою судьбу с моей... из-за детей. Она настоящая мать, у неё благородное сердце.

– Вот видишь, даже образ матери наловчилась использовать, чтоб голову тебе задурить. Мать-героиня, да и только! Но... я тоже мать и воспитывала двух твоих дочерей от разных женщин. И ещё наших с тобой сыновей. И мачехой, смею заметить, была неплохой, ведь это я сидела ночами возле больных девочек, когда ты ездил с Верой по командировкам. А ты возвращал-

ся и говорил, что измотан; конечно, понятно – после жарких-то объятий как не устанешь? Так что... ты меня совсем не замечал, не нужна была тебе ни моя преданность, ни моя любовь. Ты нуждался лишь в Вере – только её обожал и боготворил.

– Да какая ты мать, если хочешь детей лишить отца?!
– багровея, срывающимся голосом, сказал Карим.

– Я тебя любила, но третьей – нет, триста шестьдесят пятой! – среди твоих жён и любовниц, не буду. Я не стану картой в твоей нелепой игре, не надейся. Как же ты до сих пор не понял, что свою любовь с Верочкой, если она была, вы уже давно забыли. А те, кто вас по-настоящему любил, те – испарились, сгнули...

Двадцать пять лет прошло – а ты всё у разбитого корыта. Кстати, Вера Игнатьевна как-то сказала нашим общим знакомым, что сломала тебе жизнь. А ты все эти годы положил на то, чтоб доказать ей, какой ты хороший, умный и талантливый...

– Враньё! Наслушалась ерунды и болтаешь вздор! – в голосе мужа слышалась угроза.

– Она умеет принимать эффектные позы, – продолжала Мариям, – и перед людьми ей не стыдно; мол, все мы не без изъяна, пожалейте меня, грешную, каюсь я... Всё – игра. Слова взвешивает, как на весах, поступки выверяет – как в шахматы играет. Манипулирует тобой, ведь тебе важно достигнуть своих целей, а она – одна для тебя недостижима! Призрак, за которым ты бегаешь всю жизнь.

Рассуждаете о высокой морали, а сколько слёз вокруг вас двоих пролито – не замечаете. И нет вам дела до боли тех, кто живёт бок о бок с вами. Неужели ты веришь в сказки о великой любви на обломках чужого семейного благополучия?

Философские трактаты читаете. Бога ищите... Не Бога, а себе оправдание. Вернее, ты – оправдание ей! Не смешно ли: хитрая и расчётливая потаскуха охмурила человека, который держит под контролем лакомый кусок экономики целого края! Тебе постоянно приходится её добиваться, и именно это привязывает тебя к ней накрепко! Ты так устроен – тебе во всём нужны гонки с препятствиями. Но ты никогда с ней вместе не будешь.

А со мной... Считай – меня нет. Заберу детей – не оставлять же их Вере. Тебе они ни к чему, лишняя обуза. Поживи один – может, будет удобнее сидеть на том колу, на который ты сам себя посадил, и ждать... Ждать, когда Верочка бросит тебе кусок со своего барского стола, раскроет объятия, похвалит за великие дела, приголубит, расскажет о божественном твоём предназначении.

Откровенность Мариям и её обвинения тяжёлыми камнями падали на Карима. В конце концов, расвирепевший, он потерял всякое терпение. Пощёчина ослепила Мариям. Боль свела скулы, но она нашла в себе силы сказать:

– Что, правда не сладкой оказалась?

– Убирайся! – завопил он

– Я давно от тебя ушла, у меня в сердце – тебя нет. Соберу вещи и уеду.

– Нет, вещи тебе привезут. Сейчас уматывай, – от ярости голос Карима вибрировал.

– Не смей больше на меня руку поднимать! Встретимся в суде!

Она выскочила из кабинета, стремительно прошла гостиную и вестибюль, на ходу схватила пальто и оказалась на крыльце.

Карим, лихорадочно выхватив карабин с полки в шкафу, с бранью помчался ей вслед. Ругань лилась грязным потоком.

Шлёпанье его домашних туфель заставило Мариям вздрогнуть и повернуть голову. Ситуация была непредсказуемой.

– С ружьём на бабу! Стреляй, герой! Стреляй в спину!!

Мариям развернулась, сбежала по ступенькам и твёрдо пошла по дорожке к большим металлическим воротам. Охрана расступилась перед ней. Она повернула ручку в калитке, врезанной в левой створке, и очутилась на улице элитного поселка.

Отмеривала шаги по дороге и думала, сколько минут ей понадобится добраться до автобусной остановки, доехать до города, купить в кассе авиабилет до Москвы и исчезнуть из этой, теперь уже прошлой для неё жизни.

Глава девятая

КАРОЛИН И ДРУГИЕ

Каролин отсчитывала вслух капли: «Двадцать пять, двадцать шесть...», остановилась на тридцатой, залпом выпила. Вернуться с работы в полуобгоревшую кухню – мало никому не покажется. В доме едко пахло гарью. Сын Питер опять умудрился поджарить на сковороде пластиковые стаканы, смешав расплавленное месиво с какими-то лекарствами.

После возвращения из очередной клиники для наркоманов сын жил с ней. Куда только ни отправляла его Каролин на лечение, даже в спецучреждение при исправительной колонии, но это помогало на месяц, два, а потом Питер всё равно изыскивал марихуану: продавал всё, что можно, из дома, или вот как сегодня, химичил варево для нюхания.

Однако адская смесь взорвалась и разбрызгалась по помещению. Капли застывшего целлулоида, или кто знает чего, длинными чёрными нитями спускались с потолка. Отборный мат её дочери Кейлан дробно рикошетил не развеявшийся дым, с мокрой тряпкой та носилась по дому в нижнем белье.

Каролин глубоко вздохнула, забрала свою сумочку и вышла из дома. Ругаться не было сил, слушать брань – противно. Спешить на помощь Питеру? Ему ничего не поможет, врач предупредил: состояние ухудшается, на фоне употребления наркотиков у парня стремительно развивается шизофрения. Всего восемнадцать лет – и нет будущего у мальчишки.

Она приехала в бар, села у стойки и заказала виски с содовой. Тянула коктейль за коктейлем. Сколько времени прошло – не заметила, поздно вечером попросила бармена вызвать такси.

Изрядно выпив, Каролин не рискнула вести машину. Потерять водительские права было бы непростительной роскошью – пешком в этом небольшом городе ходят только бомжи и мексиканцы. Да и до работы, магазинов идти минут сорок.

Таксист оказался мускулистым молодым мужчиной высокого роста. Рядом с ним Каролин смотрелась маленькой девочкой. Уже в машине, на вопрос: «Куда едем?», пассажирка не сразу ответила. После паузы прозвучало:

– В поля, в виноградники, нет, к чёрту...

– Может, к океану? – участливо спросил водитель.

– Может, и к океану... через магазин, куплю ещё виски, – выдохнула клиентка.

Он привез её в Писмо Бич. Каролин вышла из машины.

В ночном небе мерцали звёзды, волны мерно накатывали на берег. Лёгкий бриз дышал покоем и свежестью. Она сделала несколько шагов в сторону пляжа. За её спиной таксист хлопотал возле багажника. Вскоре мужчина развёл огонь на специальном кострище – большом круге с бетонными краями, в котором люди всегда оставляют лишние поленья. Принёс из машины плед и набросил на её плечи. Открыл бутылку виски и налил в пластиковый стакан, протянул спутнице. Каролин отпила глоток, горечь напитка заставила поморщиться и вздрогнуть:

– Фу, какая гадость!

Но, набравшись храбрости, она всё-таки допила тягучую жидкость. Водитель ушёл на стоянку, вернулся с пакетом и, на удивление Каролин, начал жарить хот-доги, насадив их на палочки. Когда он успел их купить? В магазине его не заметила. И, вообще, что за предупредительность?

– Как тебя зовут? – спросила Каролин.

– Джеф. А тебя?

– Каролин.

– Имя у тебя... певучее, – задумчиво произнес шофер.

«Певучее... как странно... Я не помню, когда пела, и вообще пела ли в своей жизни? Где моя песня? Где моя мелодия?» – промелькнуло в голове у женщины.

– Джеф, а дети у тебя есть?

– Есть... дочка восьми лет. Но...

Десять лет тому назад Джеф женился на капрале ВВС США. Жена умница, но с жёстким характером. Поначалу жизнь была прекрасной, с деньгами – без проблем, он зарабатывал хорошо, и Адель, его супруга, имела все привилегии офицера. Только через год ему уже казалось, что даже спать они ложатся по сигналу трубы и любовью занимаются в запланированные ею тридцать минут. А ему хотелось нагишом бегать с ней под дождём, кататься на полу в её объятиях. Адель же заботилась о карьере...

Он забывал, на какую полку надо положить бельё, в какую тумбочку зубную пасту. От идеального порядка мутило душу. Но родилась дочка, и столько счастья было...

Однако, не выдержал он военного расписания. Не смог. Жизнь не распишешь. Ушёл. Прежнюю работу пришлось бросить. Запил. Жена развелась с ним, быстро выскочила замуж второй раз и заставила его отказать от дочери. Не стал сопротивляться, сложно идти против капрала со связями в Конгрессе. Папа у неё был конгрессменом. Новый муж удочерил девочку.

А Джеф теперь ездит иногда к военной базе и, если удаётся, видит дочку из окна такси.

Он стянул хот-дог с импровизированного шампура, положил его в белую булку и подал Каролин. Отметил, что женщина посмотрела на него с потаённой болью.

– Да я ничего, в порядке, у людей бывает и хуже, – мимоходом бросил Джеф.

– Бывает, бывает хуже, – ответила Каролин.

Пламя костра трепетало в порывах ветра, искры уносились в темноту неба. Он протянул руки над огнём, и Каролин увидела, какие они огромные и сильные. Инстинктивно приставила свою ладонь к его пальцам и рассмеялась, – её ладонь и пальцы Джефа были одной длины.

Они переглянулись, взгляд Каролин скользнул по мягкой улыбке и глубоким морщинам вокруг его выразительных, голубых глаз.

– Ну, ты же крошечная, ничего смешного, смотри..., – Джеф притянул её к себе, и женщина оказалась у него под мышкой.

Он и в самом деле был великаном по сравнению с Каролин. Ей пришлось сбросить шлёпки на высоких каблуках, когда они пришли на пляж, и сейчас, стоя под прикрытием его бицепсов, она вдруг почувствовала себя защищённой от любых невзгод. Ощущение было настолько явным, что трепет прошёл по всему её телу.

Каролин выскользнула из-под руки Джефа и побежала к воде. Тёплая волна лизнула её голые ступни. Не останавливаясь, она побрела по песчаному дну. Подол платья намок, рывок - и Каролин поплыла. Нырнула, открыла глаза в темноту и внезапно вспомнила, как после случая с Джуди у бассейна, девочка учила её держаться на плаву. Как же это было давно...

Каролин наслаждалась и не услышала, как подплыл Джеф.

– Каролин, смотри - дельфины!

Она вздрогнула от неожиданности и оглянулась. Недалеке два дельфина синхронно выпрыгнули из воды и с плеском нырнули обратно. Их чёрные спины блеснули полированной платиной под звёздным небом. И тут она увидела оголённые плечи мужчины; охнула от приступа внезапного счастья, и безудержно покатились слёзы.

Он нёс её на берег, словно пушинку, а Каролин, обвив его шею руками, продолжала всхлипывать и тыкаться влажным носом в его грудь. Взошла луна и осветила всё вокруг, лунная дорожка мерцала серебром и сливалась с отблесками костра. Шум прилива заглушал рыдания женщины и её сбивчивый рассказ о прошлом.

* * *

Фамилию Роберта, первого мужа Каролин, Блэкберд (что означало «черная птица»), знали все букмекеры Америки. Ему почти всегда везло, коллеги прозвали Роберта «везунчиком». Его клиентами были очень богатые и влиятельные люди. Он делал для них ставки на бегах, на команды баскетболистов и бейсболистов, брал свои десять процентов и процветал.

Каролин не вникала в его дела, боялась вызвать неудовольствие мужа. Иногда, через полуоткрытую дверь кабинета, слышала его разъярённый голос, требовавший компенсацию за труды.

Семья жила богато: двухэтажный каменный дом колониальной архитектуры с огромным вестибюлем, как в хорошей гостинице, восемнадцать спален, столовая, рядом батлерная, несколько комнат отдыха, сигарная, два кабинета. На десяти акрах земли находились гаражи для дюжины роскошных машин, хозяйственные постройки, стойла для лошадей и двух пони, подарен-

ных Питеру и Кейлан одним известным конезаводчиком. В полный набор «джентльменской жизни» входили и безлимитные кредитные карточки, которыми она сама почти не пользовалась.

У Каролин и детей было два самых любимых занятия – верховая езда и «игра в Брокгауза». В хорошую погоду, едва ли не каждый день, они отправлялись в стойло к пони: Питер и Кейлан должны были почистить лошадок специальными щётками, надеть на них упряжь, вывести на арену. Маленькая Кейлан вставляла на скамеечку и дышала в ноздри лошади, та в ответ фыркала и девочка от восторга целовала Бэкки, так звали пони, в морду, а Питер баловал свою лошадку сахаром и морковкой.

После ужина располагались на половине Каролин, в дальнем кабинете, уставленном шкафами с книгами, снимали с полки один из томов энциклопедии Брокгауза. Она наугад открывала страницу, читала им, объясняя значение слова, или брала глобус и показывала страны: учила детей и сама училась вместе с ними. С четырех лет и Питер, и дочка могли читать и считать.

Уложив их спать, возвращалась в кабинет и часами проводила за книгами. Это был единственный способ для самообразования. Когда нужно было показать детей гостям, Каролин одевала их в нарядные костюмчики, и малыши поражали взрослых своими знаниями. Играть и бегать они могли только в игровой комнате, находившейся между их спальнями. По дому же ходили тихо и не торопясь, особенно когда Роберт возвращался рано.

С его дочерьми со временем сложились тёплые отношения. Старшая падчерица Клера и младшая, Джуди, иногда приходили подучиться с её детьми. Как-то

раз девушки уговорили Каролин поехать в Нью-Йорк на выходные. Роберт не возражал.

Они заставили её надеть джинсы! Перед тем, как их натянуть, Каролин всю ночь промучилась: идти против устоев церкви, которую всё ещё посещала, хотя и редко, было тяжело.

Что с ней произошло в поездке, она так и не поняла. Но в Нью-Йорке вместе с девушками Каролин посетила джазовый клуб. Звук саксофона проникал под кожу и взволновал до глубины души. Потом побывали на дискотеке, и она извивалась под дикую музыку вместе с толпой молодёжи. Танцевала, не сходя с круга.

Её потрясла встреча с четырьмя геями – друзьями Клеры. (Нет, конечно, она была наслышана о секс-меньшинствах, но всё это существовало где-то в другом мире и не касалось её повседневной жизни). У Клер была уйма знакомых по всей стране. Девушка занималась, в основном, ничегонеделанием, иногда для разнообразия писала абстрактные картины и считала себя непризнанным художником.

Один из геев прозвал Каролин «мамаситой» и захлеб рассказывал, что, наконец, обрёл настоящую любовь. Слезы умиления стояли в его глазах, когда он упоминал имя своего возлюбленного, который подрабатывал в роли известной певицы в ночном клубе. Шесть парней выглядели привлекательно, и у Каролин возникло чувство сожаления, что от таких красивых людей никогда не родятся дети.

Она болтала с ними о всякой чепухе без предвзятости, иногда запиналась, в голове мешалось значение слов «парень» и «девочка». Один из них, Джорджи, почувствовал это, и, со смехом, нагнувшись к ней поближе, прошептал:

– Зови ты нас девчонками, не стесняйся.

Её поразила забота и неподдельное внимание, с которым они относились друг к другу. Под конец вечера Джорджи внезапно воскликнул:

– Мамасита, без любви на свете не живут, без любви – разлагаются!

Да... В тот день она словно на волю вырвалась, ей стукнуло двадцать четыре года, и развлечения напомнили – она молода. Невидимая стена между реальной жизнью и ею самой, воздвигнутая собственными руками, рухнула.

Прозрение наступило поздно вечером, когда, отправив Джуди спать, они спустились со старшей падчерицей в бар отеля. Каролин начала кокетничать с барменом и услышала тихое, одобрительное «У-у-у» Клеры, сидящей рядом у стойки, в тот момент она осознала, – больше никогда не пойдет на проповеди. Так и случилось.

По возвращении домой Каролин вообще перестала ездить в церковь.

Джуди окончила школу, её зачислили на первый курс в Бостонский Университет. Каролин стало грустно, когда после выпускного бала обе девушки уехали из дома. Сёстры решили жить вместе в Бостоне. Сняли квартиру и на прощанье от всего сердца обняли мачеху. Хотя при чём здесь мачеха? – она скорее превратилась в их подругу, может, не очень близкую, но – подругу. На прощанье Джуди на ухо прошептала:

– Будет плохо – приезжай!

Слёзы выступили на глазах у Каролин – не ожидала она от девушки такой чуткости.

Дом опустел. Мрачные предчувствия маяли её всё чаще и чаще. Она не знала, отчего у неё возникают ночные страхи. Просыпалась с тяжёлым сердцебиением, принимала успокоительные таблетки.

Нежданный гость появился в солнечный осенний день, когда она сидела на стульчике и наблюдала за детьми, учившимися галопом пускать лошадок по кругу небольшой арены у стойла. Незнакомец не спеша подошёл к ней, представился.

Это был агент налоговой полиции. Его вопросы изумили Каролин. Он хотел знать, где Роберт и просил документы по оплате налогов за прошлые годы. Ей пришлось сослаться на полное неведение и доказывать ему, что муж всегда отстранял её от бумажной волокиты.

Агент предупредил о возможных последствиях. Роберта подозревали в уклонении от уплаты налогов за проводку финансовых операций в других штатах. Голова шла кругом от неизвестной терминологии и новой информации. Роберта не было дома, он вернулся из бизнес-командировки, – так он называл свои отъезды в другие штаты, – только через несколько дней. Каролин не удалось поговорить с ним, он от неё просто отмахнулся:

– Не лезь, не твоё дело, занимайся детьми!

В тот же вечер дети разбаловались за ужином. Питер украдкой пинал сестру ногой под столом. Девочка не выдержала, развернулась и стукнула брата ложкой по лбу. Что тут началось! Роберт рассердился, выволок детей из-за стола, отшлёпал и отправил спать голыми. Как ни уговаривала его Каролин быть более терпимым – не получилось, причём и она тоже схлопотала увесистую пощёчину.

Роберт жестоко наказал малышкой. На следующее утро пони, привязанных к двум фургонам, увезли в неизвестном направлении. Дети плакали и потом ещё долго вспоминали о своих лошадаках.

Прошло полгода, и Роберт заявил, что продал ранчо в Калифорнии, на которое семья, впрочем, не ездила, и все рестораны. Причины такого решения не объяснил, не посчитал нужным. Муж становился всё более раздражительным, при виде детей уходил к себе в кабинет, отсылал её из спальни. Напряжение в доме росло.

Однажды в шесть утра к подъезду подкатило несколько машин. Налоговой полиции открыл двери батлер. Роберта арестовали, буквально вытащив из постели, надели наручники и вывели во двор. В комнату Каролин вошёл почтительный седовласый офицер, потребовал собрать необходимые личные вещи, упаковать детскую одежду.

Ей не разрешили взять ни портреты сына и дочери, стоявшие в рамочках на прикроватной тумбочке, ни шкатулку с драгоценностями:

– Не положено, мэм!

Едва удерживая слёзы, она с нежной настойчивостью упрашивала маленькую Кейлан отдать своего мишку «дяде офицеру поиграть». Девочка не поддавалась на уговоры.

– Ты должна слушаться взрослых. Правда, малыш, он только поиграет, а я тебе нового куплю!

Дом опечатали, Роберта увезли.

* * *

От мокрой одежды, разложенной возле костра на берегу океана, ещё поднимался лёгкий пар и улетучи-

вался в воздухе. Вместе с ним исчезали и растворялись слова Каролин. Она зябла, то ли от прохлады, то ли от своих воспоминаний и плотнее куталась в одеяло. Джеф, в наброшенной на плечи старой таксисткой куртке, сосредоточенно её слушал.

– Я стояла с детьми и двумя чемоданами на дорожке возле дома, вместе со своей обслугой, теперь уже бывшей... Стояла и не знала, что делать. Прислуга разбрелась, садилась в свои машины и отъезжала с коротким «пока». Только Тера, нянька моих детей, осталась со мной. Она забрала нас к себе, – говорила Каролин Джефу. – В один день было потеряно всё – муж, богатство, дом. Банковские счета закрыты. Чудовищно и нелепо...

Не помню, как разъясняла детям, почему они должны спать не в своих кроватках, и где их отец. На вопрос «когда вернёмся домой», отвечала: «когда-нибудь».

Вскоре я узнала: мы должны больше трёх миллионов долларов государству, не считая огромного штрафа. Конечно, мне советовали немедленно развестись с Робертом, чтобы хоть что-то отсудить в пользу детей. Но не было денег платить адвокатам.

Меня нашли доверенные лица одного из клиентов мужа. Просили уговорить Роберта не давать показания на него, и тогда моей семье будет оказана помощь. И действительно, с разводом мне помогли, однако ни одной копейки я не получила.

Чтобы сократить срок в тюрьме, Роберт выдал всех своих бывших клиентов. Газеты пестрели сенсационными репортажами из зала суда, называли имена уважаемых граждан, спускавших бешеные деньги на скачках.

И в самом деле, всё у неё сложилось, как в грустной мелодраме. Удалось снять комнату в бедном районе Филадельфии и, по иронии судьбы, устроиться в свой

бывший ресторан посудомойкой. После продажи ресторанов новый хозяин сменил весь менеджмент, и никто уже не знал, кем была раньше Каролин.

Теперь она драила посуду, протираала стаканы и слышала, как на кухню заказывали мясо «А ля Каролин», по рецепту, придуманному ею, когда она ещё ходила в положении с сыном Питером. Иногда удавалось забрать отказную пищу, если посетителям ресторана не нравилось блюдо, или едва привявший салат. Главный повар к ней неплохо относился – ценил её старательность и аккуратность.

Детей приходилось оставлять дома одних, чтобы заработать лишний цент. В выходные она составляла цветочные корзины или шила шторы по заказу, на арендованной у владелицы квартиры старой швейной машинке. Спала вместе с сыном и дочкой на столе для пинг-понга, оставшегося от прежнего квартиросъемщика – это была единственная мебель в новом жилище. Просить помощи не у кого, да и не решилась бы она унизиться до такого.

В свои лучшие времена Каролин удалось отправить немного денег родителям, те переехали из Атланты в небольшой городок в Калифорнии вместе с великовозрастными сыновьями. Из писем матери она знала, что вскоре оба брата женились. На их довольно скромные свадьбы Каролин не пригласили, да она бы и не поехала – особой любви между ней и братьями не было.

Джеф перевернул поленья в костре, искры взвились к ночному небу. Женщина сидела рядом и обломком ветки чертила замысловатые узоры на песке.

– Как же ты умудрилась не сломаться, летя с таких высот вниз? Не каждый мужик такое выдержит, а... хрупкой, молодой женщине, да ещё и с двумя деть-

ми... Ума не приложу. Честно. Как в плохой сказке: из Золушки – в принцессу, а из принцессы – в Золушку!

– На роду так написано... судьба... ничего не поделаешь. Кому что дано в этом мире, – с горечью ответила Каролин.

– Ну, а дальше-то что было?

– Дальше... Знаешь, я не люблю слово «завтра» и счета на коммунальные услуги. Они впивались в меня иглами и не давали вздохнуть.

«Завтра» неизменно обрушивалось на меня через каждые двадцать четыре часа, и я должна была верить: каким образом, не знаю - но смогу накормить детей! Раз в месяц считала, хватит ли заплатить за воду, электроэнергию и газ, иначе грозит отключение. Тридцатое – это день аренды, и чек должен лежать на столе у домоуправителя, нет денег – иди на улицу.

Год шёл за годом, дети росли, они меня и спасали. Сколько раз хотелось наложить на себя руки, покончить со всем этим, но не могла же я оставить малышей, понимала - в лучшем случае им уготован сиротский дом.

Со временем Питер начал помогать - разносил газеты и с гордостью отдавал свой заработок в общую копилку. Главный повар ресторана заметил, что у меня нет машины. Я добиралась на работу, как придётся: пешком, автобусом... Отдал свою старую легковушку, которая стояла несколько лет припаркованной на улице, но в рабочем состоянии. Ни цента не взял, подарил на Рождество. И документы сам оформил.

Сразу же легче стало, машина дала некоторую свободу, теперь я могла колесить на три работы. В пять утра ехала мыть полы в банке, возвращалась, кормила завтраком детей, везла в школу, неслась в цветочный магазин, в обед забирала ребят, к четырём была уже в

ресторане, после двенадцати ночи засыпала мертвецким сном.

Как-то раз приехала ночью домой, открыла ключом дверь и с ужасом увидела, что попала не в свою квартиру. Выбежала в коридор, сердце из груди готово выскочить от страха, но глянула на номер, – нет, моя...

Обратно зашла и поняла, что неизвестно откуда в доме появилась мебель. Оказалось, сосед с верхнего этажа переезжал, и весь скарб оставил нам. Я даже имени этого человека не знала.

Помощь, порой, приходит от тех, от кого вовсе не ожидаешь...

Женщина замолчала, встала и пошла по берегу вдоль воды. Отлив с шорохом катился по песку и оставлял после себя отполированную гальку, причудливые плети водорослей, ракушки.

Джеф увидел, как Каролин остановилась и протянула руки к океану, стояла долго, словно в молитве. Очертание её одинокой фигуры серебрилось под светом луны и ему почудилось: сейчас она побежит по волнам и не оглянется, оставит его навсегда, исчезнет из сегодняшней ночи и не будет её исповедального шёпота... и этих по-детски узких ладошек. Без колебаний он встал и пошёл к ней.

Джеф, которому ничего не стоило соблазнить любую девушку в один вечер, подойдя к Каролин не посмел ни поцеловать, ни обнять её, лишь буднично предложил отдохнуть, пристроившись на сиденьях его старенького такси. Перед самым рассветом женщина заснула. Он сидел, боясь пошелохнуться и спугнуть её сны.

Утром завтракали в маленьком кафе на пирсе, а после заехали в кинотеатр на мультфильм, на детский сеанс.

Только к полудню Каролин объявилась дома. У неё не было чувства вины. Она придирчиво осмотрела кухню, – стены и потолок почищены, пол помыт. Питер сидел в своей комнате и в очередной раз смотрел видео любимого кошмарика, дочь убежала на работу.

Сегодня Каролин не раздражало ничего: ни захлапленная комната сына и его нечёсанные волосы, ни обшарпанная мебель и полупустой холодильник.

В спальне включила компьютер и обнаружила кучу сообщений. Только короткая электронка от Мариям не на шутку расстроила. В жизни её русской знакомой события развивались не лучшим образом. Мариям писала, что собирается переехать в Москву и разводится с мужем. «Какая разница, где живёшь, в Америке, в России, да хоть в Африке; если жизнь не складывается, то ничто не поможет», – подумала Каролин и, не дочитав послания, легла на кровать и закрыла глаза.

За стенкой слышались вопли из фильма ужасов и ободрительные возгласы Питера. Она наизусть знала сюжет и каждую реплику героев: сын смотрит каждый день один и тот же фильм в течение нескольких лет. Это его жизненное пространство, предел больного воображения. Дьявольщина с экрана сплеталась с покорёженным сознанием сына и как бы превратилась в его виртуальный клон, стала основной темой разговоров, помыслов, мечтаний. И ничего не поделать, не поменять, не вылечить.

С чего же всё началось? Когда? В очередной раз Каролин пыталась отыскать истоки его наркомании, повернуть время вспять и оградить ребёнка где-то там, в прошлом...

Всё чаще приходило на ум: может, кто-то проклял всю её семью?! И этот «кто-то» мог быть...

Да, это случилось ранней весной, Каролин было лет пятнадцать. Прибежала из школы домой и увидела: за столом сидела мать с фотокарточкой в руках и незнакомый молодой человек. Мать сказала:

– Познакомься, Кара, Чарли – твой старший брат.

– Старший брат?! У меня Роб всю жизнь был старшим братом! А этот человек – кто? – изумилась она.

В полное смятение привела исповедь матери, звали её Сильвия. Ей шёл шестнадцатый год, когда она познакомилась с военным моряком, забеременела и родила Чарли. Родные не верили, что её любимый вернётся, но он приехал на несколько дней в очередной отпуск. Конечно, не успевал он по времени ни брак зарегистрировать, ни под венец пойти. Ровно через девять месяцев мать родила второго сына Роба. Пеленала новорожденного, подтирала сопли у первого, ждала...

А матрос больше на порог не ступил: ни открытки, ни звонка, растворился в морском тумане, загулял в далёких портах, оставив на руках молодой женщины двух малышей.

Рассерженные родители выгнали Сильвию из дома, она приютилась у старушки соседки и через какое-то время обзавелась новым возлюбленным, – Кремером. Будущий отец Каролин предложил Сильвии руку и сердце, но согласился усыновить только одного мальчика.

Сильвии предстояло решить самой. Долго мучилась, прикидывая как поступить. Выбор пал на младшего, а Чарли через социальные службы отдали приёмным родителям.

А у Кремеров, из-за признанного врачами бесплодия, больше пяти лет не было детей. И они усыновили Роя. Не прошло и семи месяцев, как Сильвия понесла.

Родилась девочка, ей дали имя Каролин.

Целых двадцать два года Чарли жил в другом штате и с детства мечтал когда-нибудь найти свою родную мать. Не так давно его приёмные родители умерли, и он остался один. После долгих поисков нашел фамилию и имя мамы, а потом и адрес. Перед смертью приёмный отец отдал ему фотографию, на которой молодая Сильвия, широко улыбаясь, держала на руках двух сыновей.

– Чарльз будет жить с нами и спать в одной комнате с тобой, – как нечто само собой разумеющееся, сообщила мать Каролин.

Меньше двух недель пролетело, но уже было ясно – ни отец, ни братья не приняли Чарли, не разговаривали с ним и едва замечали. Наконец, как-то ночью послышались крики, постыдный мат: подвыпивший отец выгнал парня из дома. Уходя, Чарли даже не успел забрать свои скромные пожитки. Матери, в захлопывающуюся перед ним дверь, крикнул:

– Я тебе с самого начала был не нужен! Но я тебя всё равно люблю, ты единственная осталась у меня на свете... проклинать не стану!

«Сердце сжалось от его слов, помню, долго плакала, уткнувшись в подушку. Но не думаю, что Чарли в душе нас проклял, вряд ли. Тогда кто? – продолжала размышлять Каролин. – Найти бы виновного и наказать. Всё-таки странно устроены люди. Даже если уже поздно и ничего не изменить, всё равно хочется найти того, кто тебе навредил. Что это? Собственная мстительность или стремление к справедливости, – пусть зло будет наказано и душе сразу легче станет?!

А Чарли исчез из их жизни, будто и не существовал никогда. С тех пор о нём в семье никогда не вспоминали.

* * *

Ей исполнилось тридцать два года, когда умерла мать. День не предвещал неприятных сюрпризов, утром она получила бонус в триста долларов - за оформление банкетного зала и церкви для свадьбы. Родители невесты не поскупились, оценили её труд флориста по достоинству. Ох, как же она была счастлива, ехала домой, планируя обновки для сына и дочки. Не успела зайти в комнату – зазвенел телефон... Отец плакал в трубку. Она потеряла голос в одну секунду, хрипела в ответ. В тот же вечер улетела самолётом в Калифорнию. Не видела мать четырнадцать лет, всё откладывала и откладывала поездку, и вот, в итоге, пришлось смотреть на её постаревшее лицо в гробу. А голос так до конца и не восстановился, до сих пор осипший, а разнервничается – в шепот переходит.

Не прошло и трех месяцев – тяжело заболел отец, пролежал в госпитале неделю и выписали его с диагнозом рак желудка. Он не позволил братьям ухаживать за ним и написал ей коротенькое письмо: «Кара, приезжай, мне недолго осталось жить. Папа».

Каролин зажмурилась от собственных воспоминаний, сильнее прижала колени к животу, натянула на голову одеяло, невольно слёзы брызнули из глаз. Случались ли в её жизни счастливые дни, чёрт побери!

Внезапно в сознании возник образ Джефа, и её душа воспряла от необычного чувства. Робкая радость, будто на цыпочках, спотыкаясь, расталкивала былую боль, вкрадывалась в сердце, ютилась в укромном уголке. И заверяла: останусь надолго – главное, поверь, научись радоваться, привыкни ко мне...

Смешной этот Джеф, он так упорно тащил её на мультфильм, она отнекивалась, но тот настоял. Купил

дурацкий поп-корн - воздушную кукурузу, политую сливочным маслом, - и кока-колу. Мультик был забавным, они вместе смеялись.

Каролин тихо вздохнула, шмыгнула по-детски носом и облизнула губы, вкус слёз напомнил солёную кукурузу, и женщина улыбнулась. Но не так-то легко научиться радоваться.

«Нет, я ему не нужна, – вновь засомневалась Каролин, – да и кто захочет женщину с дочерью-охламонкой, крашеной в пурпурный цвет, и сыном-наркоманом, – вот во что превратились её любимые дети. Сама виновата, изо всех сил старалась их от реалий жизни оградить. Работала сутками, некогда было уделять им время. Переехали в Калифорнию, дети поступили в школу, но не научила она их разбираться, где добро, а где зло, и от чего бы следовало бежать, не оглядываясь»...

– Мам, ма-а-а-м! – послышался голос Питера.

Она быстро вскочила с кровати, смахнула слёзы и подпушила волосы.

– Что, сынок? – крикнула, выходя из спальни.

Сын стоял в коридоре и прижимал к груди что-то белое.

– Извини, извини, извини, извини, – затараторил он и закружился на одном месте дервишем. Остановился и протянул Каролин розу, сделанную из бумаги.

Розу она приняла, улыбнулась неожиданному подарку, а потом велела:

– Питер, пойдя, прими душ!

Каролин знала - в моменты просветления сын послушается и сделает то, что она потребует. Парень мог не мыться по месяцу, заставить его – большая проблема. Сейчас она надеялась, что просьба сработает.

– Извиниизвиниизвиниизвини, – на выдохе простонал сын.

– Сначала в душ, потом поговорим, – с напором сказала Каролин.

И он послушался, под водой плескался целый час.

Прошло четыре дня после знакомства Каролин с Джефом. Она не оставила ему своего телефона, но он знал её адрес, довёз в то утро прямо к дому. Каролин, загруженная повседневными заботами, всячески отгоняла мысли о нём, сама себя уверяла: всё равно из этого ничего не получится.

Вечер выдался тёплым, сердце томилось от ожидания, и она нет-нет, да и поглядывала в окно. Оно выходило на проезжую часть дороги, где редкие машины, шурша шинами, тормозили перед перекрестком.

В это же самое время Джеф стоял в продуктовом магазине возле стеллажей с цветами и никак не мог выбрать букет. Сегодня он решил – поедет к Каролин. Дневная смена закончилась, и ему не хотелось возвращаться в пустой дом или идти с приятелями в бар.

Он вертел очередной «веник» с дюжиной гвоздик вперемешку с ромашками и зелёными ветками и поражался, как из удивительного мира цветов можно иногда создать не красоту, а уродство.

Продавщица ухмылялась, видя замешательство на его лице – Джеф устал и пыхтел от напряжения. Вот ведь незадача! Он не имел никакого понятия, какие цветы или конфеты любит Каролин. В конечном итоге Джеф купил три огромных розы и коробку его любимых шоколадных конфет.

И тут его осенило, впору было крикнуть: «Эврика!»

Осторожно положив на сиденье розы, Джеф закружил по городу в поисках антикварного магазина. Он хотел найти энциклопедию Брокгауза. В книжной лавке её не оказалось, тогда мужчина заскочил в магазин,

куда сдавались ненужные вещи для бедных людей. И нашёл среди старых детективов и книг по кулинарии два тома Брокгауза, в кожаных переплётках с золотым тиснением, издание прошлого века! Чудеса, да и только – отыскать среди старья сокровище за четыре доллара. Там же обнаружил вполне сносный подарочный пакет, уложил книги и поехал.

Каролин сама открыла ему дверь, провела в комнату, и когда Джеф протянул ей подарки, сконфуженно поблагодарила. Открыла пакет, вытащила одну из книг и громко вскрикнула, из комнат выбежали Питер и Кейлан, окружили её.

– А! Энциклопедия! Наша любимая! – первым воскликнул Питер.

– Не может быть! Мам, точно такая же, как у нас была, – трогая книгу, сказала дочь.

Нет, не ожидал Джеф, что тома от старьёвщика проведут такой эффект.

Не прошло и минуты, как Кейлан начала собирать на стол. Питер, теребя Джефа за плечо, захлёб рассказывал о королеве Виктории, сыпал датами и событиями двухсотлетней давности, а Каролин с сияющими глазами ставила в пузатую вазу розы. Джеф почувствовал себя в атмосфере семьи, где все счастливы и любимы. С полчаса все листали старые книги, читали и жевали бутерброды, дети вспоминали забавные случаи из детства.

Когда первое возбуждение минуло, Кейлан в шутку поперепиралась с братом, какой том кто возьмёт, и вскоре оба разбрелись по своим комнатам. Джеф остался наедине с Каролин.

– Вообще-то я хотел пригласить тебя...

– На ужин? – прервала его женщина.

– Нет, то есть да... нет... хочу тебе кое-что показать.

– Мне переодеться? – вопросительно смотрела она на него.

– Не надо. Ты и так... красивая, – смущённо ответил Джеф.

«Триста шестьдесят семь лет мне не говорили комплиментов», – внезапно подумала про себя Каролин.

– Поехали?! – увидев её заминку, спросил гость.

– Да, да, поехали!

Они прибыли в частный аэропорт без четверти семь вечера. Ворота автоматически открылись перед машиной, и у первого же поворота их встретил друг Джефа по имени Анжело.

Каролин с интересом смотрела на ряд небольших ангаров, выстроившихся в несколько рядов. В памяти невольно всплыли картинки прошлого, их собственный с Робертом джет – реактивный самолёт. Ей так нравился интерьер и телевизор внутри салона! Вспомнила, как любила ногтем проводить по полоскам чёрного эбонитового дерева, инкрустированного в столики и барную стойку.

Втроём они двинулись вдоль стальных стен и остановились у открытых дверей одного из боксов. Внутри возле небольшого двухместного спортивного самолёта суетился пожилой мужчина.

– Эй, Фрэнки, как дела? – крикнул Джеф, придерживая шаг.

Мужчина выпрямился, и Каролин увидела, каким высоким и крепким оказался хозяин ангара.

– Отлично, Джеф, контрольный полёт сделал, всё классно, – задорный голос никак не соответствовал морщинистому лицу, человеку было лет семьдесят, не менее.

– Каролин, – обратился Анжело к гостье, – Фрэнки

сам собрал эту птицу, – и показал рукой на белый самолёт с чёрно-жёлтыми полосами по боку.

– Как собрал? – искренне удивилась Каролин.

Гордая улыбка осветила физиономию Фрэнки, и вместо старика перед новоприбывшими предстал озорной молодой человек. По всей видимости, ему нужен был очередной слушатель. Он с восторгом поведал новой знакомой, что с самого детства мечтал построить собственный самолёт, но финансы не позволяли, и он лет тридцать занимался просто авиамоделями. Упорно копил деньги, вышел на пенсию и купил кит-конструктор, наподобие детского, только для взрослых – «сумасшедших дядек», к коим он причислял, по видимому, и себя тоже. Год по винтику собирал, сам каждую гайку вкручивал.

– Девушка, неужели Вы решились подняться с ними в небо посмотреть запуск ракеты с космодрома? – неожиданно прервал Фрэнки рассказ, обращаясь к Каролин.

– Ракета? Какая ракета? – растерялась женщина.

– Фрэнки, ты мне весь сюрприз испортил! – воскликнул Джеф.

– Ой, прости, дорогой, я же не знал! – смутился старик.

– Кстати, уже время, хватит лясы точить, давайте быстрее, а то опоздаем, – вставил Анжело и направился к соседнему ангару.

Через несколько минут, вдвоём с Джефом, Анжело споро вытягивал четырёхместную «Сэсну», заводил мотор и переговаривался с диспетчерами.

Каролин устроилась на заднем сиденье и подтягивала ремешки наушников. Джеф захлопнул дверь, махнул рукой Фрэнки и... они покатали на взлётную полосу. При взлёте Каролин испугалась и начала мо-

литься, первый раз она летела на таком маленьком самолёте. В кабине было довольно тесно, и при наборе высоты переборки опасно дрожали. Облегчённо вздохнула только, когда Анжело выправил самолёт на курс, и моторы перестали натужно гудеть.

Сумерки стущались над землёй, зажигались огни города. Каролин глянула вниз, картина захватывала дух: долина разбросала свои просторы до горизонта, в закатных лучах солнца ещё были видны аккуратные квадраты виноградников и фруктовых садов предместья.

– А вон и Фрэнки! – прозвучал в наушниках голос пилота.

Самолёт старика летел параллельно. Когда долина и окружающие её холмы остались позади, Каролин услышала голоса диспетчеров космодрома.

– Два самолёта в воздухе, за пределами зоны, – говорил один голос.

– Катер в прибрежной зоне, свяжитесь с береговой охраной, кто просмотрел?! До старта пять минут! – вторил другой.

Пауза, и вдруг кто-то басом:

– Катер сообщение принял, отходит на безопасное расстояние!

Через некоторое время строгий, чёткий голос начал отсчёт: «Девять, восемь, семь, шесть... два, один! Пуск!»

Вытянув шею, Каролин вглядывалась в белёсое пятно космодрома. Он находился далеко внизу, влево, между прибрежной полосой и холмами.

Гигантский столб огня кольцом опоясал центр стартовой площадки. Тысячеградусный жар, оплавляя воздух, вибрировал с чудовищной силой.

– Пошла, пошла! – звенел восторгом мужской голос в наушниках.

Ракета медленно отделилась и стремительно вырвалась в простор неба, пронзая его своим мощным телом, оставляя дымный, мерцающий след и голубую планету за собой.

Самолёт качнулся, пассажиры плотнее прильнули к окнам, чтобы увидеть, как отделились ступени, разошлись в разные стороны, замелькали сигнальными огнями.

Внутри у Каролин что-то оборвалось. Казалось, её сознание раздвинулось, и всем своим существом она устремилась вместе с созданием человеческих рук туда, в околоземное пространство, во Вселенную, в мечту, в точку Мироздания, где нет пределов и нет преград... в само величие мига, рождённого счастьем созидания.

– Боже... невероятно... непостижимо и так прекрасно, – отстукивало её сердце.

Анжело успел сделать несколько снимков на фотоаппарате и пообещал выслать электронкой им обоим на следующий день.

Каролин вернулась домой совершенно обновлённой. Чувствовала, будто тяжкие оковы сбросила с души. Она радовалась, искренне радовалась, что живёт на этом свете, где так много невиданного и неведомого ей.

Она ощущала – словно тяжёлый занавес раздвинулся и открыл перед ней гигантскую сцену, на которой разворачивается самый прекрасный театр в мире – жизнь, полная малых и больших чудес: попкорна, Брокгауза, мультфильмов, улетающих в космическое пространство ракет.

И этот непостижимый Джеф, такой неброский, всё подмечающий, всё понимающий...

Он учил её заново радоваться.

Он учил её изумляться.

Она уже знала: это был её человек.

Глава десятая

КАТЕРИНА

На просторном подоконнике кухни рядом выстроились бумажные стаканчики. Катерина насыпала в них землю, бросала семена помидоров для рассады, поливала из детской лейки и рассеянно слушала болтовню домработницы.

Галя увлечённо пересказывала сюжет очередного телесериала, ежевечерний просмотр которого составлял едва ли не самую волнующую часть её жизни.

Катю не интересовали судьбы героев, она лишь вполуха внимала повествованию и размышляла о том, как распорядиться гнетущей массой свободного времени, которая – бывает же так! – раздражала не на шутку.

Ритм былой ежедневной суеты, связанный с работой руководителя - телефонные звонки, совещания, бесконечные разборки с поставщиками, - сменился вяло текущим существованием.

Казалось, чего ещё надо женщине за сорок: муж влюблён, с деньгами, дом просторный, материально от него независима. Со стороны посмотреть - и можно бы Рыковой-Орловой только позавидовать. Но Катя словно увядала, как растение без живительной влаги.

– Галина, я закончила, – прервала хозяйка нескончаемый рассказ домработницы.

– Вот и хорошо, Екатерина Владимировна. Рассада взойдёт, мы потом в теплицу её высадим.

– Да, конечно, – коротко ответила Катя.

– Вы работать сейчас?

– Да. Работать, – и Катерина вышла.

Всё семейство и окружающие уже привыкли, что с самого утра, после отъезда мужа и Димки, она сади-

лась в гостиной за небольшой стол – хорошую имитацию стиля Людовика XIV, – открывала компьютер и сосредоточенно печатала.

Алёшка оставался дома, к нему приставили специально нанятых учителей, и он редко появлялся на этой половине. Состояние его улучшалось, но вопрос о возвращении в школу отпал сразу – решили всё-таки отправить его на весенние каникулы лечиться в Казахстан.

Катя плотно закрыла за собой дверь и с тяжёлым вздохом взяла с верхней стопки книг лист бумаги со списком дел на сегодня. Медленно вычеркнула красными чернилами пункт «посеять сем.пом.». Немного подумав, для большей важности поставила галочку.

Кривая линия, перечеркнувшая единственную запись, вызвала подспудное раздражение. План был выполнен. Вчера было больше, вчера она созвонилась с дизайнером по интерьерам и заказала новые шторы во все комнаты. Катерина никогда не записывала распоряжения, которые давала Гале и двум работникам, приходившим через день. Нет, она придумывала работу для себя – ту, что надо делать собственными руками.

Как ни странно, заставить себя писать книгу – куда сложнее, чем прятаться за хлопоты и каждодневную суету. Но сегодня ощущение неприкрытой «наготы» безделья просто вопило из этого дурацкого, белого листка, вызвав волну злости на собственную лень.

И... Катя твёрдо решила: не рыться в Интернете, не звонить по телефону, не отвечать на электронки, а только «творить».

Открыла файл под названием – ни много, ни мало! – «Моя большая книга» и приготовилась думать, впившись взглядом в единственную напечатанную строку:

«Глава первая».

В голову ничего не приходило, кроме теоретических измышлений о литературных жанрах, возникших из глубины памяти.

«Должна быть идея произведения, а её нет! – безжалостно подсказывало сознание. – В книге всегда есть начало, середина и конец, и всё это нанизано на идею. Что именно ты хочешь сказать читателю?»

«Что я, пятилетку планирую? – возмутилась душа. – Главный герой романа – это собирательный образ современника... Основной конфликт...», – Катя явственно услышала голос Конкордии Вениаминовны, читавшей лекции в институте на журфаке. И захихикала про себя, вспомнив, до чего же никчёмными считала походы в аудиторию № 24, и, поди ж ты, скучная профессорша пришла на ум.

Она поёрзала на стуле и достала из нижнего ящика заветную синюю папку. Открыла случайную страницу и увидела розовую салфетку, на которой было нацарапано:

Внезапность возраста в друзьях,
Следами юности в чертах и
Сединой в висках отражена.
И в предрассветных снах
Ещё могу узнать себя и годы,
Что, не простясь, ушли
К несбывшимся мечтам.
И не вернёшь уже любви.
Да и не надо, – ты прости,
Всё минуло – увы...
И только старости пора
Стучится робко у двора.
О, те мучительные роды

Запретной мысли, вроде:
Смерть неминуемо придёт,
Не обольщайся же – всё минет,
всё пройдёт.

Катя вдруг вспомнила свой шестичасовой роман с бывшим одноклассником Генкой. Встретились они, пожалуй, в первом и единственном на многие годы японском ресторане сибирского областного города, куда Рыкова ездила на съёмки.

Влюблённость вспыхнула, как пожар, во время непринуждённого разговора за бутылкой дешёвого сакэ. Глубоко запавшие морщины у тонких губ, живые глаза мужчины и томный взгляд волновали и хотелось с ним целоваться до одури.

Он с выражением читал ей поэму, посвящённую Кате ещё в десятом классе. Мальчишкой он тайно был в неё влюблён, а она его не замечала, так как втрескалась до безумия в парня из параллельного класса.

После встречи с Генкой она и написала эти стихи.

Минутное сближение душ за столиком модного суши-бара взметнулось сейчас яркой вспышкой в её памяти.

Ха, сближение душ...

И как много родственных душ встречается на жизненном пути? Катя начала считать и остановилась. Выходило, вообще-то, не так уж и много, в принципе...

А с Иваном? Что общего у неё с мужем? И зачем он появился в её жизни? Если считать, что в судьбе всё предначертано, то почему именно он, а не кто другой?

Катерина обвела взглядом комнату. И почему ей втемяшилось в голову сделать своим кабинетом гостиную, как будто не хватает других помещений в этом

большом доме. «Здесь просторно и много воздуха, – ответила сама себе. – Да нет, здесь родилась моя любовь».

«Правду уж говори, Катюша, чего стесняться... Ты выскочила замуж за малознакомого мужчину!» – она улыбнулась, потянулась по-кошачьи и резко тряхнула стриженными волосами.

И всё же с Иваном у неё не просто близкие, а именно пронзительно родственные отношения.

В конце концов, она его нашла.

Катя сосредоточилась и напечатала первую фразу романа: «Разочарование подступило к горлу тошнотой». Остановилась, откинулась на спинку стула и задумалась.

Когда же это было? А, да... в восьмом классе.

Полным ходом шла подготовка к осеннему балу, в школе объявили конкурс на лучшую танцевальную пару. А в старших классах, на удивление, девчонок и мальчишек было поровну. На общем собрании решили, чтоб друг друга не обидеть, накупать открыток, разрезать их зигзагами пополам, перемешать, раздать, и партнёрами станут те, у кого совпадут обрезанные края. И тогда претенденты на главный приз окажутся в непредсказуемом, хотя и равном положении, что сделает конкурс ещё интереснее.

С каким нетерпением она ждала этого вечера, сама сшила из тёмно-жёлтого шёлка платье и всё мечтала, что чудо свершится, и её избранником будет этот бесшабашный, с упрямым чубом любимый ею мальчик из параллельного класса.

Всё бы хорошо, только в тот день один из парней-одноклассников заболел и не пришёл в школу и, о ужас, именно Катя осталась со своим куском глянцевого

открыточного букета одна! Без пары, без партнёра, ошпаренная взглядами сожаления или откровенного превосходства девичьей стаи всей школы.

Встала у стены изгоем и наблюдала, как тот, кого любила, кружил Катину подругу в самом центре зала. От обиды на весь свет ушла домой в начале бала и полностью проплакала в подушку.

«Ох и болючие эти первые шрамы! Юношеская неразделённая любовь, а потом и неудачный первый брак – жизненный спам! Затем становление личности, внутренний духовный рост – ну чем не идеи для новеллы?!

Да нет, всё это избитые темы, – рассуждала про себя Катерина, – хотя человек в своей сути не меняется; меняется время, мода, политика, появляются новые технологии, в любви теперь признаются по SMS-кам. А в сходных ситуациях люди проделывают некие неизменные «ритуалы», к примеру: плачут в подушку, вздыхают в темноте или с остервенением бьют посуду. Гарантирую, что так было и в 18 веке и в 23-ем то же самое будет. Кому как легче.

Что-то мы делаем в жизни постоянно, а что-то спонтанно. Где-то мы – как рыба в воде, а где-то – чужие. Но стоит произойти непредвиденному, и мы сразу – потерянные.

Даже в одном и том же доме можно чувствовать себя одновременно как бы инородным телом, и вместе с тем – самым любимым существом».

На этой неутешительной развилке мысль споткнулась. Катерина поймала себя на том, что от размышлений о замысле книги свернула в сторону проблемы, которая глубоко её волновала. «Мачеха» – это ненавистное слово ясно всплыло в сознании. В самом деле, в качестве мачехи – она нечто чужеродное, как заноза

в устоявшихся родственных взаимоотношениях между членами хоть и разбитой, но всё же семьи.

Вспомнила: Галя нашла в подвале лейку и рассказывала, как бывшая жена Ивана вместе с сыновьями цветы сажала.

«А, может, вся моя возня с помидорами всего лишь попытка представить, как они этим занимались? Представить можно... детские ручки, разгребаящие землю, грязные ноготки... Прочувствовать нельзя!»

Раздвоенность чувств опять охватила Катерину, сжала в тиски. Эта зажатость стала стержнем её повседневности, и сушила, сушила изнутри, а она не знала, как с этим бороться. С одной стороны – всё больше любила мужа, с другой – нервировали его дети. Даже за собой перестала ухаживать.

Ею овладел неожиданный порыв – подвести глаза или... покрасить волосы, а то седина проступила.

Но желание погасло, не оставив и следа.

Трель мобильного отвлекла от неприятных дум, и Катя, заметив на определителе знакомый номер, спохватилась: совсем забыла, что должна поговорить с Борькой о предстоящей его свадьбе.

Вдруг испуг кольнул сердце: разница с Москвой четыре часа – значит, там только пять тридцать утра. Что могло случиться? Внутри всё похолодело. Открыла телефон, еле сдерживая крик, с тревогой спросила:

– Боря, сынок, это ты? Ты в порядке? А... со Светкой на вечеринке были... до утра... вот, гулены...

От сердца отлегло. Сосредоточенно слушала сына на другой стороне беспроводной связи, вставляя фразы в его скороговорку.

– Да... конечно... о деньгах не волнуйся... Созвонюсь с Людмилой Аркадьевной и познакомлюсь... Мы с ней сами решим, кто и за что платит... Свадьбу сде-

лаем отличную. Ну... конечно... В Москве будет девять утра, и я поговорю... Иди спать, сынок... Моя жизнь? Достала... Ага... До печёнок... С его сыновьями? С переменным успехом... У меня? Полная неразбериха в чувствах... не-е... Он бабушке понравился с первого взгляда – оценку Ивану поставила «отлично». Когда? Да на прошлой неделе ездили к ней в гости... Боренька, ты звони... Пока.

Она отключилась и вспомнила – ведь не спросила у сына, получили ли они согласие на брак от отца Светланы. Как ни странно, этот момент её волновал. Хоть и по – старинке, но всё же хотелось бы согласия всех родителей, чтоб никто не таил в душе неприязни и ничего худого не желал молодым.

Катерина тяжело вздохнула. Отца её сыновей не найдёшь. Много лет от него – ни вестей, ни финансовой помощи.

«Как человек может забыть о собственных детях и не интересоваться их жизнью? – Зашевелились старые обиды, и она горько усмехнулась. – Вряд ли старшему сыну удалось его отыскать».

И пригорюнилась: Боря как-то обмолвился – у невесты мать русская, а отец чеченец. А веры Света какой? Православная или мусульманка? В нашу молодость этому не придавали большого значения, главное – любовь и согласие, а теперь всё больше внимания к религии, национальности и, конечно, материальному достатку.

Катерина озабоченно посмотрела на настенные часы, впереди ещё три с половиной часа, и можно опять заняться романом, хотя дальше первой фразы она так и не продвинулась. Хуже того, вдохновение, не посчитав нужным упрочиться в её душе, тихо смылось на крыльях путаных мыслей.

На днях Катя дала себе зарок сходить в церковь и заказать молебен за бабу Клаву и деда. Так что захлопнуть крышку ноутбука, быстро собраться и выехать в сторону небольшой церквушки (тем более, машина всегда наготове!) – было делом нескольких минут.

В храме она подошла к окошку церковной лавки. Благообразная молодая женщина протянула ей два листа – «За упокой» и «За здравие».

Катерина убористым почерком написала имена близких и знакомых, кто ушёл, а кто ещё здравствовал; заплатила, тихо приблизилась к иконе Божьей Матери, взяла несколько свечей жёлтого воска, зажгла и поставила рядом с другими.

«Пресвятая Богородица...», – вздрогнули её губы в молитве.

После церковного полумрака простор улицы слегка оглушил, от яркого мартовского солнца Катя зажмурилась и вместо того, чтобы вернуться домой, проследовала по двору мимо машины, где сидел шофёр. Вышла за ворота и направилась к кафе неподалёку.

Она сосредоточенно потягивала крепкий кофе из маленькой чашки, когда услышала шум за спиной. Оглянулась – за соседний столик усаживалась съёмочная группа. Сразу определила: телевизионщики. Взгляд остановился на симпатичной особе, которая внимательно посмотрела на неё, и вдруг удивлённый возглас прорезал атмосферу кафе:

– Катька! Рыкова, неужели ты?!

– Лиза! Вот так встреча, ты какими ветрами в наши края? – поднялась со стула Катерина и бросилась навстречу бывшей институтской подруге.

Елизавета Лизарова училась вместе с ней с первого до последнего курса, обе девушки почти в один месяц

выскочили замуж. Но после окончания журфака Лиза уехала с мужем в Москву и устроилась в Останкино, а Катя осталась в Сибири.

Весь их курс шутливо обзывал Лизарову не иначе, как «Лизка-подлизка» – она была весьма учтива с преподавателями и окончила институт с красным дипломом. Подхалимаж у неё был высшего класса, так что ребята неоднократно упрашивали «подлизу» посодействовать в получении зачётов или оттянуть сдачу проектов. Лизка никогда никому не отказывала в своей своеобразной помощи, и за это все её любили. Она находила подход к любому человеку и как журналист слыла на кафедре одной из самых талантливых и перспективных.

Последние годы Катя не поддерживала с ней никаких контактов, хоть и слышала об её успехах, теперь уже главного редактора одного из ведущих телеканалов страны. Болтали, что Лиза не обзавелась детьми, всё больше «делала карьеру», муж её стал крупным бизнесменом, и они так и живут вместе, их не коснулась распространившаяся среди «избранных» зараза – хворь разводов между богатыми мужьями и стареющими женами

Через час на столе стояла дюжина чашек из-под кофе и полная пепельница окурков. Катя не прикасалась к сигаретам несколько лет, а за разговорами вспомнилась старая студенческая привычка «подымить». Правда, после первой затяжки она поперхнулась, а вот после второй, казалось, что никогда и не бросала.

Две подружки тараторили без остановки. Шторм воспоминаний то взрывался смехом над прошлыми проказами, то стихал от грустных монологов.

Лизарова обстоятельно рассказывала Кате о новой программе, о том, что иногда, чтоб поддержать кураж, она мотается со съёмочной группой по городам и весям, не желая засиживаться в кресле главреда. Ей хочется оставаться вкрученной в жизнь людей и страны. Глаза её горели тем азартом, который появляется только у человека, увлечённого своим делом.

Лиза ахнула, узнав, что Катерина второй раз вышла замуж и без всякого стеснения объявила Рыкову круглой идиоткой, поменявшей свободу на мутную топь семейных проблем. Она стенала, сожалея о нераскрытом творческом потенциале подружки, и выражала полную уверенность в том, что та не выдержит сиднем сидеть в домашнем болоте. Под конец, Лиза предложила Катюше стать штатным сотрудником её канала с приличным жалованьем и командировками в Москву и по всему свету.

От таких предложений не отказываются, и Катя не колебалась ни секунды – перспектива опять работать на телевидении и быть востребованной окрылила её.

– Кать, какую тему возьмёшь, что тебя больше всего волнует? – спросила Лизарова.

– Тема... Надо подумать...

– А ты не раздумывай, спонтанно выдавай, журналистика требует быстрых решений, ну?!

– Страх любить! – вырвалось у Катерины.

– Класс! Вот и тема: кризис семейных отношений в современном обществе, – продолжила Лиза. – Это так, навскидку.

– Ничего себе «навскидку», зачем же так сразу обобщать, я же сказала то, что первое в голову пришло, – смутилась Катя.

– И попала в самую точку! Посмотри, что творится вокруг: люди дичают, родственники друг друга гря-

зью поливают, судятся, семьи распадаются. А всё – от боязни любить и брать на себя ответственность за близкого человека; благородства нынче – не сыщешь, рыцарей нет, а дамы – хоть внешне многие и ослепительны, одеты от кутюрье и денег хватает, но души у них – полный дефицит. Нет, естественно, есть и достойные люди, умные, порядочные, добрые.

Вот и покажи с экрана, как мы все меняемся. Поставь острые вопросы. Думаю – нет, уверена! – у тебя получится, и передача понравится зрителям. Работай, Катюша, вот тебе моя визитка, звони, пиши и приезжай дней через десять ко мне в Москву. Я тебе студию покажу, в монтажных посидишь. Не представляешь, какое суперновое оборудование у нас. Осмотришься – и за дело.

Подруги распрощались.

Катерина вернулась домой. Первым делом она позвонила Ивану на работу и поделилась новостью. С такой радостью рассказывала ему о встрече с Лизаровой и о своих задумках, но – странно! – муж отвечал уклончиво и сухо, только под конец разговора вяло поинтересовался: «А как же твоя книга?» И она уверенно ответила, что роман всё равно напишет.

После разговора с Иваном Катя как-то сразу сникла, – муж не понял или не захотел понять, как важна для неё журналистская работа, а может, он просто был занят в офисе.

И села Катя в свое кресло, и снова открыла в компьютере страницу с первой главой.

«Будь, что будет, напишу всё, что в голове сейчас крутится!»

Пальцы бодро застучали по клавиатуре:

«Конечно, мне сложно свыкнуться с ситуацией, когда я не должна ходить на работу каждый день с утра

до вечера. Я сижу дома, ненакрашенная, неухоженная и в полном отчаянии от отсутствия его внимания к дальнейшему развитию моей личности.

Он до сих пор не знает моих размеров и вкусов, да и кто знал о них в течение всей моей жизни. Я бывала сильной – первому мужу это было не понятно и не очень приятно, и я решила быть слабой. Да, да, с Иваном я себя чувствую двадцатилетней девчонкой, однако, в этом тоже нет ничего хорошего. Мне не уютно, не свободно – вот что меня мучает все время.

Я не знаю, что предпринять. Честно говоря, не хочу жить с его детьми. В момент самостоятельного становления моих взрослых сыновей, у меня появились чужие дети, воспитанные в других правилах, и я просто потерялась, и никак не могу найтись во всём этом хаосе. И муж мне здесь не подмога.

Выход... Должен быть какой-то выход. Я живу в постоянном внутреннем конфликте с собой и окружением, конфликт молчаливый и иногда, когда всё внутри закипает, мне хочется взорваться и крушить всё вокруг. Жить в таком напряжении – не представляется мне счастьем.

Честно признаться, когда ложусь ночью спать – желаю, чтоб меня не трогали. Игра постепенно начинает превалировать над всем. Кроме того, постоянно говорится о том, что надо потерпеть несколько лет, пока его дети вырастут и уедут в университет.

Я не живу, я жду.

Это просто полное безобразие – так жить, это не правильно и не продуктивно. Мы вообще не говорим о будущем, в котором будут только он и я.

Я боюсь любить его детей. Кажется, если начну чувствовать привязанность к ним, то предам свою любовь к собственным сыновьям. Разбирать психологию

наших отношений ещё рано, они не вызрели, себя понять в данный момент – тоже сложно.

Случайно, или намеренно, но я взяла тетрадку из Алёшкиного стола, когда он вышел на улицу погулять. Нехорошо сделала, будто подсмотрела в замочную скважину, а что было делать? Хоть малую толику его мыслей узнать хотелось. Читала, читала, и плакать захотелось...

Мальчишка писал в дневнике:

«Зачем я теперь живу у отца? Нет разницы, где и в каком месте быть одиноким. Стать жертвой развода – немилосердно со стороны тех, кого считал единственно незаменимым во всём мире. Они меня родили?! У них, отца и матери, были благие намерения, иначе говоря, я – результат благих намерений. И что? У них была любовь, и появились дети. У них любовь прошла, а дети? Что нам, улетучиться, испариться? Исчезнуть во времени и пространстве?»

Сегодня пришёл и сразу завис на Интернете, врубил музыку, а сам надел наушники. В моём одиночестве нахожу единственное спасение. Проходил по коридору, слышал, как отец с мачехой разбирается. Весь разговор шёл на тему: «Почему Алёша ел конфеты и никому не предложил!» На самом-то деле я не предложил ей! Всё равно бы отказалась, говорила же – она их не любит. Но разбиралась с отцом!

Странная баба, ворвалась, неизвестно откуда, в нашу жизнь. Не будь её, родители побесновались бы и помирились. Жили бы, как нормальные семьи. Ужасно, ведь я – пацан из «неблагополучной семьи», с этим штампом на лбу ходишь, словно урод.

У мачехи духи отвратительные, что называется «на дух не надо». Тощая и зажатая. Так и кажется – она тугодумка, слова подбирает и каждую фразу выстра-

ивает. Хорошей хочет казаться. Мама со вкусом одевается, а эта – чувырла чувырлой, но идейная. Думает, я не знаю, что брала мои тетрадки. Чёрт, может ей и интересно.

Хоть один человек мои рассказы до конца дочитал, и на том спасибо. Думаю, отсидеться здесь, хотя ломает всего, рвёт на мелкие куски, трескаются и кожа и мозги... Блин, как я их всех ненавижу! Логово одиноких, а не дом...»

Катя перестала печатать – что ж, две страницы осилила, начало книге положено. Коряво получилось, но зато искренне. Да, она не станет описывать привычный стандарт отношений между мачехой и пасынками, а постарается разобраться в психологии женщины-мачехи и в том, что с ней происходит.

...Уже давно пора звонить Людмиле Аркадьевне, как и обещала сыну. Катерина напряглась, внутренне подтянулась, набрала номер и стала ждать. Гудок шёл за гудком, но никто не отвечал. Закрыв глаза, представила, как она сама становится телефонной трелью и, пронзая пространство, несётся вместе со звуком в далёкую Москву, к той, чья дочь завоевала сердце Борьки. Ей показалось, она видит кабинет и звенящий аппарат на столе, вбегающую женщину и... «Алло!». От неожиданности вздрогнув, Катя через паузу ответила: «Здравствуйте, это вас беспокоит Катерина Рыкова-Орлова, я мать Бориса».

Всё-таки странно вести разговор о свадьбе сына с его будущей свекровью, которую никогда не видела, решать финансовые вопросы и находить правильные слова, чтоб не обидеть новых родственников. Когда встречаешься лицом к лицу, пожалуй, всё проще, а так Рыковой приходилось подыскивать точные, веж-

ливые фразы, поминутно менять интонации голоса, демонстрировать радость и дружелюбие, хотя, на самом деле, никакого энтузиазма она не испытывала. Скорее, наоборот – горечь от осознания того, что сын обретает полную самостоятельность, и тревогу за его будущую супружескую жизнь.

Катя почувствовала, что Людмиле Аркадьевне тоже непросто обсуждать с ней предстоящие хлопоты, и она вдруг предложила:

– Знаете, я собираюсь в Москву в ближайшие дни. Мы с вами встретимся, и обсудим все проблемы.

В голосе Аркадьевны послышалось облегчение.

Ближе к вечеру приключился неприятнейший казус. Димка вернулся из школы позже обычного, и Катя недовольно попеняла ему. В ответ он улыбнулся ехидной улыбкой, и ей бросилась в глаза блёстка на его переднем верхнем зубе. «Опять с девицей встречался, уцеловался, а та была обмазана до пупа блестящей пудрой», – мелькнуло в голове.

– Дима, у тебя на зубе блёстка!

– Не блёстка, а сайкс, – бриллиант! – отчеканил парнишка.

От его наглого тона Катерина оторопела и не выдержала:

– Да что же это такое, совсем сдурели, то пирсы по всему телу, то татуировки с головы до ног, теперь и бриллианты на зубах! Что в школе скажут, Дима, тебя же выгонят или унизят перед всем классом. Нехорошо, нельзя, подумай об отце.

– А вам-то какое дело, Екатерина Владимировна? Вы мне не мать – не указывайте! У нас половина класса с сайксами ходит, мода такая. Вы бы хоть телевизор иногда смотрели или журналы почитывали! – дерзко ответил пасынок, направляясь в свою комнату.

Катя рассердилась, от обиды навернулись слёзы, она была готова немедленно звонить Ивану и жаловаться, жаловаться...

Решение сбежать в деревню и посидеть у могилы бабки и деда пришло неожиданно, будто там, она это остро почувствовала, её поймут, утешат, дадут добрый совет.

С приходом мужа не стала ему ничего рассказывать, отказалась от ужина, сославшись на головную боль и необходимость собраться в дорогу. Катя предупредила вопрос Ивана, объявив, что срочно едет в деревню по делам. Удивлённый муж не стал допытываться, а она, не вдаваясь в дальнейшие объяснения, ушла в спальню и упаковала нужные вещи.

Ночью её разбудил шорох и тихий стон мужа. Он метался и бредил. Она знала: кошмары нет-нет, да мучили его, не оставляли в покое.

...А Ивану снилось, что его собственная плоть слилась с дряхлым телом того старика. Словно скафандр, натянул он стариковскую кожу на свою, и та прилипла, шипела сукровицей, больно ранила коростами...

Кошмар набирал силу.

* * *

Старик добрёл до откоса.

Он помнил, когда-то в его прошлой жизни была вода. Журчание ручейка было голосом вселенского покоя и гармонии. Капли воды на губах когда-то давным-давно оставляли след прохлады.

Внизу под скалой лежала чёрная бездна. Под жгучим солнцем в ней пузырилось месиво... Мощный всплеск фонтаном выбросил сгусток на поверхность, и он шлёпнулся рядом со стариком, ошпарив мерзким смрадом лёгкие, и обжог глаза едким паром.

Нет дальше пути.

Старик собрал остаток сил. Шагнул и полетел туда, вниз... Расправил руки – словно крылья умирающей птицы с простреленной навывлет грудью.

В агонии полёта печень разрывалась на чёрно-красные куски, желчь гнойной, зелёной жижей рвалась к глотке.

И только сердце плакало: «Я ведь – живое! Не убивай!.. Не убивай...»

* * *

Катерина робко дотронулась до плеча мужа – стоны замолкли, она притянула его к себе, обняла, и захотелось Кате его любить со всей страстью и нежностью. Его руки обвили её с такой силой, что она охнула и испугалась – могут услышать ребята, вдруг проснутся.

Наверное, она действительно закомплексована, «зажата», как написал Алешка. Приличия всё пытается сохранить. У себя самой крадёт полноту собственного счастья.

И тут страсть вырвалась на свободу, взвилась восторгом, ничем не стеснённым соитием.

Рябь неведомой неги жгла кожу. Женщину вихрил порыв страсти, руша все запреты, и вкушала она, от лукавого иль Всевышнего, сладость любви; кровь бурлила и, казалось, то на мгновение останавливала свой ток, то вновь бежала по жилам, всё больше воспламеняя и продлевая ускользящий миг гармонии. Без страха быть услышанной сквозь стены, Катя уносила на гребне наслаждения в поднебесье первозданного чувства, где мужчина сливается воедино с женщиной.

Умиротворённые, они шептались в тишине ночи.

– Не бросай меня... не оставляй ради журналистской работы... ради своей книги...

– Иван, не ревнуй...

– Катюша, я тебя люблю... Зачем тебе ехать в деревню?...

– Не скажу, Ванечка...

– Хорошо, не говори... Завтра Димка уберёт свой дурацкий сайкс... Ты права...

– Прости, что тебе нелегко со мной...

– Хочешь, свадьбу твоего сына сделаем в круизе, прямо на теплоходе. У меня отличный агент, она найдёт нам путёвки... Куда-нибудь во Флориду поедем, или в Мексику... Только скажи, сколько мест заказывать...

– Неплохая идея, Ваня... Я поговорю с Людмилой Аркадьевной... Вот только дорого будет...

– Деньги не проблема, Катя...

– Спи, родной... Спи...

Наутро, вместе с шофером, Катерина заехала в продуктовый магазин, набрала килограммами колбасы, копчёной рыбы, конфет, водки, красного вина и отправилась в деревню Митино.

Несколько часов тряслись по разбитым и полузабытым людьми дорогам. Сколько столетий минуло, а в России как не было хороших дорог, так и нет – чтоб добраться к деревням, требуется железное здоровье и стальные нервы.

Катерина подпрыгивала на сиденье от бешеной тряски; глубокие колеи и выбоины, казалось, сглотнут машину и не поперхнутся, а весенние оплывшие сугробы так и жаждут обвалиться под колеса с метровой высоты. К концу пути женщина вконец измучилась, поясницу ломило, а голова раскалывалась от боли.

Уже на подъезде к деревне она попросила шофёра свернуть к старому кладбищу. Хорошо, что парень – из местных и знал все закоулки в этих краях, у него самого бабушка жила в соседней деревеньке из пяти оставшихся дворов, так что древний погост среди сонового бора отыскивали довольно быстро.

Испокон века хоронили всех деревенских между огромными соснами, у каждой семьи – особое «кладновое» место, редко когда кого-нибудь укладывали подальше от родственников; там и тут виднелись могилы, даже не обнесённые оградами.

Памятники с пятиконечными звёздами и керамическими овалами полузабытых лиц перемежались с трухлявыми, источенными червями, крестами со стёртыми именами. Все захоронения утопали в снегу, под соснами он долго не таял, только по поздней весне там расцветали подснежники. Шум деревьев стоял над кладбищем ровным гулом – словно колыбельная для почивших в бозе.

Катя чуть не по частям выскребала своё избитое дорогой тело из сиденья машины – одна нога, вторая... Полусогнувшись, растёрла под курткой поясницу, потянулась руками в небо. В ботинках на толстой подошве, вязаной шапочке, старых джинсах, она походила на обычную расторопную горожанку, завернувшую в спешке на дачу, только что не хватало в руках вёдер с картошкой для рассады. Никто бы не узнал в ней сейчас преуспевающую Катерину Рыкову.

Чистый воздух хмелил, и, задрав голову, Катерина обвела взглядом вершины сосен, глубоко вдохнула и медленно пошла среди могилок. Ей вспомнился Родительский день, когда ещё школьницей она была здесь с матерью и дедом, и тот рассказывал о Катином прапрадеде.

Они втроём поставили свежесрубленный крест на могилу предка. Чернильным карандашом старик написал на кресте имя, помешкал с датой, указал только год и удручённо пробормотал: «Запомню день-то...», а потом долго давал наставления, как и где похоронить его самого, да чтобы непременно с мужской стороны, а не с женской, – так повелось в его семье исстари. На вопрос, почему такое правило, он ничего не мог ответить, просто сказал: «Так повелось!»

За спиной у Катерины шуршал полиэтиленовым пакетом с едой и бутылкой водки водитель, след в след шагая за Катериной, пробивавшей в хрустящем весеннем снегу дорожку к заветному месту. Наконец, она остановилась возле двух больших сосен, растущих от одного корня, под ними возвышались холмики с чугунными крестами, а у изножья – вбитая в землю скамейка.

– Вот и добрались, – сказала вслух.

Про себя же подумала: «Хоть и не полагалось по заведённому правилу, но схоронили деда и бабу Клаву рядышком...».

В это время шофёр Аркадий усердно сбивал со скамейки ледяную корку и вытаскивал приличествующую случаю снедь.

– Екатерина Владимировна, а кто у вас здесь лежит? – участливо спросил он.

– Дедушка и бабушка... Аркадий, цветы забыла, букеты на заднем сиденье остались.

– Да вы не беспокойтесь, я сейчас принесу.

Скрутив в ком пакет, водитель отошёл к машине и вернулся с цветами, протянул их Катерине, вскрыл бутылку водки, разлил по стаканам, нарезал ломти хлеба и в нерешительности замер. Катя веером разложила на могилах оба букета кроваво-красных гвоздик

и тихо стояла, опустив голову. Наконец, перекрестившись, приблизилась к скамье и взяла стакан водки, положила сверху кусок хлеба и поставила возле одной могилки, вернулась, и с той же сосредоточенностью свершила ритуал у второй.

– Они любили друг друга, никогда не ругались... и ушли один за другим... Давай помянем, Аркадий, моих стариков. Что стоишь? Наливай... и поедем, а то зябко становится, до сумерек надо в деревню попасть.

– А стаканов больше нет, Екатерина Владимировна, только два было, – смутился водитель.

– Ну... из горла хлебну, – по-свойски ответила Катя, встряхнула бутылку и, не поморщившись, браво отпила, закашлялась, задохнулась, так, что слёзы выступили на глазах. Резко протянула Аркадию бутылку, и... пошла к машине.

Он понял – на какое-то время её надо оставить одну, глотнул водки, остаток вылил в снег и раскрошил весь хлеб, разбрасывая по сторонам – зверье и птицы подбирают.

В деревне Митино Катерина и Аркадий вечеряли в доме старухи Агафьи. Она приходилась Кате дальней родственницей. Бабке – уже за восемьдесят, и годы согнули её в «три погибели», со стороны она выглядела искорёженной клюкой и напоминала букву «г».

Но при всей своей корявости и почтенном возрасте Агафья, как и прежде, оставалась шустрой и бойкой на язык. Она сновала с алюминиевыми тарелками по избе, выкладывала горячую картошку, солёные помидоры и огурцы. Помогал ей младший сын Степан, переехавший жить к матери в деревню из районного городка. На вид ему – за сорок, одет в армейскую защитную форму, небритый, суетился не хуже мате-

ри, встречая гостей, которые были редкостью в этой стороне. Вместе с шофёром они охотничьими ножами нарезали тонкими дольками балыки, колбасу, Агафья достала из заветного места клюквенную настойку.

Разомлевшая от тепла русской печи, Катя сидела, пригорюнившись, в углу возле стола и наблюдала за хозяевами. Ничего не изменилось за многие десятилетия у бабки Агафьи. Разве что занавески. Теперь зев печи прикрывал красный ситец в крупный белый горох, а кровать, на которой спала старуха в горнице, закрывали два метра ткани с ромашками по серо-голубому полю, приспособленные на проволоке. Это был Агафьин угол.

Над старухиным ложем – старые полаты со скатанными фуфайками, какими-то тряпками и суконными одеялами. Сразу за кроватью – рукомойник, под ним поганое ведро, возле него – три пары резиновых сапог и валенки. Возле печки на струганой скамье – эмалированные ведра, под скамейкой горшки и три плоски для кошек. Их племя никогда не выводилось у бабки и всегда насчитывало не менее четырёх-пяти котов, кошек и котят разных мастей и расцветок. Только одна Агафья знала их по именам и кто от кого родился.

В доме – всего две комнаты: одна – большая, а вторая, отгороженная дощатой стеной, без двери – маленькая спальня.

Если встать на высокий порог и обвести взглядом «главную» комнату, то справа в углу увидишь двухконфорочную газовую плиту и завозной баллон – новшество последних лет. Впритык к нему – длинная скамейка под окном, её доска для сидения до блеска отшлифована временем и ёрзаньем – сколько поколений на ней пересидело, кто бы сосчитал... Рядом с ней – венский стул с прихотливо гнутой спинкой.

У второго окна – стол, над ним часы с кукушкой советского производства «под русскую старину» и отрывной календарь за 76-й год прошлого века. Листок с прогнозом погоды на 17 апреля наполовину оборван, на нём – графический знак солнца, прикрытый частично облаком-загогулиной, а ниже – мелко напечатанный рецепт торта. Может, именно его бабка и берегла.

И ещё был... радиоприёмник.

В молодости Агафья слыла хохотушкой и задорно пела песни, славилась трудолюбием и в колхозе не один год в бригадирах ходила; за свой труд получала награды и даже удостоилась звания Ударника Социалистического Труда. На пенсию её проводили с большим почётом.

Катя глянула на приёмник, скособочившийся на стене, и вспомнила, что тот подключен в «радиоточку» – в раннем детстве она никак не могла понять этого словосочетания, а в школе на уроках физики – принципы приёма коротких и длинных волн.

Вдруг совершенно сумасшедшая мысль пронзила Катерину, и словно пронеслась перед ней жизнь Агафьи, где «радиоточка» была вестником и концентрацией потустороннего, мифического существования внешнего мира...

В предрассветный час вставала крестьянка, брала подойник, доила корову, кормила домашнюю скотину, заходила в избу, включала радио погромче и слышала: «С добрым утром! Сегодня такое-то число... такого-то года... новости... Великий Сталин...».

Уходила работать на колхозное поле. Дома огород сажала, чтоб овощей да картошки на зиму хватило.

Весна, лето, осень, зима...

Замужество, дети... Худо ли, бедно – жизнь шла... Пережили Великую Отечественную. Победили.

А по радио опять: «С добрым утром! Сегодня такое-то число... такого-то года... новости... Хрущёв...». Годы идут, бодрый голос вещает: «Молотов... Брежнев... кто-то ещё... Андропов... Горбачёв... ГКЧП – государственный переворот, аресты, самоубийства... Ельцин...дефолт...кризис».

И, если что-то драматичное случится в стране, классическая музыка – часами в эфире. Все знают – грядут перемены.

Но в селе мало что менялось.

И каждое утро – подойник, только от трёх коров со временем одна осталась. Потом – корм скотине задать и... в дом к своей радиоточке. И - нищета нищетой погоняет... Разве что колхоз стиральной машиной когда-то к майским праздникам премировал, так Агафья её до сих пор под солёные огурцы использует – ну не выбрасывать же добро...

Колхоз разогнали...

Состарилась, сгорбилась, дети разъехались, старик умер... Занавески поменяла... с белым горошком. Восемьдесят лет, вывернутые суставы пальцев натруженных рук, застарелые, вжившиеся мозоли. Только глаза остались, как в юности – добрые, понимающие. Всё...

Формула бытия: работа – дом – работа. Где-то менялась жизнь, один руководитель страны сдвигал другого, а у Агафьи выбора не было: работа – дом – работа.

И этот нищенский белый горошек на красном фоне ну никак не вписывается в одну строку с нынешними ночными клубами, рекламными щитами, пентхаузами по миллиону долларов... С гламурными отпрысками, что ни фи́га не знают – смотрят на жизнь и не видят.

Равенство и братство, не успев глаза продрать, так и сгнули. Да и не было всего этого, – так, сплошные иллюзии... чесание языками.

Как надеялась лишь на себя бабка, так и будет надеяться, пока ноги носят, и картошку каждой весной сажать станет, чтоб выдюжить, и тайга ягодой, грибами да шишками с ней поделится – не подведёт.

Вот и ладно. Вот и хорошо.

«Со съёмочной бригадой сюда и приеду, сниму Агафью, интервью возьму у неё и у Степана... Это ж сюрреализм... И крупным планом белый горошек и приёмник...», – подумала Катерина и разозлилась неизвестно на кого.

Вскоре началось застолье и степенные разговоры о житье-бытье, перемежаясь тостами за здоровье, отвлекли женщину от странных мыслей.

– Ох, Катюша, давненько ты у нас не была, лет десяток, – обратилась к ней старушка, – всё в делах, небось. А Стёпа машину-то издадека приметил, вот мы с ним и гадали, – кто же это к нам на погост навевывался. Кумекали, кумекали, а я смекнула, думаю, только ты и можешь приехать в такое время. Да... в деревне-то теперь шестнадцать человек живет! Во, прогресс-то! Мы со Стёпушкой да пять старух, да ещё три семьи, и в каждой по ребёночку. Но только пьют много...

Магазина у нас теперь нет, а пособия и пенсии привозят раз в месяц на автолавке, ежели до нас доберётся. В одно окошко деньги выдают, а во второе забирают – за водку, вино, чипсы и жвачку, их там же и продают.

Вот ведь – цивилизация! Я сроду не знала, что сухую, жареную картошку чипсами обзывают. Если деньги остались, то через недельку мужики на трактор – и в Бологое за спиртом, аль ко мне за настойками, кланчить. Учила, учила я молодух, как правильно самогон гнать и вино из ягод ставить, но растяпы они, все их наливки взрываются.

А ты, Катерина, не волнуйся, Аркашу на тулупы возле печи положим, тебя – на кровати в маленькой комнате, а Стёпа на полатах переночует – места всем хватит!

– Мать, а она и не волнуется, своя же, наша, – встал Степан, – сама не переживай! Чем богаты, тем и рады, что она не понимает? Понимает. Завтра в тайгу их свожу, может, постреляем.

Пьяненькую Агафью уложили далеко за полночь, мужики остались за столом, бубнили о том, о сём, тяжело вздыхали. Катерина ушла за заборку и легла, сон долго не приходил, в голове мелькали обрывки беседы и Степины анекдоты, от которых она непроизвольно улыбалась.

К рассвету очнулась от громкого, «в три носа», храпа. В тишине дома грудной всхлип Агафьи разбежался и догонял Степино бульканье, дополнялся утробным уханьем шофера. В потёмках, осторожно ступая, Катя чуть не упала на голову Аркадия, тот что-то проворчал спросонья и повернулся на другой бок. Снять с крючка тяжёлую дверь, открыть её и выйти на высокое крыльцо, отняло много времени. Отхожее место – в огороде и до него надо было ещё добраться...

Дом стоял на краю деревни возле единственного фонарного столба. В утреннем тумане жёлтый свет фонаря подрагивал, и от внезапно возникшей жути Катя поёжилась. Спустилась по ступенькам, и вдруг женский вой прорезал туман: «Сы-ы-ыночки вы мои родные! Су-у-ки, б..-я-я-ди, сво-о-лочи! Что ж вы не еде-ете к матери! Ой горе-е-е, горю-ю-шко...»

И из полога сырой мглы вынырнула фигура бабки в красном платке, подвязанном под подбородком, и коротком тулупе, накинутом на худые плечи. Она шла по дороге, шатаясь, и еле переступала ногами в вален-

ках, путаясь в подобии ночной рубашки. Тулуп упал, и старуха встала под фонарём, как вкопанная, страшным кладбищенским привидением, в белой сорочке, со вскинутыми вперёд руками, и сдёрнула с головы платок.

«Сы-ы-ночки!...», – рвался плач в никуда...

Наклонилась, схватила тулупчик за рукав и потянула за собой по дороге, будто мертвеца с поля боя: «Го-ре-е-е-е, горю-ю-ю-шко».

А вслед за воплем её отборный мат шрапнелью разорвался в воздухе. Вдруг бабка замолчала, приостановила своё шествие, потопталась на месте и обратила внимание на Катерину, сидевшую на крыльце в полном шоке.

– Ты чья? – глухо прозвучал вопрос.

– Я... ничья, – ответила в страхе Катя.

– Все мы ничьи..., – скорбно прокаркала старуха и потащилась дальше.

В висках у Кати гулко стучала кровь. Фонарь качнулся, дрогнул свет, туман на мгновение поредел и, будто написанное вязью, слово «ничьи» возникло в просвете. Солнце вдруг выпростало свои первые лучи и осветило на пригорке стальные остовы заржавевших, никому не нужных старых косилок и за ними далеко-далеко купол старой часовни. На самой вершине, у бескрестового купола, торчал распятием ствол берёзы, чёрный с обледеневшими хилыми ветками.

Один миг – и туман вновь закрыл собою видение. Катя охнула, сползла с крыльца и, не помня себя от ужаса, подбежала к машине, открыла, забралась на сиденье, захлопнула дверь и ждала так, дрожа, больше часа. Руки мёрзли, и она дышала на них снова и снова...

Утром упросила мужиков отвести её к часовне, отказавшись от стрельбы по банкам в тайге. Ехали больше получаса, Степан всё допытывался, зачем Катерине понадобилось мчаться ни свет, ни заря к заброшенному пустому строению.

– Кать, да там же ничего нет. Восемьсот лет этой древности, после революции крест и колокол исчезли, потом всё, что было, разворовали. При колхозе пытались склад из неё сделать, да пожар случился, а после этого уж лет пятьдесят туда только проходимцы да беглые зеки разве заглядывали. Берёзы повырастали на стенах – и непонятно даже, как они там очутились.

Катерина упрямо не отвечала на его настойчивые вопросы, а сердце выстукивало: «Есть... есть там то, что мне надо...»

Вовнутрь часовни она вошла с опаской. Из-под купола с шумом вылетели две вороны. Длинная лага была перекинута через пропасть открытого подвального лаза. Штукатурка отслоилась от времени и сырости, тут и там валялись пластиковые бутылки и жестяные банки из-под пива.

«Да, а говорил, что здесь никого не бывает. Еще как бывает...», – думала Катя, передвигаясь по доске в глубь часовни. Луч солнца осветил дальний правый угол, и она вдруг увидела старую чудом сохранившуюся роспись: лицо, часть одеяния, тонкие пальцы, держащие остатки древка разящего копья и полустёртые, пышущие жаром ноздри коня. Георгий Победоносец... Огромные глаза великомученика смотрели прямо на неё, взгляд пронзил до самой глубины души, ореол над ликом дрогнул – образ словно ожил...

И... волна всепрощения омыла Катерину, пролилась слезами по щекам.

Сдержанные рыдания, вырвавшись на свободу, раз-

бились о стены церкви и унеслись к куполу. Вышла Катерина из часовни просветлённой, как после долгой исповеди и покаяния.

Они попрощались со Степаном у околицы деревни и возвращаться к Агафье не стали. Крепко пожимая руку Катерине, Стёпа сказал, что её бабка Клава похаживала иногда в часовню по праздникам.

* * *

Катерина молчала всю дорогу. По приезде домой Аркадий вдруг сказал ей: «А вы... хорошая женщина, Екатерина Владимировна».

Она и вправду чувствовала себя хорошей и приняла его слова близко к сердцу – порадовалась. И с легкой душой, невзирая на усталость, вечером ещё долго печатала на компьютере, пока Иван не погнал её спать, как непослушного ребёнка.

Глава одиннадцатая

МАРИЯМ

Мариям исчезла в проёме калитки. В возникшей тишине были слышны её удаляющиеся шаги. Карабин пролетел в воздухе над головой водителя Карима, упал на дорожку возле дома и крикнул надтреснутым голосом: дерево приклада хрустнуло, трещина зазвенела, рассекая лаковую поверхность.

Никто из челяди и охраны не сдвинулся с места, все ждали, как развернутся события дальше. Взгляды остановились на побелевшем от гнева лице Карима. Искривлённый спазмой рот хозяина открывался и закрывался, он не мог выговорить ни слова. Вдруг Карим прыжком кинулся к стоящему неподалёку «Хаммеру», рванул дверь, бросился на сиденье, трясущимися руками нашарил ключи, вставил в зажигание – машина завелась с первого раза. Дал «по газам» с такой силой, что «Хаммер» огромной жабой подпрыгнул на месте, а охрана едва успела открыть ворота. Вслед визжащим тормозам Фёдор-садовник кричал телохранителям:

– Чего рты раззявили! Сопровождайте! Неровён час, врежется или покалечит кого-нибудь!

Карим гнал, не видя перед собой ничего, не заметил жену на обочине, – проскочил на всех парах мимо. «Убью, убью», – шипело внутри, тело сжалось и содрогалось в потоке охватившей его ярости. Такой послушный мир, в котором он был всевластен и всеисполнен, разрушился, разлетелся вдребезги, без его спроса и повеления.

Он и сам хорошо знал себе цену, но, услышав от Марии всю правду, не смог её принять.

Бессилие клокотало и билось в висках: сейчас уже

ничего не изменить! Он терзал машину, нажимая то на газ, то на тормоз, бил рукой по рулю, выворачивал его что есть силы на поворотах.

– А-а-а! – наконец, вырвался крик, и Карим испугался собственного голоса, вздрогнул, заматерился, грязно и смачно, ругая всё на свете, обвиняя весь мир в собственных грехах и ошибках.

Телохранители еле поспевали, стараясь не упустить хозяина из виду. Вот уже сорок минут следовали за машиной Карима, проезжая на красный свет, обходя встречные автомобили, прошмыгивая возле автобусов на стоянках. Приглушёнными голосами бритоголовые джудие парни обменивались мнениями, куда же мчится шеф; прищуривались, наблюдали, как тот говорит по мобильнику, крутя баранку одной рукой, гадали, когда закончится эта гонка. Они не успели заметить, как проехали из посёлка в город, как оказались на окраине Уфы.

Карим остановился возле продуктового магазина, выскочил на тротуар и только тогда обнаружил, что он в одной рубашке с распахнутым воротом, с болтающимся тёмно-бордовым галстуком, в чёрных брюках и домашних тапочках. Порыв холодного мартовского ветра пронзил до самых костей, поёжившись, он прошлёпал внутрь магазина.

Приказным голосом потребовал две бутылки коньяка «Хеннеси», упаковку пива, бутылку водки и разной закуски.

Не заметил, как позади двумя бессловесными истуканами встали его телохранители. Краем глаза увидел водителя и, кивнув ему головой, швырнул на прилавок пачку денег, развернулся, вышел на улицу. Там ему услужливо открыли дверь машины, и он устроился на первое сиденье. Сидел и ждал. Вскоре парни положи-

ли в багажник покупки, шофёр завел мотор и взглянул на Карима.

– Карим Ильясович... куда едем?

Через паузу Карим выдохнул адрес и закрыл глаза.

Спустя десять минут они остановились у старой хрущёвки, не спеша поднялись на пятый этаж. Карим без колебаний нажал на звонок и держал его до тех пор, пока дверь не открылась. В трусах по колено и майке показался взлохмаченный мужичок.

– А вам кого, собственно?

– Славка, привет.

Подтянув трусы и поправив на носу очки, хозяин квартиры смешно передёрнул плечами и присмотрелся к непрошенному гостю.

– Каримка? Ты, что ли? Ну, ни хрена себе, ты с какого беса?

Карим сгрёб в объятия мужика, захлопал по плечу и прошептал:

– Здорово, старик, здорово!

Очухавшись от неожиданной встречи, Славка заторопился.

– Да проходите, проходите. Только у меня в доме полный бардак, ну да ничего, сойдёт.

Двадцать квадратных метров комнаты были завалены книгами по всем углам. У передней стены придуло старенькое пианино, на котором стопкой лежали пожелтевшие ноты романсов и толстый том Моцартовских сонат, будильник под «шляпой» звонка, полуоткрытая упаковка писчей бумаги. Польские полки почти до потолка с подписными изданиями классиков и томами «Всемирки». Тут и там на полу стояли в подрамниках эскизы, портреты, написанные маслом и акварелью. Возле окна на небольшом столе новый компьютер с открытой страницей в Интернете

«Париж и его достопримечательности». Взгляд Карима остановился на экране.

– Ты что, в Париж собираешься?

– Не-е, – протянул Славка, – информацию подбираю для ученика.

И у Карима Ильясовича перед глазами встали картины из недалёкого прошлого, когда он вместе с Мариям приехал во Францию. До поездки они смотрели фильм «Мулен-Руж». Фильм был настолько своеобразным и интересным, что обоим захотелось попасть на реальное шоу. Купили билеты и перед спектаклем сидели на открытой террасе небольшого кафе и ели эскарго. Мариям была в ярко-жёлтом летнем платье, её распущенные волосы шевелил вечерний ветерок, и она выглядела очень молодо и трогательно, и так заразительно смеялась над каждой его шуткой. В зале «Мулен-Ружа» Карим и Мариям сидели за первым столиком прямо возле сцены. Кариму запомнилось, как он смотрел на жену сквозь пузырьки шампанского. Её глаза были широко раскрыты от удивления... Она сказала, что фильм ей понравился больше, чем само шоу.

Карим заскрипел зубами и, отбросив мимолётные, но отозвавшиеся болью воспоминания, внимательно посмотрел на приятеля.

– А... ты так и преподаёшь в школе французский?

– Нет. Учеников держу. Больше зарабатываю на частных уроках. Сейчас же все помешались на Франции, престижно ездить в Ниццу, вот и учу «паломников» «парлекать».

– Понятно... Как живёшь, старина?

– Сойдёт... Мне много не надо.

– У тебя ничего не изменилось. Как мама?

– Мама умерла. Ещё два года назад.

– Прости, брат, не знал...

– Я звонил тебе... секретарша разве не передавала?

– М... Прости.

– Да я понимаю, Карим. Ты-то как? Как жизнь?

– А, – махнул рукой гость, – наверное, тоже «сойдёт».

Всё хорошо. Ты женился?

– Не-а... Холостякую. Кофе, может?

– Какой кофе?! Счас пировать начнё-ём, разговоры говорить буде-ем, Славич! Столько лет не виделись, пожалуй, с десятка, а? А ты – кофе... Нет, браток, лучший коньяк по стаканам разольём. А вы что встали?

– обернулся Карим к своим ребятам.

– Карим Ильясович, мы всё в кухне расставили, всё готово, – ответил водитель.

Славка растерянно посмотрел на гостя.

– Слав, всё схвачено, мои знают, что делать надо, без слов понимают. Спасибо мужики, – он серьёзно взглянул на шофера, – останься, только пообедай где-нибудь. А, постоит-ка, привезите что-нибудь и нам с Вячеславом Борисовичем из горячего. Ну, что ты на меня уставился, Славка, пошли на кухню.

– У меня ж там грязной посуды горы и..., – моргая от смущения, мямлил добропорядочный старый холостяк.

– Меня это не волнует, – со смехом остановил его Карим, положил руку на плечо старого школьного друга и сам повёл его в кухню. Шумно сели за накрытый стол. Славка про себя удивился появлению одноразовых тарелок, салфеток, всевозможной закуски, аккуратно разложенной в центре, и откупоренной бутылки коньяка, – всё было предусмотрено людьми Карима.

– Давай, за нас! – поднял гость первый тост.

За час оба друга приговорили одну бутылку коньяка, обмениваясь ничего не значащими вопросами о здоровье, о работе, погоде и бывших товарищах, так,

вскользь интересуясь, о чём каждый думает. В какой-то момент Вячеслава Борисовича понесло, и он заговорил ни много, ни мало о глобализации экономики и крахе цивилизации. Захмелевший от алкоголя Карим внимательно слушал, изредка поглядывая на три мобильника, которые периодически мигали: звонили из офиса, передавали эсэмэски, но он на сообщения и звонки не отвечал.

– К-каримка, – заикаясь, твердил с пылом Славка, – ты посмотри, что с миром происходит. Двадцатый век был век прогресса, так... Самолёты, подлодки, телефон, танки с космическими кораблями напридумывали. Телевидение, компьютеры, да интернет, наконец, появился... а на деле? Кровавый век! Сколько людей поубивали в двух мировых войнах, включая и локальные за эти сто лет? Кто-нибудь считал убиенных, считал? Нет, гадство, даже калькулятора не взяли в руки. А ты посчитай! В первую погибло до пятнадцати миллионов, а потом была пандемия «испанки» и уничтожила чуть ли не пятьдесят миллионов. Вторая мировая война унесла ещё пятьдесят девять миллионов, в военных конфликтах, а их было около 16, погибло до миллиона на каждый. Вот и получается чуть ли не сто со-о-рок!!

– Что ты орёшь! Славка, да давно в Гарварде подсчитали, и не сто сорок, а под все двести миллионов! А это каждый двадцать второй человек, – вставил Карим, – общеизвестная статистика!

– Ну, ещё хлеще! И никак человечество не угомонится. Себя же уничтожаем, ядрёна корень, и никому до этого дела нет. Страх ведь по нервам бегаёт, спать невозможно, потому как утром встанешь, новости посмотришь и жить расхочется.

– А для жизни чего тебе не хватает, старик? Зачем за

весь мир печёшься, о себе думай! Тоже мне, защитник человечества нашёлся. Ну, сколько тебе зелёных для счастья надо?

– Для счастья, говоришь? Ты почему ко мне пришёл? Десять лет глаз не казал, а тут пришёл? Тебе-то что надо? Что тебя волнует? – завозмущался Славка. – И вообще, ты кто – убудок или хороший человек? Я тебя сегодняшнего не знаю, да, может, и знать не хочу!

– Ах ты, гнида! – взорвался Карим, вскочил из-за стола, схватил за грудки старого приятеля, майка на груди у Славы разорвалась с противным звуком.

– Бить меня собрался, бить?! Сволочь!

Карим отпрянул, сжав кулаки, и грохнулся на стул.

– Да не стану я тебя бить, я никогда с тобой не дрался, я тебя в школе всегда защищал, – уже спокойным голосом сказал Карим.

Вячеслав Борисович нервно трогал разлезшийся трикотаж майки и поправлял сползшую лямку на плече.

– Ну, сволочь я, Славка... ну – убудок. Но небо не рухнуло и тверди не разверзлись. Пей, держи стакан, – примирительно продолжал Карим.

– Правильно! Иногда ведь надо и честно говорить.

– Честно, не честно. Забыли...

В кухне слышались только булькающие звуки пьющих. Капающая из крана вода, размеренно падала на прилипшие объедки немых тарелок в раковине.

– Плохо мне. Ой, как плохо, Славка.

– Что... опять Вера?

– ...

– Роковая любовь! Как в дамских романах. Когда же ты всё это перерастёшь, уж не молодой козлик, Карим, а взрослый мужчина... Невозможно всю жизнь сидеть на краю чужого гнезда... Не получится.

– Что бы ты ещё и понимал... Славка, никому этого не понять.

– У тебя просто достоевщина какая-то! Как же там, у великого классика, что-то вроде, «в уничижении есть высшая степень наслаждения», напомни, не совсем точно цитирую.

Вместо ответа Карим взял мобильник и, внимательно посмотрев на высветившийся номер, криво усмехнулся.

– Иззвонились, передохнуть не дают. Каждые пять минут трезвонят. Ничего, подождут, больше уважать будут.

* * *

У стойки отеля Мариям одарила приятной улыбкой менеджера и протянула ему паспорт, с заложенной сотней долларов внутри. Молодой человек с хорошей стрижкой и в галстук от Версаче говорил приторным голосом – он никак не соглашался дать ей номер в гостинице по причине её прописки в родном городе. Тем не менее, ловким движением изъясил зелёную и, отрицательно покачивая головой, впечатал её паспортные данные в компьютер, протянул документ обратно вместе с карточкой гостя:

– Номер тринадцатый и только на одну ночь. Вы понимаете, под мою личную ответственность, – многозначительно протянул он сквозь зубы, голосом диктора местного телевидения.

«И здесь чертова дюжина! Не везёт, так уж и не везёт», – отметила она про себя. Кивнула парню головой – мол, поняла его «ответственность»: стоимость рядовой комнаты в этом отеле за сутки не превышала ста двадцати баксов, а его зарплата была не на уровне покупки галстука ценою в триста.

– Скажите, пожалуйста, а у вас есть Интернет?

– Да, конечно, в бизнес-центре, по коридору направо, – уловив её проникновенный взгляд, несколько обиженно ответил он.

Забрав документы и карточку гостя, она направилась через вестибюль в сторону бизнес-центра. К ее удивлению, рядом с ним Мариям обнаружила бюро путешествий. Без всяких проволочек удалось сразу же купить билет на ближайший рейс в Москву – вылет через четыре часа!

В бизнес-центре все кабинки с компьютерами были пустыми. Мариям присела в удобное кресло, нашла нужную страницу в Интернете, ввела пароль. В электронной почте было несколько сообщений и одно самое большое от Каролин.

Из письма стало понятно – жизнь Каролин сделала неожиданный поворот.

«И меня судьба развернула – никому не пожелаешь. Развожусь с мужем и уезжаю, бросив всё, даже детей, – писала Мариям в ответном послании своей американской подруге, – передо мной пустота, а позади – одна боль. Что будет? Не знаю, неизвестность пугает...».

Краткое письмо растворилось в виртуальном пространстве, а Мариям устало поднялась, прошла по коридору, долго возилась у двери номера, открыла его и удивилась: в центре комнаты стоял большой чемодан и её сумка с ноутбуком. Когда успели привезти и кто? Ощущение, будто её выбросили за ненадобностью и выкинули её вещи, до тошноты разозлило и обидело. Ведь Карим на улице промчался мимо, даже не заметил, а она в глубине души надеялась, что он её остановит, прощения попросит... Сидя в автобусе, посматри-

вала в окно, как бы ожидая чуда... Но нет, ничего не случилось. Может, и к лучшему...

Не раздеваясь, она легла на кровать, до рейса оставалось чуть больше трёх часов. Значит, можно передохнуть, переосмыслить всё, что произошло. Но думать ей не хотелось, анализировать ситуацию не было сил. Усилием воли она заставила себя задремать, и в полусне пришлось видение.

* * *

У чёрного столба в центре площади привязали Старуху в белом хитоне, седые космы разметались по груди. Толпа вокруг ярилась и улюлюкала:

– Ведьма, ведьма! Изыди, старая! Дьявол – твой брат и возлюбленный! Убейте её, убейте!

Ввалившиеся глаза Старухи блестели, беззубый рот совсем ввалился. Толпа дрогнула, и сквозь неё пробивались стражники в рогатых шлемах, их лохматые собаки истошно лаяли.

И... полетели камни в Старуху. Просвистел один и рассёк ей щеку, кровь потекла струйкой по лицу. А камни летели, разрывали хитон, обнажали немощную иссохшую грудь. Остриём вонзались туда, где ещё стучало живое сердце.

Губы Старухи дрогнули:

– За что? Люди добрые, за что?!

Но не слышно было её слов, не слышно было стука сердца.

Пулсирировала кровавая вязь по хитону, и падали капли на разможжённые ступни. А собаки лаяли, неистовствовала толпа и под палящим солнцем угасала её жизнь...

* * *

Мариям проснулась от собственных рыданий. Подушка была мокрой от слёз. Рывком поднялась с постели, прошла в ванную, вымыла лицо, успокоилась и, взглянув на часы, заторопилась – пора было выезжать в аэропорт. «Что же это значит? Предупреждение? Или... просто сон... Перенервничала... Как всё невыносимо больно... И сыновей не увидела, не обняла..., – думала Мариям, с усилием поднимая чемодан и ставя его на бок, на колесики. – Что же они, весь мой гардероб туда впихнули? Тяжеленный...».

На такси она доехала до аэропорта, не успела зарегистрироваться, сдать багаж, как объявили посадку на рейс. Очередь эконом-класса двигалась быстро. Предъявив посадочный талон, Мариям прошла в духоту терминала.

У трапа самолёта столпилось несколько человек. Выйдя из автобуса, она остановилась за женщиной с плачущим ребёнком на руках. Сумка с ноутбуком оттягивала плечо и Мариям сняла её, поставила у ног.

«Номер моего места – 34А... у окна буду сидеть. Не очень-то удобно. Люблю в проходе. Впрочем, какая разница», – она поднялась по ступенькам в салон.

Пассажиры устраивались в креслах. Мариям села, запихнула свой компьютер под сиденье впереди себя, сняла пальто, положила на колени, застегнула привязные ремни и посмотрела в иллюминатор. «Ещё чуть-чуть, и я буду далеко-далеко отсюда..., – глаза увлажнились от выступивших слез, – ужасно... как всё ужасно кончилось...».

До её слуха доносился голос бортпроводника из динамика, но она не прислушивалась к тому, что говорили.

Вдруг к её ряду подошла светловолосая стюардесса.

– Извините, пожалуйста, Вы сдавали багаж?

– Да, – рассеянно ответила Мариям.

– Вы не могли бы показать мне ваш багажный талончик?

– Да, да, конечно, – Мариям открыла сумочку, достала билет, развернула и протянула стюардессе.

Та внимательно посмотрела на номер квитанции и попросила пройти к выходу. Мариям удивилась, но послушно встала и поспешила в переднюю часть салона.

Там её ждали два милиционера. На немой вопрос женщины, один из них сказал, что необходим дополнительный досмотр багажа в её присутствии. Мариям забеспокоилась, но только кивнула в знак согласия и спустилась с представителями власти с трапа. Втроём они сели в милицейскую машину и отъехали от стоянки самолёта.

– А эта процедура надолго? Я не опоздаю? – спросила Мариям, когда они остановились возле терминала.

– Пройдёмте! – был короткий ответ.

Её завели в прокуренную комнату. Последующие события отпечатались в памяти Мариям, как эпизоды из детективного фильма. Медленно шаркала змейка молнии при вскрытии чемодана. Руки милиционера вытаскивали разные вещи, нижнее бельё, односложные вопросы звучали, как заведённая шарманка:

– Это – ваше? А это?

В ответ кивок головой. Свитера и юбка.

– Это – ваше? А это?

Содержимое чемодана постепенно заполняло поверхность стола. И вдруг на самом дне – аккуратные пластиковые пакеты с белым порошком.

– Это – ваше?

– Нет. Это не моё.

Она ничего не могла доказать.

Вопросы шли по кругу.

– Чемодан ваш?

– Мой. Но я его не паковала собственноручно.

– Не важно. Кто ещё с вами вместе работает?

Она внимательно смотрела в лицо милиционеру, вглядывалась вглубь его рта, где были видны жёлтые зубы с чёрной окаёмкой, и думала: «К стоматологу тебе пора. Почистить зубы. Больно, когда счищают налёты. Борная машина прикасается к зубам и вибрирует, а потом врач начнёт камни отковыривать. Крак, – один отлетел. Крак – другой. Парочку дней есть будешь плохо, только водичку цедить. Дёсны воспалятся... Но – пройдёт. Зато зубы станут, как у голливудской звезды. Мне самой надо бы к зубному сходить».

А потом были понятые. Пришлось подписать длинную опись. Требования позвонить мужу и адвокату остались без внимания.

Сложные чувства охватили Марьям. Безропотно и безучастно она слушала, что её обвиняют по статье такой-то, номера такого-то из Уголовного кодекса Российской Федерации за провоз наркотиков, и встрепенулась от слов «грозит лишение свободы от пятнадцати до двадцати лет».

Сознание раздваивалось от ощущения полного бессилия.

В голове прозвучало тенором: «Так тебе и надо...могла бы в гостинице проверить, что они там положили... В угол ставила мать в детстве за проступки. Однажды наказала ни за что... Как же было обидно и больно».

Неожиданно другой низкий голос, прорвавшись из подсознания, ответил: «Нет... по-настоящему больно,

когда тебе специальной иглой нерв удаляют из зуба. Помнишь, врач по-садистски втыкал и накручивал нерв на иглу, вытаскивал, рассматривал внимательно и опять всаживал в глубину коренного...».

В её внутренний диалог ворвалось милицейское:

– Вам понятно?!

В мозгу тенорок процедил: «Почему люди считают, что слова так просто скатить из головы в горло, скинуть на язык и озвучить вслух. Всё не так просто. Слова застревают... или сглатываются. Язык может онеметь. Лучше не отвечай, Мариям...»

– Да, да, – поддержал его низкий баритон, – кивни... А ты заметила, сколько народу набралось в комнате? Шесть пар глаз. Одни голубые, спокойные. Вторые какие-то... тухлявые.

– Не может быть тухлявых глаз! – просипел тенорок.

– Может. Они жёлтые с бурыми пятнами. Будто черви их продырявили, а третьи... чёрные, цыганские.

– Да не цыганские, а чернотой травленные.

– Сколько же им заплатили? – взвизгнул тенор.

– Да по штуке на брата, не больше. Больше-то они и не стоят, – утробно отметил баритон.

– Вот тухлявые нас под белы ручки и поведут в тюрьму.

– Не в тюрьму, а в следственный изолятор... для начала, – скорбно звучали минорные ноты второго голоса».

Вдруг голоса исчезли, и наступила полная тишина, Мариям ощутила её всем телом и душой.

Прошло не больше пятнадцати минут, и они возникли снова.

«...Уже поехали. Терпеть не могу запаха застаревшего мужского пота.

– Мариям, тебе надо дозвониться до Карима, – настаивал на высокой ноте первый голос».

– Жестокость не пробьёшь телефонным звонком, – прошептала женщина сама себе.

К вечеру она ощущала себя нагой перед скопищем звероподобных людей. Брала отпечатки пальцев, спрашивали, спрашивали... Мариям твердила одно и тоже – ей положен телефонный звонок, просила, требовала. Наконец, держала трубку телефона в руке, набирала номер, слышала длинные гудки, опять набирала, оставляла бывшему мужу сообщения.

Вместо ответа – пустота и тишина.

Какое коварство...

* * *

Славка оттащил пьяного Карима в комнату на диван, но, при всём усилии, утомонить его не смог. Старый друг рвался лететь с ним в Париж, хвастал своим всемогуществом и дико хохотал, срывал с себя одеяло, набрасывал на голову и представлял себя быком на корриде, гоняясь за Славкой по всей квартире – попытки уложить его спать оказались тщетными. Замер как вкопанный только один единственный раз, услышав звук самолёта.

– У тебя что, аэродром под боком? – спросил приятеля.

– Забыл, где я живу?! Это Московский пошёл. Когда взлетает – стекла звенят!

– А... Московский, говоришь. Это хорошо... Ха-ха-ха!

К полуночи обессиленный хозяин закрылся в туалете от беспокойного гостя.

Карим сидел с полчаса у дверей уборной, стуча со всей силы кулаком, дёргая за ручку, пока та с треском не отлетела. Он заглянул в образовавшуюся дырку и

увидел, что Славка уснул, сидя на унитазе. Плюнул с досады и на карачках, по-собачьи, добрался до кухни.

Устроившись у окна на кухне, он внимательно рассматривал три своих мобильника. Один, Верин, не показал ни одного входящего звонка. На двух других Карим попеременно щелкал кнопками и удовлетворённо кивал головой: порядка десяти из офиса, столько же с неизвестным номером. Крякнул, закашлялся со всей силы, налил стакан водки из опорожненной на треть бутылки, и, не морщась, опрокинул себе в рот.

– Зверская... За тебя, Карим Ильясович!

Стукнул стаканом по столу так, что доньшко отлетело - срезало, будто кусок масла ножом. Удивился, повертел в ладонях стеклянный кружок. Нечаянно порезанный большой палец засаднил. Слизнул кровь с ранки, засунул руку в карман брюк. Вздыхая, поплёлся в комнату, остановился на пороге. Взгляд упёрся в многочисленные холсты, горой торчащие у шкафа.

Он поднимал с пола по одному Славкины шедевры, рассматривал, ставил по периметру, отходил подальше и, прищурившись, бормотал себе что-то под нос, подбоченившись, с видом истинного знатока.

Через некоторое время он уселся по-турецки в центре комнаты, поставил перед собой чистый холст, наклонив его на стопку книжек, подтянул банки с гуашью и кистями. Взял самую большую, обмакнул и шмякнул краской по поверхности.

– Я тебе покажу! Шагал... Мазал.

Несколько капель упали на шлёпанцы, Карим их снял, тщательно вытер рукавом, поставил в ряд, пригладился и ладонью поправил края пяток, чтоб были по прямой линии.

До самого рассвета: красное замазывалось чёрным и покрывалось сверху зелёным. Гуашь сползала ручей-

ками, оставляя пятна на ковре. Лицо и руки, рубашка были в разноцветных кляксах. Он замалевал все чистые холсты, от малого до метрового размера, свалил их на диван и, за нехваткой новых, принялся за Славин незаконченный пейзаж, написанный маслом. Круги и извилины, линии и спирали ранами ложились на картину осени в пойме реки.

В этот самый момент хозяин, тяжело отдыхиваясь, появился в «мастерской полусумасшедшего», в которую превратилась его большая комната.

– Да ты спятил!!! Это же моя самая любимая работа!

Выхватил полотно из рук Карима, понёсся в ванную и подставил его под воду. Захлюпал носом от жуткой обиды, направил струю из душевого шланга, пытаюсь снять ещё не застывший слой гуаши.

– Сволочь, ничего святого нет! Попробуй только ещё что-нибудь тронуть в моём доме! – кричал он громко Кариму. Краска стекала на дно белой ванны и, урча, исчезала в сливном отверстии.

Дверной звонок отвлёк Славку, он выскочил в коридор, отпер замок, на пороге стоял встревоженный водитель с телефоном в руке.

– Где Карим Ильясевич? Его срочно к телефону. Очень важно, очень!

– Да проходи, в комнате он, – в сердцах крикнул ему Славка.

– Карим Ильясевич! Борис Семеныч – срочно!

– Какой к чёрту Борис Сем..., – послышалось из глубины комнаты.

– Ваш зам, Карим Ильясевич! Вам помочь? – водитель появился в проёме двери, увидел шефа сидящим на полу, протянул ему мобильник.

– Да... Что?!... Да... еду...

Карим вскочил, слегка покачнулся и бросился к выходу.

– Домо-о-ой! – слышался его вопль с лестницы.

В одних носках он пролетел по обледеневшему бетонной площадке подъезда, рванул на себя дверь машины, водитель еле поспевал за ним.

Запираясь на все замки, Славка сердито ворчал вслед, что ему придётся целую неделю отмывать всё это безобразие, сотворённое неожиданно-негаданно занесённым неведомо откуда бывшим школьным другом.

Каково же было его изумление, когда он нашёл на кухонном столе толстую пачку долларов, а позже на одном из холстов размашистую надпись белой краской по чёрному полю: «Спасибо, друг».

Карим вернулся домой. Со стеклянными глазами, ни слова не говоря, переоделся, наспех смыл следы своего творческого порыва с лица и рук, и поехал...

В течение следующих тридцати минут в его сознании вертелась одна и та же мысль: «Кома... Кома... Она в коме».

Через вестибюль городской больницы он промчался вверх по лестнице на второй этаж в отделение реанимации. В коридоре к нему ринулся мужчина в слезах, Карим еле понимал, что тот ему говорил.

– Я хочу её видеть! Позовите главного врача! Я хочу её видеть! – кричал Карим.

Его обступили со всех сторон, пытаясь успокоить, твердили, что в реанимационное отделение нельзя пускать никого – запрещено. Он не хотел понимать, рвался из чьих-то рук, требовал, ругался, звонил министру здравоохранения республики.

Наконец, перед ним открылась дверь реанимационного бокса, заставленного новейшим оборудованием.

Он вдруг вспомнил, что сам финансировал и ремонт больницы, и покупку медицинской аппаратуры, его приглашали на открытие, но он не пошёл, – как всегда, отнекался, сославшись на занятость. В газетах писали, что больница оснащена получше, чем любой американский госпиталь. Вот и пусть теперь ему докажут, что все эти железки и электроника, за которые заплачены миллионы, работают как надо.

На подгибающихся ногах он приблизился к каталке, стоящей у стены.

Шаг... Взгляд упёрся туда, где многочисленные трубки сплели паучью сеть.

Ещё один шаг...

Увидел, – белая полоса бинтов, закрывающая лоб, отрезала напрочь то, что когда-то было любимым лицом.

Шаг правой...

Взбухшие от кровоподтеков, внутренних разрывов тканей и переломов челюстей – щёки?

Шаг левой...

Его глаза не встретились с взглядом той, которая была всех дороже, их не было, заплыли фиолетовыми разводами.

Вместо лица – сплошное месиво...

Она...

Нет...

Последний шаг...

На простыне её рука с тонкими худыми пальцами...

Он накрыл их своей ладонью. Дрогнуло сердце.

– Верочка, Вера...

В ответ жёсткий, холодный голос фигуры в голубом:

– Она вас не слышит. Посмотрели и уходите!

– Верочка... Не уберегли... А-а-а..., – пронесся его стон и уткнулся в экран монитора, слился воедино со

звучком «Би-ип... би-ип... би-ип», завибрировал с зигзагами графиков системы жизнеобеспечения.

«Би-ип... би-ип... би-ип» сверлом вкручивалось в мозг, умертвляя плоть, сбрасывая в адский огонь свершившейся трагедии былую память, радость прошлого, жар любви и ревности.

Телохранители с силой оттащили его от каталки и вывели в коридор. Карим упёрся головой в стену и, мыча, спрашивал, что произошло. Ему говорили, что ничего не предвещало такого исхода. Вера уехала на деловой ужин и пробыла в ресторане довольно долго, около часа ночи возвращалась с водителем домой. Не успели проскочить перекресток и со всей скоростью врезались в фуру; водитель скончался на месте, а Веру Игнатьевну в бессознательном состоянии привезли в приёмный покой. Ей сделали операцию, но врачи не дают никаких гарантий. В себя она так и не приходила.

– Карим Ильясович, остаётся только на Всевышнего надеяться и...

– Ждать...?! – просипел Карим.

Да ведь он и так всёвремя ожидал. Будто преданная собака мечтал о ласковом потрёпывании за ушами, надеялся, что хозяин бросит вкусный кусочек, уныло смотрел с обочины или из конуры на чужую жизнь. Ждал чего? Мечтал о чём? Мог ли представить, что вот так всё закончится?

* * *

«Ждать... Ждать...», – ясно звучало в голове у Мариям, как заклятие, как молитва. Она не спала всю ночь, тело от длительного сидения занемело. Страх накатывал волной, душил в цепких, безжалостных объятиях и не давал возможности хоть как-то осмысленно рассуждать о случившемся. Мариям пыталась неподвиж-

ностью унять отчаяние, в котором она беспомощно барахталась. Только иногда злость разрывала оковы безысходности, и тогда женщина шептала проклятия тем, кто её так безжалостно поверг ниц, растоптал и сделал из неё игрушку в руках продажного правосудия. От мысли, что её бывший муж переступил всяческие пределы и себе в угоду, на потеху своей мести решил таким унижительным путем уничтожить её, вводила Мариям в ступор, сжигала нутро.

Ей казалось, что даже кожа по всему телу становилась тонкой, пергаментной и шуршала от малейшего движения. «Мумия в саркофаге камеры СИЗО. Да, я уже умерла.

Но когда же я умерла? – ползли мысли в вязком сознании. – Давно, давно... может и не один раз... А каким он был, мой последний выдох? Тёплым или холодным?»

Неуклюже подняв руку, Мариямдохнула на ладонь, но ничего не ощутила, потом провела по волосам и в сумраке увидела пряди волос, застрявших между пальцами. Поднесла поближе к лицу. Ха-а! И от резкого выдоха волосы вспорхнули над пальцами. От изумления Мариям охнула и медленно закачалась из стороны в сторону, будто в трансе. И, машинально начала накручивать волосы на указательный палец левой руки. Все туже и туже обвивались волосинки вокруг пальца, разбухала фаланга, наливалась кровью, синела, но боль приходила медленно.

Она не слышала, как лязгнула и открылась дверь, как её звали, вздрогнула от окрика:

– Встать!

Шла за охранником по коридорам, сжимая пальцы в кулаки, пытаюсь не выронить накрученные мёртвые пряди на цементный пол. Не заметила, как очутилась

в полупустой комнате, где села на указанный ей стул и уставилась отсутствующим взглядом на входящего человека.

– Здравствуйте, Мариям Айдаровна, – участливо сказал мужчина в хорошо отглаженном костюме и темном галстуке.

– Лев Соломонович... И вы тоже?! – глухим голосом произнесла Мариям.

– Мариям Айдаровна Юсупова, как официальное юридическое лицо я представляю интересы Кари-ма Ильясовича Юсупова. В сложившейся ситуации я прошу вас очень внимательно меня выслушать.

– А мне казалось, что вы наш семейный адвокат.

– Повторяю, – жёстким тоном прервал её Лев Соломонович, – я представляю интересы...

– Да. Говорите, с чем пришли, – мрачно ответила Мариям.

Поначалу ей было сложно пробраться через дебри юридических терминов. Она не понимала их, тщетно пытаясь зацепиться хоть за какой-то смысл, только чувствовала, что надежда исчезает. Неожиданно мужчина замолк, возникла странная пауза. Мариям напряглась, последовавший вскоре монолог вверг в полный ужас.

Каждое слово адвоката напоминало разрывную пулю, нацеливалось прямо в сердце. Её сознание взбунтовалось, не успевая переваривать информацию, только всполохами возникали фразы, поразительно яркими, бегущими рекламной строкой зигзагами, напоминая извивающихся гадюк в террариуме.

– Первое, Вы обязаны подписать развод.

Второе, Вы обязаны отказаться от детей: их воспитание, проживание и обучение берёт на себя отец. Безусловно, Вы понимаете, что наркоманам не место

в нашей стране и воспитание молодого поколения им никто и никогда не доверит.

Третье, у Вас нет никаких юридических прав претендовать ни на имущество, ни на земельные участки, ни на акции предприятий, владельцем которых является господин Юсупов.

В-четвёртых, памятуя, что господин Юсупов прожил с вами несколько лет, он выделяет вам полмиллиона долларов, чтобы Вы получили доступное лечение от наркотической зависимости и начали новую жизнь.

Стопка печатного текста аккуратно легла перед Мариям. Мужчина протягивал ей чёрную шариковую ручку.

– Я надеюсь, Вы все прекрасно понимаете. Подписывайте. Я отметил места на страницах, где Вы должны поставить свою подпись.

И вдруг адвокат перешёл на шёпот, такой шипящий, неутешительный, но беззлобный.

– Милая Мариям Айдаровна, если подпишите бумаги, то я Вас отсюда сразу же выведу и увезу в аэропорт. Вы сможете немедленно улететь в Москву charterным рейсом.

У Вас нет выхода...

Или – бумаги, или десять лет в тюрьме.

В ответ на него смотрели бездонные глаза той, которую он помнил всегда весёлой, красивой, как ему казалось, порхающей светской львицей и прекрасной женой богатейшего человека в городе.

А Мариям думала, что если бы с неё живьем снимали кожу ржавыми крючьями, то, наверное, не было бы так больно, как от казни, что над ней вершили сейчас.

«Казнь невиновных людей, не имеющих доступа к деньгам и не способным купить себе правосудие, –

это безжалостно, это подло». Кажется, она это где-то читала. Да, в какой-то газете, или нет...

Без вины виноват, без суда осуждён...

И некому заступиться.

И правды нет...

– Лев... Соломонович, как же так... вся жизнь... это что же? Ничто?! Ведь всё подстроено, специально подстроено, меня оклеветали, я докажу! Я расскажу о деятельности вашего работодателя, у меня достаточно информации! – вскричала она.

– Спокойно, Мариям Айдаровна, будьте благоразумны. Уезжайте – это вам мой совет. Уезжайте, – его голос дрогнул и он закашлялся. – Вот, здесь ставьте подпись, – указал он на развернутую им страницу. – Вот, здесь...

С холодной яростью Мариям выдавливала на бумаге свою подпись. Адвокат быстро переворачивал страницы, а она делала росчерк за росчерком, – отказываясь от детей, отказываясь от всего, приобретая тем самым себе свободу.

Ближе к обеду Лев Соломонович, сидя в собственном офисе, играл карандашом на столе: то катал, то постукивал по клавиатуре компьютера, то прикусывал кончик зубами. Телефонный звонок застал его в момент, когда он засунул карандаш за ухо. Кратко и чётко звучал его ответ-отчет в трубке телефона.

– Все бумаги в порядке. Подписала. Обошлось без истерик. Как положено, её проводили в аэропорт, деньги в Москве ей отдадут в квартире, как только приедет. Задание выполнено, Карим Ильясович. Да, да, спасибо.

Закончив разговор, Лев Соломонович расслабленно откинулся в кресле, потом нажал на кнопку селектора.

– Лена, меня нет до конца дня ни для кого, я исчез, – твёрдо отчеканил он секретарше.

А сам подумал, как ему всё надоело...

Глава двенадцатая

КАРОЛИН

Весна выдалась затяжной, в Калифорнии шли нескончаемые дожди. Каролин вела машину, зорко вглядываясь в переднее стекло. Дворники работали, едва справляясь с потоками воды, обрушившимися с мартовского неба. Она спешила на встречу к Джефу, отчаянно взволнованная визитом к лечащему врачу Питера. Доктор выписал сыну направление в психиатрическую лечебницу.

Всё... Это приговор. Умолять психиатра бесполезно, он ей прямо сказал:

– У вас нет никаких шансов: подростковая шизофрения не вы-ле-чи-ва-ет-ся. Это не простуда... и не порез на пальце. В мире не существует ни рецептов, ни способов... Никто вам не поможет. Смиритесь, мамаша, с мыслью, – Ваш сын никогда не станет нормальным. Единственное, что можете для него сделать – отправить в клинику, где ему будут регулярно давать необходимые лекарства и обучат какому-нибудь ремеслу. Что вам ещё сказать? Просите Бога, чтобы он сам смог себя обслуживать до конца жизни.

Жёстко, понимаю. Но правде надо смотреть в глаза. В лечебнице Питер пробудет три месяца, если наступит улучшение, то определим его в специальный интернат, где ему придётся жить с такими же больными, как и он сам.

«Виновата! Сама виновата во всём», – эти мысли шли рефреном, не поддаваясь никаким её оправданиям. Нет, никто не проклял семью, в этом она себя постаралась убедить, просто всё семейство было с червоточиной, с которой невозможно бороться.

Каролин въехала на мост, сквозь струи дождя еле-еле проглядывали задние фонари грузовика.

Всякий раз, как она попадала на мост, вспоминался неудавшийся семейный отпуск и... отец. Он всю жизнь проработал в мостостроительной компании и считался одним из лучших электросварщиков-высотников, его ценили, а в день ухода на пенсию премировали новой машиной.

Когда он заболел, Каролин пришлось переехать в Калифорнию ухаживать за ним. Отец поручил распорядиться своими деньгами именно ей, а не братьям. А те, не стесняясь, твердили, что у отца огромные средства и будет чем разжиться; прикрикивали, если считали, что Каролин недостаточно чисто убирала в доме. А уж когда увозила отца с приступами в больницу, возмущению не было предела: «Бесполезная трата денег!». Она пыталась их урезонить. Но на самом-то деле сбережений хватило только на лечение, а потом – на скромные похороны.

Знать бы им, как отец ночами кричал от невыносимой боли и как она страдала, наблюдая за его мучениями. Три года изо дня в день – кровавые рвоты, мольбы о помощи, лишь иногда проблеск надежды на улучшение. От грозного Кремера к тому времени уже ничего не осталось – только разлагающийся организм и мятущаяся душа.

Он умирал тяжело и долго.

Нет, были моменты, когда она искренне пыталась наладить хорошие отношения с братьями, даже отправляла Питера к своему старшему брату Робу – у того был сын младше Питера на два года. Долго не знала и не догадывалась Каролин, что её брат – наркоман с большим стажем. У неё за спиной он давал сыну пробовать марихуану и героин.

Однажды, после очередного отцовского приступа, оставив его в палате под присмотром сиделки, она вернулась из госпиталя измученная и уставшая, открыла дверь в гараж и не успела ещё заехать, как в свете фар увидела Питера, сползавшего по забрызганной кровью стенке. Он вскрыл себе вены.

Бессмысленный хохот сына заглушал мотор машины, из которой Каролин едва успела выскочить и подхватить подростка. Он отбивался и замазал её кровью чуть не до пояса.

Каролин впахнула Питера в автомобиль и как сумасшедшая помчалась обратно в госпиталь. В приёмном покое ей помогала медсестра, та же самая, что принимала отца. В глазах её читались ужас и сочувствие.

Нет, она успела, она спасла сына в тот раз... Хотела судить Роба за наркотики. Но отец, когда узнал, запретил:

– Семейю под позор подводить надумала? – хрипел умирающий из последних сил. – Что люди скажут? Сестра на брата в суд подаёт! В тюрьму сажает! – надсаживался отец.

Не смогла она пойти против его воли и даже объясняться с Робом не стала. А, между тем, брат не только сгубил её сына, он и своего чуть под виселицу не подвёл. А случилось так, что довольно быстро Роб разбежался с женой. Та второй раз вышла замуж и родила девочку. И тогда брат науськал собственного сына, и однажды в воскресный день тот застрелил мать и отца прямо за завтраком. Не пощадил и новорождённую.

О случившемся Каролин узнала из телевизионных новостей. Когда показали племянника – не поверила. Отец заплакал, узнав, что приключилось с его внуком.

Весь город бушевал от этой трагедии, парню при-

судили пожизненное заключение, но Роб на себя никакой вины не взял и не сделал ни одной попытки помочь отпрыску. Так и исчез несовершеннолетний паренёк за колючей проволокой навсегда. Это добило старшего Кремера, и он скончался.

Ещё не успели отпеть отца, как братья начали тяжбу, потребовали через суд раздела серебряных ложек и вилок, старинных монет, что достались отцу от его прадеда, и выплаты арендной платы за те три года, что Каролин жила под крышей отцовского дома.

Вот уже пять лет тянется это позорное разбирательство, по последнему постановлению суда ей предписано продать дом и деньги разделить между всеми наследниками. Если она это сделает, то опять останется на улице с детьми, к тому же платить адвокату нечем. А теперь ещё и болезнь Питера... Хорошо, что тот же врач подсказал, как добиться социальной помощи, но ходение по государственным инстанциям дело не быстрое. Каролин поняла, что боится, как бы сын чего не натворил: не поджег бы жильё, не наложил бы на себя руки.

И с дочерью много проблем, в школе не хочет учиться, а без диплома в настоящее время никакой нормальной работы не получишь, лишь низко оплачиваемую. Падчерицы, Джуди и Клер, – спасибо им, уговаривают отправить девчонку к ним в Бостон, обещают присмотреть за ней. Странно, но обе не порвали связи с Каролин, и после развода с Ричардом, в течение всех лет, писали, присылали подарки Питеру и Кейлан. Сейчас-то они уже взрослые женщины, замуж вышли, но про Каролин не забывают.

После выхода из тюрьмы Ричард приезжал повидаться с детьми, но вместо мирной встречи получился скандал. Он напал на бывшую жену, так, что пришлось

вызывать полицию.

Джуди сообщала: теперь он устроился в какую-то фирму, и платят ему хорошо, но за всё время он не послал ни копейки.

Всё чаще Каролин хотелось попросить у собственных детей прощения за то, что выбрала им в отцы Ричарда. А что, собственно, она понимала тогда? Просто стремилась вырваться из бедности, жаждала богатства – будто оно может сделать человека счастливым.

На приборном щитке загорелась красная лампочка.

«Бензин заканчивается, надо срочно заправляться», – подумала с тревогой Каролин и, приглядевшись к дорожным знакам, сообразила: через полторы мили заправочная станция.

Ко всем её неприятностям, мотор заглох в двухстах метрах от заправки, пришлось идти пешком и просить помощи. Совсем промокнув от дождя, женщина злилась на весь свет.

Заправив, наконец, машину, она выехала не в ту сторону и оказалась на углу улицы, где сквозь дождевые струи на одном из зданий светилась вывеска: «Оракул. Чтение судьбы по руке». Внизу – приписка: «стоимость 10 долларов за сеанс».

Каролин без колебаний подрулила к затемнённой двери, остановилась и покопалась в кармане. Так и есть, две последних пятидолларовых банкноты захрустели под пальцами. Она стиснула их в ладони, выскользнула из автомашины и кинулась к входу заведения в надежде узнать тайну своей судьбы.

Звякнули колокольчики на ручке захлопнувшейся позади двери и в полумраке отозвались серебряным звоном где-то в глубине комнаты. Блики зажжённых свечей колыхнулись в облаках воскуряемых благовоний. На стеклянных полках стояли неизвестные

божки, на стенах тут и там висели маски. На полу от сквозняка зашевелились опилки, их шипящий шорох на секунду оглушил женщину.

Каролин испугалась, первым желанием было как можно быстрее бежать из этого места. Но тело застыло и нервно вибрировало: «Дура, какая же я дура, зачем сюда пришла?!»

Она не успела додумать мысль, как из-за занавесок справа надвинулась на неё огромная бесформенная фигура. От неожиданности Каролин вскрикнула. Толстая негритянка с тюрбаном на голове медленно шествовала к ней. Пухлое одутловатое лицо освещалось зажжённой плоской, в которой что-то булькало и дымилось. В больших глазах с яркими белками отражался огонь фтиля.

– Божий дождь смывает грехи мира, – утробным голосом произнесла прорицательница и взмахнула свободной рукой.

Каролин не успела ответить и попыталась увернуться от брошенной в её сторону пушистой шали, которая чуть не накрыла её с головой. Потом она почувствовала крепкую руку на своём плече. Смирной овечкой, ведомой на заклатие, Каролин пошла в смежную комнату. Не посмела ни слова сказать, ни выказать сопротивления.

Её усадили в низкое кресло у кофейного столика. Перед глазами колыхалось в чёрном балахоне бесформенное тело, и терпкий запах неведомых трав защекотал в носу.

Негритянка укутала её плотнее в шаль. Положила тяжёлую ладонь на голову и тихо с чувством запричитала:

– Несчастливая ты моя, ой страдалица... страдалица Божья. Да какая же судьбина страшная! О-о-ох! Страдалица...

В животе у Каролин словно что-то оборвалось, и она услышала дробный стук своего сердца. Оно билось в ломаном ритме и, казалось, выскочит из груди и разобьётся тут же, у ног этого чудовища.

Колдунья вдруг остановилась, встрепелась и начала водить горячей плоской над головой почти обезумевшей Каролин. Отблески пламени вырвали из темноты вымазанные чем-то красным перья полуметровых масок с открытыми ртами и пустыми глазами... «Кровь жертв!!!», – застрял стон в глотке у Каролин.

Прорицательница взяла низкую ноту и долго её держала на одном дыхании, затем из недр её тела послышался странный сип, а голос вдруг взвился в визге и погас под потолком. Гулкий выдох – и плоска погасла. Темнота окунула Каролин в тошнотворную смесь животного страха и отвратительно горькой отрыжки. Спазмы в горле душили, Каролин издала какой-то звериный вой, и рыдания затрясли её в безмерной жалости к себе.

Картины прошедшей жизни проносились в сознании: её колотило, зубы стучали и под их дробь крупные слёзы катились по щекам. Наваждение длилось несколько минут. Когда Каролин затихла, негритянка чиркнула спичкой, подожгла фитиль плоски и поставила её на столик. Только теперь Каролин увидела в центре стола хрустальный шар на кованном трёхлистнике в окружении полуистаявших свечей. Бормоча заклинания, прорицательница от плоски зажигала свечи одну за другой. Не дав опомниться посетительнице, она вперилась в шар горящими глазами и сквозь рокот магических слов выкрикивала:

– Шуру камиба даи, – найди то, что мать дала. – Шуру даи варагаибу стради, – дунь три раза, – шата каи

Бумтубуруди, – закопай поглубже в землю. – Бутуругуидиригатирухада, – жертву дай земле, она захлопнет свой рот и съест твои несчастья. – Шуру камиба даи Бутуругуидиригатирухада! Даи камида, – да будет так. Деньги не забудь на стол положить.

Каролин разжала потную ладонь, две пятерки скользнули на краешек стола.

– А теперь иди и не оглядывайся. Поверни направо, проедешь на зелёный свет светофора, через одну милю остановись и закопай то, что мать дала.

И она громко хлопнула три раза в ладоши, схватила бубен, подскочила и закружилась на месте. Каролин сбросила с себя шаль и рванула к выходу, негритянка, кружась, двигалась вслед за ней.

С каким облегчением Каролин повернула ключ зажигания и резко тронулась с места! «Господи, пронесло, какой ужас, какой ужас! Господи, спаси, сохрани и помилуй!» – лихорадочно думала она.

Но сквозь молитву прорезался голос прорицательницы: «Поверни направо...».

И Каролин резко повернула, к её удивлению прямо перед ней светился ярко-зелёным светом светофор. И вот тут-то ей стало совсем не по себе. «Может, эта ведьма права... Но у меня ничего нет, чтобы закопать. Что там она говорила? Закопай, что мать дала... Но что мне мать дала?».

И Каролин вспомнила: конечно же, у неё есть амулет, крохотная медная ладанка, которую мать ещё в детстве, после первого причастия, ей в церкви вложила в ладонь и велела беречь. И она всегда хранила ладанку в кошельке, в самом маленьком отделении. Каждый раз, покупая новый, Каролин бережно перекладывала амулет из старого. Матери он достался от бабушки... Нет... Она не сможет его закопать. Всю жизнь она

только и верила, что амулет её спасает. Но... ведьма... не могла же она предвидеть, что на светофоре зажёгся зелёный, или... могла?! Тогда... что же делать? Нет, нет. Это единственное, что осталось от матери...

Однако голос негритянки продолжал въедаться в мозг своими «шуру камибу, через милю остановись и закопай... закопай все несчастья...».

Каролин проехала перекрёсток и, взметнув фонтан воды из глубокой лужи, оказалась на параллельной основной трассе дороге, вьющейся мимо пустых полей.

Ровно через милю она не остановилась, хотя заметила одинокое высокое дерево на обочине, чьи ветви судорожно метались от порывов ветра и дождя. Она продолжала двигаться к выезду на шоссе. Чем дальше Каролин отъезжала от дерева, тем больше её тянуло обратно. Спиной чувствовала странное притяжение, будто ветви-щупальца присасывали к себе. «А если поможет?!» – вынырнула навязчивая мысль.

– Нет! Нет, – вслух, убеждая себя, громко произнесла Каролин. «Да мама простит, – не унималась испуганная подсказка, – простит, вот увидишь... Вдруг поможет, и все несчастья уйдут».

– Поможет – не поможет! Должно же быть хоть что-то святое у тебя! – женщина со всей силы вцепилась в руль, однако нажала на тормоз, развернулась и на всей скорости понеслась обратно к дереву.

Старый дуб, весь покрытый мхом, взрыл поверхность земли заскоруждыми корнями. Выскочив в муть дождевой стены, Каролин лихорадочно разгребла руками под узлом корней ямку и запихнула в неё амулет, прихлопнула грязную жижую ладонью и положила камень сверху. «Кажется, всё... Сделала-таки, как ведьма сказала...».

Уже направившись к машине, она споткнулась и еле

удержалась, рука оперлась о землю, но пальцы царапнуло корой корневища, и звонкий «крак» означал сломанный ноготь. «Чёрт, вот ведь не везёт, – подумала Каролин и спохватилась, – да я же забыла три раза подуть! Вот и пожалуйста!».

Вернулась, вырыла амулет, три раза выдохнула на него, обратно закопала. Встала под кроной, вытянула руки к небу и с силой выкрикнула в его бездушное и мокрое пространство:

– Да забери ты все мои несчастья. Забери! Забери! – ...и отъехала от дуба.

«Господи, хоть бы помогло. Я так устала от всего. От себя самой, и от детей, и от жизни». И она погрузилась в размышления, которые ледяной рукой сжимали душу.

Каролин уже подъезжала к берегу океана, когда, сотрясаясь от беззвучных рыданий, остановилась на близлежащей стоянке. Так и сидела, обливалась слезами, наклонив голову на руль, пока не раздался телефонный звонок. По номеру определила – это Джеф.

– Каролин, ты где?

– Я... я к тебе направлялась, но..., – женщина не смогла сдержаться и рассказала о Питере.

– Джеф, и вообще, в моей жизни так много «скелетов», что на всех и шкафов не хватит! Мне так много надо тебе сказать! Про судебную тяжбу с теми, кого считала братьями и о.., – она прислушалась, мягко улыбнулась. – Да... я сейчас подъеду. Конечно же, найду... ты хорошо объяснил мне дорогу.

Джеф ждал её под большим зонтиком у ступенек своего моторхоума, в городке на берегу океана. Это был один из самых дорогих домов на колесах, с санузлом, душем, спальней и кухонькой. Он раздвигался в обе

стороны и получалось довольно большое пространство, к тому же дом находился на специальной стоянке, где можно было подключить свет и воду. Пожилые люди часто покупают такие дома и путешествуют по стране. Платят аренду за стоянку, интернет и телефон. Поживут несколько месяцев в одном штате, потом перебираются в другой, – современный, комфортный способ кочевой жизни. Рассвет встретят в Техасе, а закат на пляже в Калифорнии.

А дом ему достался в наследство от отца. Джеф рос в хорошей и дружной семье, с десяти лет помогал отцу в офисе, младшая сестра и брат до сих пор работают в семейной фирме по поставке и хранению свежих овощей, огромные овощехранилища приносят постоянный доход.

Но после смерти отца сестра как-то проговорила, что отец-то Джефу был не родным, а отчимом. Для Джефа это был большой удар, полуночный разговор с матерью он запомнил надолго, но потом со временем успокоился. Какая разница, кто тебя зачал, – главное, кто тебя воспитывал и любил. Всё детство и юность отец был другом, научил водить машину, гонял с парнем мотоциклы, ходил с ним на рыбалку.

Однако, этот случай будто расколол семью на две половины, и к матери Джеф приходил, только когда она была одна, и он знал, что не встретит ни сводной сестры, ни брата. Отказался от своей доли в бизнесе, нанялся шофёром такси и жил по принципу: счастье – это лишь собственное ощущение, просто особое состояние ума; радость даётся человеку изначально, а проблемы налетают и улетают, как облака, и решать их надо по мере возникновения. У психологов это называется что-то вроде «позитивного подхода к жизни».

Звёзд с неба Джеф хватать не собирался, знал: однажды звезда сама упадёт на ладонь. На что он надеялся, никто не мог понять. Мать постоянно упрекала, удивлялась, что нет у него никакого интереса к образованию и карьере, а Джеф лишь отмахивался, или, заглядывая ей прямо в глаза, успокаивал: «Подожди, всему своё время...», – так обычно заканчивались их дебаты.

Джеф открыл дверь машины и, прикрывая зонтом Каролин, помог перебраться через лужи к ступенькам дома. Каролин вошла и увидела на столе зажжённые свечи и лёгкие закуски. Она только взглянула на него – на немой вопрос мужчина кивнул головой и пробубнил смущённо:

– Ничего особенного, просто хотел тебя угостить ужином. Я сам готовлю стэйк и мариную мясо по-особому, когда-то ещё в юности специальный соус придумал.

– Значит, ты ждал меня...

– Каролин, ну зачем же так... Снимай куртку, и мы будем есть. Всё готово, – только вино открыть, если ты хочешь, конечно.

– У меня такой тяжёлый день сегодня, и я голодная, как волк, с самого утра ни крошки во рту!

– Вот и хорошо, садись к столу.

– А у тебя здесь уютно и тепло, – оглядывая комнату, сказала Каролин.

Поначалу оба чувствовали себя скованно и стеснялись лишний раз посмотреть друг на друга. Но после бокала вина и вкусного стэйка, разговор сам собой зашёл о детях Каролин и обо всей этой путанице с братьями.

Так она исповедовалась второй раз. Джеф слушал, не прерывая, только иногда стискивал зубы или двигал желваками. В какой-то момент заметил, как пряди её волнистых волос пали на лоб, а Каролин пыталась их убрать, но они не слушались. И тут мысль осенила Джефа, и была она до чёртиков простой.

– Каролин, – осторожно сказал он, – я не могу тебе помочь ни большими деньгами, ни умными советами. Я могу предложить тебе только этот дом. Ради Бога, не смотри на меня такими испуганными глазами. Разве ты сама не понимаешь, что надо снять с себя всю эту чертовщину прошлого и развязаться с братьями раз и навсегда? Начать новую жизнь. Отрубить всё, что тащит назад: в боль, неуверенность, тревогу. Продай дом, отдай деньги братьям, и серебряные ложки, и что там ещё? Неважно. Переезжай с детьми ко мне в вагончик, – места хватит. Вот, этот стол складывается и выдвигается кровать – здесь дочь устроится...

От волнения мужчина встал во весь рост и показал ещё на одну полку, над водителем сидением.

– А это – спальное место для Питера, тут ему будет удобно, и окошко есть. А там, – указав в конец коридора, Джеф поперхнулся, потом, откашлявшись, твёрдо сказал, – большая спальня, отдельная и...

– И... – тихо, с затаённым страхом попыталась что-то сказать Каролин, но остановилась.

– Там будет твоя комната. Я могу брать ночные заказы, за них больше платят, а днём отсыпаться.

– Я не понимаю... Ты что, наивный..., – перепугавшись от такого предложения, пробормотала гостя.

– Хочешь сказать – дурак. Нет, просто помощь предлагаю. И мне за это ничего не надо! – сказал он.

В её глазах что-то изменилось, он вглядывался – можно было утонуть в её потемневших зрачках!

– Пошли, поплаваем под дождем, – неожиданно предложила Каролин.

– Женщина! Как долго ты будешь увливать! – строгим полушутливым тоном ответил он. – Мы не пойдём плавать в такую погоду. Не хочешь переезжать сюда – так и скажи.

– Хочу. Правда, хочу, но... не могу.

– Так. Только без слёз. Поехали к детям. Они ведь уже дома? Или нет?

– Дома. Да, Джеф, они – дома.

– С ними поговорим, и вместе решать будем, договорились? Сегодня и переберётесь сюда, – настоятельно продолжал он.

– Хорошо. Поехали. Но ничего доброго от моих детей мы не услышим. Начнут вопить, ругаться. Так что имей это в виду, – поднимаясь из-за стола, говорила на ходу Каролин, – не понимаю, почему я тебя слушаю, почему поддаюсь на твои э-э...провокации!

– Подожди, я заверну остатки мяса, возьмём с собой, – суетился Джеф.

Она смотрела, как ловко заворачивал в фольгу продукты тот, кому Каролин поверила. Не так много времени они были знакомы, но уверенность Джефа придавала ей силы и чувство защищённости.

Пока они добирались до дома, Джеф упросил Каролин позвонить адвокату. Как ни странно, в конце рабочего дня тот оказался на месте и очень обрадовался. Затянувшееся дело изрядно ему надоело, клиентка не платила, и вот появилась надежда, что внутрисемейная дрязга наконец-то закончится! Каролин пообещала расплатиться за услуги, как только продаст дом. Но после разговора расстроилась. Четыре тысячи долларов – огромные для неё деньги, и она сомневалась,

что после уплаты налогов ещё что-то останется. Джеф немедленно созвонился со знакомым риэлтором и назначил ему встречу через три дня.

– Каролин, я его знаю много-много лет и договорюсь, чтобы он не брал с тебя проценты. А это две-три тысячи, и ты сможешь заплатить адвокату, – успокаивал он женщину.

Последующие события пронеслись как в кошмаре. Дети встретили предложение Джефа в штыки. Питер выскочил на улицу и в отчаянии бросился под дождь, начал кататься по земле и рвать на себе рубашку. Его невозможно было остановить, он хватал комья грязи, вырывал с корнем пожухлую траву и впихивал себе в рот, плевался этим месивом и истошно вопил:

– Все вы сволочи! Матери мужика надо, и поэтому она хочет меня лишить дома! Дьявол на вас всех!

Вместе с сестрой Питера мать и Джеф пытались поднять его, но он упирался, отбиваясь руками и ногами, ползал на коленках по лужам и орал, орал... Клубок тел метался по заднему двору. Струи дождя хлестали по лицу Каролин, её увещевания не помогали. Но вот Джеф накрепко зажал Питера между ног, оседлал его наподобие коня и громко свистнул. Питер замолк, насторожился и рухнул под тяжестью «наездника». Измученная мать обмякла, тут же села в жигу исковерканной лужайки, и, ломая руки, протяжно завывала. Её колени были ободраны, вся одежда заляпана, утирая слёзы, она оставляла грязно-зелёные полосы на щеках. К её вою добавлялись пронзительные крики дочери Кейлан:

– Мама, мама, ну зачем тебе всё это надо? Зачем?

Ошеломлённый таксист не поверил своим глазам. Он мог представить всё, что угодно, но только не такой исход событий. Внутри у него всё бурлило, он

не смотрел на Каролин, чувство вины смешалось со злостью на себя. Вскинув на плечо притворяющегося мертвецом Питера, мужчина внёс мальчишку в дом. Следом потянулись женщины. Джеф опустил Питера на стул, но тот сполз на пол. Каролин отирала сына мокрым полотенцем. Тот встрепенулся и неожиданно поцеловал её в лоб, вскочил на ноги и понёсся к себе в комнату. Через несколько секунд выскочил обратно чумазый, полуголый, в одних трусах. Он держал в руках старый телевизор. Напряжение и испуг читались на лицах присутствующих.

– Джеф, я готов, поехали!

– Питер, оденься! – пролепетала мать.

– А мне отсюда ничего не надо, только мой телевизор. Ой, кассету забыл! Мама, в зубы мне её дай! Я сам всё унесу.

Душа у Каролин съёживалась, как сожжённая бумага. Непредсказуемость поведения паренька стала невыносимой. В этот момент она ясно поняла, что сына ей не спасти.

Джеф вовремя сориентировался, вывел Питера во двор и усадил в машину. Вернулся и почти скомандовал:

– Давайте, собирайтесь, быстро, завтра будем разбираться.

Кейлан и Каролин хватали на ходу одежду, сумки...

В машине на всю мощность гудела печка, но Питеру это не помогало, он дрожал от холода и нервного напряжения. Каролин видела его худые плечи и кожу, покрытую синюшными пятнами. Он отказался накинуть куртку и говорил, говорил не умолкая о чертях, скелетах и прочей ерунде, выплескивал из воспалённого сознания сумасшедшие идеи на притихших попутчиков.

С глухим шумом автоматически раздвинулись стены мобильного дома, Джеф споро размещал новых домоладцев по полкам и диванам. Первым уложил Питера, накрыл тёплым одеялом, но грязные пятки парня так и остались свисать без единого движения. Мальчишка угнездил телевизор в изголовье и упёрся темечком в потухший экран. Отправить Каролин отдыхать в спальню оказалось не так-то просто. Она сидела и наблюдала за Питером. Наконец, с большими усилиями, Джефу удалось уговорить и её.

Кейлан лежала, поджав под себя ноги, отвернувшись к стенке, щёлкая кнопками мобила – играла в гонялки. К ней-то он и обратился шёпотом, с просьбой, если что-нибудь случится, немедленно позвонить ему по телефону.

С каким же облегчением он захлопнул дверь, сел в машину и, откинувшись на сидении, устало закрыл глаза. Его добрые намерения вызвали такую бучу, что он не мог разобраться в собственных чувствах, да и просто физически выбился из сил. Вскоре из машины донёлся мерный храп. Дождь к этому времени прекратился, и звёзды выступили жёлтыми невзрачными крапинками на высоком небосклоне.

А Каролин никак не могла уснуть и кляла себя, на чём свет стоит. «Закопала я свои несчастья, как бы не так! Глупости это всё. На роду мне написано страдать! С чего я поверила прорицательнице. За десять баксов решила судьбу поменять. Да чёрта с два её поменяешь!» – вертелись колесом навязчивые мысли.

Но, уже засыпая, в полудрёме она услышала голос негритянки: «Бутуругудиригатирухада, – жертву дай земле, она захлопнет свой рот и съест твои несчастья!».

«Поможет...» – тихо прохлопал крыльями набежавший сон, споткнулся о кудрявые волосы Каролин, всхлипнул на губах Питера и скатился на поддрагивающие ресницы молодой девушки.

Утро началось с суматохи. Питер стащил телевизор на пол и возился с проводами, пытаясь подключить к сети. Он кряхтел от натуги, ругался сквозь зубы, но так и не смог оживить экран. Выбрался наружу, прошлёпал через лужи, заглянул в окно автомобиля и тихо постучал. Спросонья Джеф дёрнулся и опрокинул голову на руль, нажав на гудок. Звук сигнала был оглушающий, – Джефа буквально выкинуло из машины. Питер от неожиданности зажал уши руками и присел. Через секунду показалась в дверях голова испуганной Каролин.

– Что случилось? – возбуждённо спросила она.

– Да ничего, – глухо ответил Джеф.

Вскоре телевизор был подключен, и Питер, жуя бутерброд, подсунутый матерью, внимательно смотрел любимый «кошмарик». Кейлан спешно проглотила завтрак и отправилась гулять по берегу океана, уехал и Джеф по заказам.

Каролин пыталась собраться с мыслями, но ничего толкового в голову не пришло. Она позвонила и отпросилась у хозяйки в краткосрочный отпуск, та не возражала, потому что и сама собиралась в командировку на неделю, так что у Каролин появился шанс отдохнуть.

В каком-то странном оцепенении прошло три дня. В тесном помещении никто особенно не разговаривал, обменивались лишь ничего не значащими словами. Каролин не ездила в город и по два раза в день ухо-

дила к океану. Питер пребывал в полулежачем состоянии, фортелей не выкидывал, а Кейлан вдруг захотелось читать детективы. Что касается хозяина дома, по утрам он возвращался с ночных заказов, спал до четырёх вечера, потом собирался и, сказав лишь слово «пока», опять отправлялся на работу.

Утром четвёртого дня состоялась встреча с риэлтором. В обширном кабинете с мебелью из красного дерева Каролин увидела низкорослого мужчину. Он вышел из-за стола и долго обнимался с Джефом. Подробно расспросил Каролин о её доме, узнав, по какому адресу находится строение, радостно вскрикнул:

– А вы очень удачливая дама! У меня есть клиент, который ищет жильё в этом районе. Понимаете, недалеко от вас – специализированная частная школа, и он хотел туда устроить детей, да и продуктовые магазины в двух шагах. Погодите, я ему сейчас позвоню. Если он согласится, когда вы сможете показать ему дом?

– Завтра... В любое удобное время, – спокойно ответила Каролин, хотя внутри у неё всё забурлило от слова «удачливая», пронзившего её насквозь, словно рапира. Потому что Каролин давно привыкла: она и удача – были несовместимыми понятиями, как ад и рай. А этот доселе незнакомый человек увидел в ней то, в чём Каролин себе всегда упорно отказывала. Хотя... может, пророчество начало работать? Ещё больше удивила приблизительная оценка стоимости дома. Сумма была неправдоподобной, и женщина скептически покачала головой.

Каково же было её удивление, когда на следующее утро покупатели явились точно в назначенный час, осмотрели комнаты и тут же предложили на три тысячи долларов больше той суммы, о которой ей говорил риэлтор.

Молодая семья была готова въехать немедленно. В тот же день начали оформление бумаг, покупатели платили наличными – неслыханное везение для Каролин, ведь обычно люди на покупку жилья берут кредит. Но эти оказались русские, жена владела большой компанией в Москве, а муж был программист и работал над крупным проектом в американской авиационной компании.

Когда через неделю Каролин отдавала им ключи от дома, Наташа и Николай Ганины пригласили её и Джефа в ближайшую субботу на новоселье.

Она не узнала своего бывшего дома. За несколько дней здесь провели ремонт, завезли кожаную мебель. Новые хозяева радушно их встретили, провели в столовую, где был уже накрыт обильный стол. Впервые Каролин пробовала пельмени и пила не разведённую водку. Обе пары хохотали от души, будто старые друзья, шутили и слушали, как играла на пианино младшая дочка русских. К концу вечера Каролин сказала Наташе, что у неё есть знакомая в России, в Уфе, и зовут её Мариям, и что они переписываются, но друг друга никогда не видели.

– Уфа – далековато от Москвы. Но в апреле я еду обратно в Россию и, если хотите, могу передать вашей подруге посылку, – предложила Наташа.

Поздним вечером, по дороге домой, Джеф ревниво выпрашивал у Каролин о Мариям: как давно да почему они переписываются. Каролин в ответ только смеялась, но охотно рассказывала о далёкой подруге. И тут же посетовала, что от той давно нет известий.

Её рука инстинктивно потянулась к затылку мужчины, чей профиль иногда освещался фарами встречных машин. Она осторожно перебирала его волосы, поглаживала и говорила о русских, которые совершенно

чудные люди, и, наверное, очень много их приезжает работать и жить в Америку. От её прикосновений у Джефа бежали мурашки по всему телу. Возникшее желание любви неслось огненной струёй, било в голову, настойчиво стучало в висках. Её ласки становились упорнее, она расстегнула рубашку и поцеловала загорелую кожу, пощипывая его волосы на груди.

Он понял, что просто хочет её опрокинуть, войти в неё, слиться в порыве страсти и исчезнуть. Когда Каролин совсем осмелела, а Джеф чуть не врезался во встречный трафик, он резко свернул с полосы, буквально вlepил машину в придорожные кусты, в секунду откинул кресла, сдёрнул с неё джинсы и погрузился в неистовство любовного хмеля. Огонь вожделения распался всё больше и больше, и, казалось, продлится вечность. Каждой клеткой тела он ощущал её нетронутое девичество, хотя она и была матерью двух взрослых детей. В то же время изошрённость Каролин в любовных утехах изумляла, наполняла душу восторгом, заставляла его естество вибрировать с неудержимой силой. Он впивался в неё поцелуями, обнимал и не верил собственному счастью.

Одновременный вскрик любовников апофеозом восторга вознёсся к небу, постепенно затихая, скатился медленно к Земле, метнулся по затуманенному лобовому стеклу автомобиля и окончательно замер на воспалённых губах в тихом шелесте учащённого дыхания.

– Боже мой... Боже мой!! – она плакала и смеялась одновременно, сжимала его запястья.

Он остался с Каролин в доме на колёсах. Они проскользнули вовнутрь, словно мыши, и, зарывшись под одеяло, ещё долго шептались.

Дни бежали «солнечными зайчиками», так показалось Каролин. Иногда накрапывал дождь, но вся жизнь наполнилась внутренним светом. Она не замечала укоризненных взглядов дочери, недоумённых вопросов сына. Каролин провожала и встречала любимого, погружалась в его глаза, смеялась, баловалась, кокетничала, твердила, что родилась заново.

Джеф помог уладить дела с психиатрической больницей и социальным пособием для Питера. Без боя и криков увезли его в клинику.

А Кейлан купили билет в Бостон и отправили к бывшим падчерицам. Те обещали Каролин присмотреть за сводной сестрой и устроить её на работу.

С каким удовольствием она подписывала чек адвокату! И попросила, чтобы на суде он присутствовал один, без неё. Получив, наконец-то, компенсацию, тот обрадовался, и смог полюбовно договориться с братьями Каролин. Она взгрустнула, когда в последний раз трогала отцовские серебряные ложки; вспомнила, как по праздникам мать вынимала их и бережно клала на обеденный стол.

За две недели Каролин расчистила Авгиевы конюшни своей жизни. Она осталась вдвоём с Джефом в мобильном доме на берегу океана. В голосе появились звонкие и весёлые нотки, глаза блестели. Иногда она спохватывалась и думала, что ей полагается скучать по сыну и дочери. В самом деле, она по ним скучала, иногда тревожилась, но без щемящей боли, без страха и душевной горечи.

Пора было возвращаться на работу, и Каролин поняла, что ей совсем не хочется заниматься уборкой чужих комнат, готовить и исполнять поручения хозяйки. Совет Джефа был простым: бросить нелюбимое

дело и найти что-нибудь более интересное. Легко ему говорить, но как заработать на жизнь, ведь сидеть на его иждивении она не сможет!

В один из выходных дней они пригласили Ганиных в гости на барбекю. Вечер выдался тёплым, мужчины разжигали гриль, возились с мясом, откупоривали пиво и разбирались с очередными политическими событиями. Что и говорить, когда мужской пол решает мировые проблемы, для женщин лучший выход – не вмешиваться. Наташа и Каролин, оставив детей Ганиных и ужин на попечение мироустроителей, тихонько брели по берегу океана, наслаждаясь лёгкими порывами вечернего бриза и лучами заходящего солнца. Наташа оживилась, когда узнала, что её новая знакомая когда-то посещала курсы секретарш и даже работала несколько месяцев в приёмной адвокатской конторы, но не смогла остаться там из-за приставаний босса.

И тут Наташа пригласила Каролин к себе в ассистенты. Нанимать в домашний офис незнакомых людей не хотелось, Ганины никого толком не знали в городке, а Каролин могла и за малышами присмотреть, и при случае подбросить их в школу.

Наталья рассказала Каролин об обязанностях секретаря, о бизнесе, контрактах и поставках, которые необходимо будет организовывать и контролировать. Согласие вырвалось у Каролин так непроизвольно, что она даже смутилась, а Наташа от души рассмеялась:

– Не переживай, мы сработаемся, будет весело. Ты знаешь, Каролин, мне нравится в Калифорнии. Я была во многих странах по работе, и мы очень много с Николаем путешествовали. Правда, нам не удалось ещё съездить в Мексику, а очень хотелось бы, мы с мужем интересуемся культурой индейцев майя и ацтеков.

Особенно захватывает, когда читаешь о кровавых жертвоприношениях. Стольких людей приносили в жертву! Таинственная и странная цивилизация. Представляешь, у этих племен даже цари и царицы должны были приносить в жертву свою кровь. Цари протыкали себе пенис, а их жены язык, потом продергивали специальную, освященную сакральную веревочку, и кровь стекала по ней. Ритуал означал, что и сильные мира сего через боль и кровь обращались к богам за помощью для народа. Ты когда-нибудь бывала на развалинах храмов?

– Нет, не пришлось. Но можно поехать в круиз, если вы хотите посмотреть. Сначала долететь до Флориды, а от Тампы до Мексики рукой подать. На теплоходе три дня в открытом океане, а потом можно на экскурсии съездить и даже поплавать с дельфинами!

Запах барбекю соблазнительно манил, и женщины вернулись к разожжённому костру и приготовленному ужину.

За весь вечер Каролин не обронила о своей новой работе ни одного слова. И только когда распрощались с гостями, потянула Джефа к воде и, стоя лицом к безбрежному океану, сообщила ему, что получила приглашение.

– Зарплата – приличная, и вообще я удач-ли-ва-я! – вдруг громко с растяжкой выкрикнула она вдаль.

– Видишь, а ты не верила, что можно всё в жизни изменить, – обнимая её, ответил Джеф, – вот ещё выйдешь за меня замуж, и совсем всё будет отлично!

– Замуж? Это что же, предложение или шутка? – ошеломлённо посмотрела на него Каролин.

– Ничего не шутка. Я всерьёз. Выйдешь за меня? – упорно продолжал он.

– Хм... Выйду. Но...

– А... я понял, – и Джеф опустился на одно колено прямо на мокрый песок, обхватил её ноги и повторил, – Каролин, выходи за меня замуж, я тебя буду любить до последнего своего часа.

В ту ночь она не могла долго уснуть и всё повторяла про себя: «Я удачливая. Всё хорошо... Жить хорошо... Я заслужила хоть немного счастья».

Во сне Джеф ворочался, она его гладила, смотрела на него, потом зарывалась лицом в подушку: «Только бы не сглазить, только бы сохранить». Заставляла себя верить: счастье – возможно!

С утра Джеф заставил её собраться и поехать к его матери.

– Каролин, для меня очень важно, чтобы моя мать нас благословила. Она тебе понравится. Она у меня очень добрая.

Каролин заволновалась, будто школьница на выпускных экзаменах. Причёска никак не получалась, волосы не хотели лежать в пучке, она рассердилась и оставила их распущенными по плечам. Подкрашивая ресницы, умудрилась попасть тушью прямо в глаз, отчего там сильно зашипало.

– Да что ж ты так разволновалась? – забеспокоился Джеф. – Главное, чувствуй себя комфортно. Надевай джинсы, майку и не накладывай много косметики. Ты красивая и без неё.

– Не трогай меня, уйди, сама разберусь, – у Каролин кривились губы и, сквозь слёзы, она грозила ему пальцем.

Мать Джефа они нашли в палисаднике. Она подрезала розы и что-то тихонько напевала.

– Мам, привет! Смотри, кого я тебе привёл. Это Каролин. Моя будущая жена.

От неожиданности старая женщина охнула, потом справилась с собой и, мило улыбаясь, пошла навстречу будущей невестке. Зря беспокоилась Каролин: Магда – так звали мать Джефа, – приняла её по-доброму, завела в дом, предложила завтрак. За утренним кофе они решили втроем, что церемонию венчания проведут в саду у Магды, а на торжество пригласят только самых близких родственников и друзей. День свадьбы назначили через месяц, в апреле.

Остаток дня Каролин была одна, будущий супруг уехал по вызову, а она, усевшись на ступеньки дома, задумалась. Было о чём, ей предстоял разговор с дочерью и сыном. Набрав номер телефона Бостонской квартиры, где остановилась Кейлан, запинаясь от волнения, она сообщила новость дочери. В ответ слышалось хмыканье, а потом скупые слова поздравлений. Каролин не стала вдаваться в подробности и быстро прервала разговор.

Удивительно, но Питер воспринял её замужество с каким-то детским восторгом и взрывом радостной болтовни, потом замолк и очень серьёзно сказал:

– Мам... ты живи... Мы уже выросли. Только иногда приезжай ко мне. Ну, хоть раз в год.

Чувство страшной вины перед сыном охватило Каролин, слёзы покатались по щекам, и несчастная мать вдруг почувствовала, что ей не удастся быть по-настоящему счастливой при неизлечимо больном сыне.

– Сынок, прости меня, прости. Ты же будешь в больнице только три месяца, а не год. Я обязательно приеду. Прости...

Питер успокаивал её, а потом вдруг заорал:

– Да прекрати ты реветь! У меня своя жизнь, хоть и в психушке, а у тебя своя. Я ведь тебя люблю, мама, – и отключил телефон.

До самого вечера Каролин не находила себе места, мучилась сомнениями - всё ли правильно она делает? Зашла в туалетную комнату, посмотрела в зеркало, полоска света из коридора исказила очертания лица, и в собственном отражении она на миг увидела негритянку-оракула. Охнула от неожиданности и включила свет. «Пророчество сбывается...», – подумала она и прошептала:

– Буту-ругуди... Мг... Буту-шмуту. Бла... бла... бла...
Не запомнишь... Завтра поеду и как следует, намертво, затрамбую жертвенное место.

Глава тринадцатая

КАТЕРИНА

Воскресное утро выдалось на редкость солнечным и радостным. Катерина напекла целую горку оладьев и накрыла стол для завтрака. Вся семья была в сборе, и даже Алёшка украдкой улыбался чему-то, поглощая один за другим, хрустящие по краям, оладушки. Иван Семёнович потягивал кофе, разговаривал с Димкой о грядущих экзаменах в школе и искоса наблюдал за женой. Катя раскраснелась и сияла от удовольствия. «Как хорошо, как мирно и покойно», – думала женщина, подкладывая очередную порцию мужу.

– А Катерина Владимировна будет спецкором от Москвы на нашем телевидении, – вдруг сказал Иван.

– Правда? – с полным ртом изумлённо буркнул Алёшка.

– Ой, ну зачем же ты секреты выдаёшь, – Катерина укоризненно посмотрела на мужа.

– Ну, какой это секрет?! Ты ведь собираешься в столицу на следующей неделе, значит, дело решённое, – с гордостью в голосе продолжал Иван Семенович.

– А вы собственную передачу делать будете или новости освещать? – с любопытством спросил Димка.

– Это будет моя передача. Я ещё только её разработаю, нет... я думаю, о чем она должна быть.

– А..., – протянул Димка.

– Зато вчера мне из Москвы прислали мини-камеру для ноутбука, чтобы я могла общаться с главным редактором и присутствовать на заседаниях в реальном времени. Но я не знаю, как её подключить.

– О, вот здорово! Так вы через «Скуре» станете работать? – заинтересовался Димка.

– Дима, по-моему, ты больше меня знаешь.

– А что, разве в вашем ноутбуке не было встроенной камеры? А, все понятно, он у вас старый, хотя... знаете, у меня тоже доисторический. На камеру посмотреть можно?

– Я ещё её не распаковывала... Но хоть сейчас могу показать, а моему компьютеру всего-то три года, – ответила Катерина.

– Катя, а Димка у нас в электронике дока, – многозначительно вставил Иван, – думаю, сможет тебе и камеру подключить, и программу закачать.

От похвалы отца Димка нервно передёрнул плечами и кивнул головой.

– Ну, могу.

Вдвоём с Катериной они отправились в гостиную. Иван остался с младшим сыном на кухне. В возникшей тишине оба напряглись. Молчание становилось всё более плотным, будто сгущались невидимые розовые облака. Иван Семёнович, нахмутив брови, не спеша собирал грязные тарелки и складывал их в каретки посудомоечной машины.

Первым не выдержал Лёшка.

– Пап, когда мы уезжаем?

– Во вторник, – строго ответил отец.

– И сколько я там пробуду? – вдруг с напором спросил Алёшка.

– Сынок... столько, сколько понадобится для восстановления, для полной реабилитации.

Мальчишка вскочил со стула, возмущённо заявил, что ломка закончилась, и он себя чувствует хорошо, никуда его отправлять не надо, все эти лечебницы ни к чему, «чушь собачья», дорого стоят – сам бы справился.

Иван Семенович дал сыну выговориться, понимая – это естественная самозащита. Непросто уяснить необ-

ходимость лечения, принять её и бороться с опасным недугом всеми возможными способами. Как же Ивану хотелось по-старинке отшлёпать пацана, надавать тумаков, наорать, отвести душу, а потом наговорить кучу правильных слов. Снять бы ремень и пройтись по спине, оставляя шрамы на всю оставшуюся Лёшкину жизнь! Но он сдержался – теперь не помогут ни порка, ни внушения. Поздно. Жалость и любовь толкнули его подойти поближе, обнять сына. У Алёшки на глазах выступили слезы.

– Папа, я боюсь.

Иван вздохнул, потрепал сына по волосам и прижал к себе ещё плотнее.

– Не надо бояться. За тобой присмотрят верные люди. Не переживай, лучше иди, посмотри, чем наши там занимаются. Слышишь, смеются... Может, чем помочь надо... Иди, иди.

Алёшка смахнул слёзы и послушно засеменял в сторону гостиной.

Димка был в ударе и командовал Катериной как девчонкой: то кабель подайте, то отойдите и не мешайте, то инструкция где-то завалилась – поищите... Про него друзья говорили, что он программист чуть не с пелёнок, парень легко и просто разбирался с любыми компьютерами, он чувствовал их и понимал.

Младший брат устроился подле него на ковре и наблюдал, как старший уверенно прилаживал камеру на край монитора, загружал программу. Потом долго перепирался с мачехой о паролях – она придумывала самые простые, с использованием своего имени, даты рождения, названий зверей, а ему хотелось секретных, сложных и замысловатых. Наконец, оба одобрили «стол386мой», и покатывались со смеху. Алёшка тоже хохотал от души и вдруг заикался. Все трое разра-

зились таким гоготом, что Иван Семёнович выглянул из кухни. Подошёл к ним и долго не мог сообразить, что случилось. Вспышка веселья закончилась «кучей малой» с метанием диванных подушек.

Успокоившись, Димка попросил Катерину созвониться с редакторшей, чтобы проверить, удачно ли настроена связь. Катя удивилась, когда через несколько минут увидела Елизавету Лизарову собственной персоной на экране компьютера.

– Катюша, привет, – слова слышались с лёгким эхом, – это что же, вся твоя семья? – тут же поинтересовалась Лизка-подлизка.

– Лиза! Ну и техника! Невероятно! Да... вот мой муж. Ну, подойди же поближе, Иван, вот камера, сюда смотри! А это, – Катя отодвинула его в сторону, – Алёша и Дима... его сыновья.

Обменявшись приветствиями, Лизарова тут же перешла к делу. Объяснила, что с помощью такой связи Катя сможет свободно обговаривать с ней текущие проблемы и брать через Интернет интервью для передачи. И дешевле обойдётся, так как платить надо только Интернет-провайдеру, а не за телефонные переговоры, и меньше в командировках мотаться. Естественно, публика будет, в основном, из крупных городов.

– Кстати, Катя, а у меня уже есть один о-о-чень любопытный молодой человек для твоей программы. Записывай... Зовёт себя ни много, ни мало - Василий Второй! Даже, может, сегодня удастся с ним переговорить, он словоохотливый. Ну, пока, до следующего сеанса. Жду тебя в четверг! – и Елизавета отключилась.

До самого ужина братья соединялись, с кем могли, болтали со знакомыми ребятами о всякой ерунде, забавляясь новой «игрушкой», позируя перед вебфоном Катиного лэптопа.

Поздно вечером Катерина, набравшись храбрости, сама вошла в программу поиска и увидела логин: «Василий Второй Пофигист».

Она нажала кнопку, звонок ушёл в виртуальное пространство, где любой человек мог скрыться за придуманной личиной: символом, «аватаром», слоганом.

Катя с напряжением всматривалась в гладь монитора. Через несколько секунд увидела лицо вихрастого парня.

– Приветствую!

– Здравствуйте, меня зовут...э, – Катерина приостановилась, глубоко вздохнула, но не успела продолжить, как с экрана донеслось:

– Мне о вас сказала тётя Лиза, и я ждал звонка. Задавайте ваши вопросы!

Катя кивнула головой в знак согласия и перепугалась: одно дело общаться с человеком с глазу на глаз, и другое, когда лицо – вот оно, близко, но человека не чувствуешь. Тем не менее, вопрос о семейных отношениях устремился по кабелям к Василию.

– А... ну, с этим просто. Но сначала я кое-что вам покажу.

Катя увидела крупным планом его руку, изображение пошатнулось, задёргалось, и камера поплыла. Как только картинка прояснилась, начался виртуальный тур в жилище Василия.

Огромная зала, видимо, первого этажа дома, выложена итальянским мрамором. По всему полу, с высочайшим мастерством, среди лёгкого тумана зеленоватого мраморного фона, гнездились знаки зодиака в полтора метра, выполненные в более тёмных тонах.

– Да, астрологические знаки каждого члена семьи, включая бабу Агрипину, бывшую учительницу географии в обычной московской школе, и деда – меха-

ника автозавода Лихачёва, – слышался за кадром голос парня.

Гигантские окна закрываются портьерами, которые Агрипина шила собственноручно вместе с пятью домработницами по выкройкам из иностранного журнала. Вот ведь, старая, жалела денег и маялась два месяца с шитьём, но мощная закалка прежних, ещё советских, времён не давала ей покоя, и сколько папаня ни уговаривал её, она пыталась сэкономить, – корчилась до боли в пояснице и напрягала полуслепые глаза.

Камера дёрнулась опять, на экране появились ноги в домашних тапочках, а затем лицо Василия.

– Бабкины непосредственные подчинённые – пять домработниц и управляющий дома. По утрам она даёт задания на день каждому члену своего «эскадрона», как зовёт эту толпу дед Владимир Карпыч, и ходит за ними по пятам, указывает на недоделки. «Эскадрон» тихо терпит, как и велит хозяин, то есть мой родной папаша.

Дед шебутной, не хуже бабки, всё что-то строгают и чинит в мастерской на окраине наших гектаров. Помнится, в детстве, увидев на столе зажаренного карпа, я расхохотался: рыбы глаза здорово напоминали дедовские, с тех пор я зову деда Карпулей.

Как же меня угораздило родиться в нашей семье! Бабка с детства пыталась втемяшить мне: «Всё от Бога!», в церковь таскала, елеем мазала, пока маман не подняла крик, зачем дитя губить, ещё аллергию на запахи подхватит. С тех пор только по великим праздникам ходим в церковь! Свою! Маманя настояла построить, чтобы с общей толпой поклонов не бить...

Да, я – второй после папочки, и первый на наследство, но мне – по фиг! Не... мне вообще всё – по фиг. В детстве хоть интересно было в электронные игры

играть. Да и сейчас иногда балуюсь с «ВИ», игра такая, пульт в руке словно ракетка, как будто в теннис играешь, приходится прыгать, чтобы подачу отбить. Я игру приспособил под физкультуру, а то достали личные тренеры, продыха нет.

Всё надоело! Мне восемнадцать с половиной лет. Сколько себя помню – веду себя правильно. Всегда кто-то смотрит и дышит за моей спиной. С пелёнок: «Василёк, сиди прямо, держи нож с вилкой, как следует, учи языки». Зубрил уроки, три языка выучил! «Будь прилежным – тебе всю отцовскую империю в руках держать! Будущее – вот оно, не за горами!». Страшно слушать – будто отец помрёт завтра!

А я не готов. И мне – по фиг эта империя! А умную голову всегда нанять можно – вон их сколько по улицам шастает, кризис на дворе – выбирай, не хочу.

Катя кивала головой, не успевая вставлять наводящие вопросы, да и не было надобности, Василий любовался собой и гордился собственной позицией. «У парня нет необходимости зарабатывать на хлеб и крышу над головой. Он – представитель нового поколения золотой молодёжи. Но ему скучно... Да, ему просто скучно», – подумала она.

– Кресло, в котором сижу, стоит прямо на моём знаке – Весы. По одну сторону – чаша, и по другую – чаша. И жизнь моя – под символическим лозунгом: «Взвесь всё! Решение принимай потом». А мне – по фиг! За меня родителями давно всё решено: друзья, школа, университет, шмотки. Ну, кроме, может, каникул – с шестнадцати лет я сам выбираю, куда поехать.

Тоска...

Колокольчик через минуту зазвонит – ужин готов. Поглощение пищи – в гордом одиночестве: мать на

светских посиделках, отец в зарубежной поездке. Бабка с дедом с некоторого времени за большой стол перестали садиться, а я как бы обязан: «Так положено в хороших домах!» – шипит в ушах мамашин голос.

Столовая - как зал заседаний. Я всегда напротив отца сижу, когда он дома бывает. Метра три между нами. Забавно, порой подслушаешь, как он рассказывает кому-нибудь по телефону, какие мы с ним друзья - со смеху помрёшь. На всю жизнь запомнил единственный с ним поход в зоопарк под присмотром телохранителей. И отцовские нервные окрики: не лезь туда, не ходи сюда.

Иногда Василий Первый вызывает к себе в библиотеку – всё поучает меня. И мать в своём будуаре тоже принимается мне нотации читать.

А где же любовь в семье? Мы – одна фамилия, а вот любят ли меня родители? А я их? Я существую в ареале их влияния. Хотя деда я уважаю, это точно. И бабуля – молодец, она меня никогда не ругает, больше жалеет.

Внезапно по ту сторону экрана раздался звон колокольчика.

– Ну, всё. Пора на ужин. Приятно было познакомиться. А как ваша фамилия?

– Рыкова-Орлова... Екатерина Владимировна.

– Правильная фамилия, двойная, да... солидно. Чао.

Ошеломлённая Катерина откинулась в кресле и никак не могла отвести глаз от компьютера. Сеанс связи закончился.

«Неужели такое возможно?! Какая откровенность... Какое неосознанное чванство. Недоросль. Просто классика».

– Да, типаж... – вдруг услышала она.

Повернула голову. Алёшка со своим лэптопом на коленках сидел в темноте на ступеньках лестницы, ведущей в гостиную со второго этажа.

– Ты слышал? – спросила его Катя.

– Я его трепотню не только напечатал, но ещё и записал – не всё, но большую часть. Так что теперь у вас есть еще и аудиофайл, потом перегоню на диск.

– Спасибо, Алексей.

– А вы ещё с кем-нибудь созвонитесь, давайте поэкспериментируем!

– Думаешь, стоит? С этим Василием договоренность была, а наобум звонить... даже не знаю, – задумчиво ответила Катя.

– В худшем случае – обматерят, в лучшем – что-нибудь расскажут, – настаивал Алёша.

Он спустился к Катерине и показал записи.

– Замечательно! – похвалила она. – Слушай, может, ты мне помогать будешь? Вот вернёшься, и мы вдвоём начнём материал собирать.

– Да когда я вернусь? – вздохнул мальчик.

– Скоро... А я пока в Москву поеду. У меня старший сын Борис жениться собрался, к свадьбе надо готовиться и с новыми родственниками встретиться. Попутно зайду в Останкино контракт подписать – в общем, дел много. А к тому времени и ты появишься.

– Ну... наверное. Давайте ещё интервью возьмем. Хотите, я сам подключусь?

Катя молча согласилась, отодвинулась вместе с креслом от стола, Алёшка подтащил стул и, неуклюже пристроившись на нём, забарабанил по клавиатуре. «Какая скорость набора! – удивилась Катерина. – Может, после клиники совсем в себя придёт, и тогда я смогу его привлечь к работе, талант у него есть, опыта рядом со мной наберётся. И получится из него отличный журналист. Три года пройдут незаметно, школу закончит, в университет поступит...»

У Алёшки не получалось соединиться с разными юзерами скайпа, звонок безуспешно пытался пробиться через виртуальное пространство, но наткнулся на молчание в сети.

– Ну что они там все, вымерли, что ли? – бурчал он себе под нос.

– Знаешь, уже поздно, – бодрым голосом сказала Катерина.

– Это у нас поздно, а в столице ещё не вечер, в Европе...

– В Европе раннее утро.

– А во Владивостоке? Тоже утро или ночь? – повернулся он к ней.

– Думаю, на сегодня хватит, завтра ещё раз попробуем, – ответила Катя, – пора спать.

Алёшка уныло встал, захватив свой компьютер, направился к лестнице, потом остановился.

– Екатерина Владимировна, я хотел спросить... А вы могли бы с отцом поговорить, ...ну ...чтобы он меня не увозил. Я... в порядке. Я не хочу ехать.

Катерина насторожилась. В просьбе мальчишки сквозила боль. Она стала объяснять, что с клиникой есть договорённость, врачи хорошие и беспокоиться не надо. Но Алёшка с упорством отстаивал свою свободу, уговаривал, доказывал... И Катя сдалась. Купилась на его «честное слово». Понимала ли в тот момент, какую ответственность брала на себя? Поддалась внутреннему импульсу, который твердил ей: «Алёшка справится». Интуиция женщины и матери двух взрослых сыновей подсказывала: можно обойтись без лечения, ведь парень и без того сидел взаперти, как в тюрьме, почти месяц; ломка была тяжёлой, но он выдержал, значит – стойкий, есть характер.

Катерина пообещала поговорить с Иваном, а когда распрощалась с пасынком, выключила свет и поднялась в спальню, струхнула. Ведь сама же заставляла Ивана договариваться с клиникой, столько сил потратила, чтоб муж согласился, а теперь ей надо убедить его в обратном. От полного отчаяния и беспомощности её бросило в жар. Она измучила себя сомнениями и в ту ночь долго не могла заснуть. Рано утром Иван не стал её будить.

Днём она позвонила мужу на работу. К её изумлению, тот с видимым облегчением согласился, только спросил, насколько она уверена в правильности такого решения.

– Знаешь, дорогой, в конце концов, мы парня всегда можем отправить на лечение. Пусть возвращается в школу.

– Тогда я завтра же вылетаю в командировку, – по-деловому ответил муж.

– Постой, я в четверг еду в Москву, а как же дети? Одни останутся? – заволновалась Катерина.

– Да... я с их матерью договорюсь, не переживай.

Лёшка воспринял новость, как маленький ребёнок, скакал от радости по комнате, обнял Катерину, а та смотрела на него и думала: «Кажется, я попалась... Вдруг он сорвётся, тогда вся вина будет на мне... Ну, теперь уж – что будет, то и будет!»

Два последующих дня она наблюдала за поведением паренька, спрашивала его после школы, как прошёл день, выучил ли уроки. Тот светился от счастья, рассказывал о всякой чепухе. Но главное, Катерина почувствовала, как между ними протянулась дружеская нить.

* * *

Москва встретила Катерину сильным ветром с колючим последним снегом. Весна запаздывала, увиливала, прикрывалась непогодой.

В аэропорту её ждал Борька со своей невестой. Светлана раскраснелась от смущения и протянула Катерине руку для приветствия, но будущая свекровь, не дав девушке опомниться, крепко прижала её к груди. «Уж если начинать новые отношения, то с открытой душой, – так думала ещё в самолете Катя и решила, что со снохой она будет обходиться, как с будущей матерью своих внуков. Какая разница, что девочка из богатой семьи, хоть и мы не бедные, но она любит Борьку».

– Мам, ты так хорошо выглядишь! Замужество пошло тебе на пользу, – развернул её сын к себе и расцеловал в обе щеки.

Катерина действительно привлекала взгляды окружающих. В белом пальто с бежевыми манжетами и яркой косынкой, небрежно повязанной вокруг шеи, с сияющими глазами, – ей, казалось, было не больше тридцати.

Через два с половиной часа они добрались до дачи Людмилы Аркадьевны. Ужин накрыли в большой столовой. Среди присутствующих, а их было человек десять, Катерина заметила молодую женщину с потухшими глазами и потемневшим лицом. Она представилась Кате. Экзотическое имя Мариям заинтриговало. Кто эта гостья и почему такая грустная? Катерина пристально наблюдала за ней. В общем потоке разговоров выяснилось, что Мариям делает эскизы для оформления свадебного зала.

Торжество намечалось пышное, с множеством приглашённых. Предварительные подсчёты затрат скла-

дывались в астрономическую сумму. К середине вечера, перед чаем, Катя не выдержала, отозвала сына в сторонку и предложила сыграть свадьбу не в ресторане, а на теплоходе, в круизе, в небольшом кругу родственников и друзей. Даже если оплатить всем билеты на самолет и путёвки, а Иван вполне сможет это сделать, то всё равно выйдет дешевле, а молодожёнам оставшиеся деньги можно положить в банк. Шутками, свадьба на четыреста человек!

Борька удивлённо посмотрел на мать, но идея ему понравилась. Вскоре все с жаром обсуждали, стоит ли менять планы и ехать в круиз.

Светлана резко оборвала все разговоры:

– Мам, я хочу свадьбу на теплоходе! Не хочу в Москве! Зачем делать, как у всех! Будет куча народа, к которому мы не имеем никакого отношения. Ну, я понимаю, тебе надо пригласить своих партнёров, а нам-то с Борисом они зачем? Пусть будет семья и близкие друзья. Свадьба и медовый месяц хм... неделя... в путешествии! Мне очень нравится! Мы регистрируемся, и сразу на самолёт.

Людмила Аркадьевна сопротивлялась напору дочери, пока Светка не разрыдалась в голос и не убежала в другую комнату. Мать устремилась за ней. За закрытой дверью были слышны крики и сдержанный голос хозяйки дома. Катерина расстроилась, ведь она стала причиной неразберихи. Борька, как мог, её утешал. Что и говорить: свадьба ли, похороны ли, но такие события всегда поднимают глубокую мусть семейных отношений, вскрывают застарелые гнойники невысказанных обид и личных претензий. Может, и хорошо, что дочь и мать покричат друг на друга, поплачут и успокоятся.

– Я так и не видел Светиноного отца. И благословение мы от него не получили, – тихо сказал на ухо Катерине Борька. – А её брат в рейсе, и сегодня не смог приехать. Света с самого утра расстроенная, и вообще хотела только в ЗАГСе зарегистрироваться, и не делать никакой свадьбы.

– Боря, делайте, как вам самим хочется, и ты извини меня за такое предложение. Не подумала я.

– Мама... А я своего папу нашёл. Он, возможно, приедет на бракосочетание.

Катерина задыхнулась. На неё внимательно смотрели глаза Бориса, в них стоял немой вопрос и вызов.

Катю захлестнула волна негодования и внезапное чувство, что её предадут, да... сын её предаёт. Где-то в животе полоснуло острой болью. Желание дать ему пощёчину и напомнить, как им тяжело жилось, и как его отец годами не интересовался сыновьями – пульсировало в висках. Тяжесть в голове навалилась внезапной болью, рвотный рефлекс сковал горло, и лишь усилием воли ей удалось совладать с собою. Повернувшись, Катя увела разговор в сторону, будто и не расслышала слов Борьки.

– Посмотри, люди расходятся. Иди, сынок, провожай гостей.

Он молча согласился.

Через некоторое время остались только Мариям, которая играла с Люськой в спальне девочки, Катя, Борис и домработница, спешно убравшая со стола. Голоса Людмилы Аркадьевны и Светланы постепенно утихли, но они так и не вышли из комнаты.

Люська обыгрывала Мариям в «дурака» в четвёртый раз. Прищулив глаза, она соображала, как бы оставить две шестёрки на «погоны» своей партнёрше. Мариям

наблюдала за ребёнком и двумя руками уже держала целую кипу карт. Сегодня ей не везло.

За последние дни Мариям пришла в себя и уже не плакала с утра до вечера. Спасибо Людмиле Аркадьевне, та загружала её сверх головы всякой чепухой, чуть ли не каждый день просила переделать эскизы и гоняла по магазинам и ателье с заказами к свадьбе. Главное – не досаждала разговорами.

Мариям глубоко вздохнула. Если круиз состоится, то проделанная ею работа пойдёт насмарку. Время потеряно зря. И тогда – зачем было приезжать в Москву?

Люська кидала одну козырную карту за другой, Мариям не отбивалась, а забирала, пока не услышала радостный крик девочки:

– А это вам на погоны!

Мариям отказалась продолжать игру и вышла в столовую. В этот момент Катерина как раз интересовалась у Бориса, где она будет ночевать: в гостинице или здесь, на даче. И, если в отеле, то успел ли сын заказать ей номер.

– Екатерина Владимировна, а вы можете ко мне поехать, если хотите, – внезапно сказала Мариям, – у меня просторная квартира, места хватит. Зачем выбрасывать деньги на отель, к тому же машина за мной приедет через двадцать минут... Ну, не захотите у меня остаться, то я вас подброшу, куда скажете.

– Спасибо, Мариям... а?

– Айдаровна... Я положу Люську спать, и мы поедem, а Борису, наверное, придётся с женщинами самому разбираться.

Внезапно раздался звук разбивающейся чашки, выскользнувшей из рук домработницы. Катя вздрогнула. Быстро обернувшись, увидела разлетающиеся осколки. Самый большой, с изящно изогнутой ручкой, до-

катился до её ног. Блеснула позолота. Катя наклонилась, чтобы поднять. На темно-синей поверхности осколка сверкнул отражённый свет люстры.

В доли секунды представила сцену: она принимает предложение Мариям без суеты, со словами благодарности.

А потом целое действо с диалогами, в духе бытового романа или из мексиканской мыльной теле-оперы, пронеслось в сознании, будто в другом времени и пространстве.

«Две женщины молча сидели на кухне в квартире у Мариям. Паутина разговора рвалась. Казалось, обе изо всех сил стараются его начать, но беседа не складывалась.

– Мариям, а у вас неуютно, зябко, – неожиданно сказала Катерина, и неуклюже вставила, – извините, – вырвалось. Что-то у меня сегодня всё неважно.

– А когда правда бывает «важно»? Вы можете мне сказать? Правда плетёт свои сети независимо от нас. Впрочем, верно и то, что «правда, она и есть правда, и каждый её знает». Да, у меня холодно. И дома, и в душе, – бесцветно закончила Мариям.

– А мне вдруг стало так одиноко и тошно... Вроде радоваться должна была бы... всё-таки у сына такое событие. А мне тошно, – с тоской в голосе ответила гостя.

– Хорошо, что вы будете у меня ночевать, а то страшно спать. Меня кошмары замучили. Знаете, ко мне во сне всё время старуха приходит, последний раз из темноты кричала мне, будто звала за собой, царапала в кровь лицо... а я её не слышала... Проснулась в холодном поту и всё пыталась вспомнить, о чём же она мне кричала. Несколько месяцев подряд приходит... Ужас. Я потом уснуть не могу.

Мариям встала и, сняв с плиты чайник, долила в чашки кипятку. Её лицо побледнело, и пальцы подрагивали от волнения.

– Но как только появится, – сплошные неприятности.

А как избавиться – я не знаю.

– Но... тогда это вещицы сны?! – полушёпотом спросила её Катерина.

Мариям внимательно посмотрела на женщину и, вздохнув, пробормотала:

– Выходит, что так.

И... словно плотина прорвалась: взхлёб Мариям выплёскивала трагедию своей жизни, рыдала в голос. Не заметила, как Катерина оказалась рядом, стала утирать ей слёзы бумажной салфеткой.

Мариям прильнула и обмякла на груди Катерины. С истинным сестринским участием, внезапно вспомнив о собственных недавних горестях, Орлова гладила её волосы и плакала, плакала вместе с ней.

Женщины, женщины! Как часто мы спасаем друг друга на обычной кухне. Спасаем от себя самих, от предательства, от обид, от случайных оплошностей, от собственной глупости. Рядом с преданной подругой, в присутствии родственной души омываемся слезами, чтобы назавтра опять вспомнить, в чём наша сила и слабость.

Вот так обе сливали в единый поток свою высказанную и не высказанную скорбь, находя утешение в сердечном понимании.

Мариям и Катерина очнулись, стоя у окна. Они смотрели на сияющую рекламными огнями Москву. В тишине ночи еле-еле доносились звуки из клуба неподалёку. Ночь бурлила, вспенивалась буйством молодости, веселья, взвизгивали тормоза шикарных ма-

шин, и Эрос гнал красоту юности в объятия страсти».

«Так... я никуда с ней не поеду, – подумала Катерина, – хотя неплохой эпизод я придумала, можно будет вставить в книгу». Она вежливо отказала Мариям, сославшись на необходимость пообщаться с сыном с глазу на глаз. В ответ та только кивнула головой, забрала Люську и увела в другую комнату укладывать спать.

Вскоре к воротам подъехала машина, Мариям холодно распрощалась со всеми и уехала.

В салоне автомобиля было тепло. Мариям прикрыла глаза и ощутила, как немеют мышцы её рук. Постаралась расслабиться, но не смогла. В последнее время она пыталась свыкнуться с физической и душевной болью, хотя это двойное напряжение не давало ей спокойно дышать и думать. Спорадические спазмы пронизывали всё тело, заставляли жмуриться и крепко сжимать зубы. Она подозревала, что неизлечимо больна, какие-то жуткие убийственные микробы ежедневно размножаются, и нет от них снадобья. «Распад тела и души», – назвала она свою болезнь. Безжалостный «диагноз» навевал глубокую тоску.

Но было и нечто другое, Мариям чувствовала: кроме старухи в ночных кошмарах, её естеством овладел некий «наблюдатель» и поселился в душе навеки. Он приходил к ней во сне и наяву в образе полу-лица, жующего с хрустом красное, спелое яблоко. И в эти моменты Мариям видела насквозь всё и всех. Когда сегодня Катерина появилась в гостиной, с первого взгляда стало понятно: изменение в планах у будущих молодоженов неминуемо.

Мариям вспомнила своё желание разорвать эскизы за столом. Знала уже тогда: они никому не нужны, хоть предложение матери Бориса ещё не было озвучено.

Мариям глубоко вздохнула и усмехнулась: «Какая она простая, эта Катерина. Говорят, она хороший журналист и писатель. Слышала ее мысли...она очень «громко» думает... сочиняла про меня и про себя... Жутко, что я могу читать в чужих головах... я ей образ старухи смогла передать... в прочем, никого мне не надо в моём доме. Зачем? Нет того, кому бы я высказала откровенно, что творится со мной. Да людям это и не надо. Каждый сам по себе живёт. На моём пепелище – мне самой и топтаться. И нет туда доступа ни одной человеческой душе».

Мариям вдруг представила своих сыновей, увидела их как будто через запylённое стекло и тут же опустила перед ними невидимую штору.

«Опять этот навязчивый «хруст, хруст» в голове и дурацкая половина лица... А... понятно, сейчас шофёр скажет: «Продукты завезли. В доме убрали». Вижу даже всю сцену, как он с охранником выходил из квартиры и смеялся».

– Мариям Айдаровна, мы продукты завезли и квартиру вашу убрали.

От голоса водителя Мариям вздрогнула. Её рука машинально поднялась и коснулась его плеча, слова благодарности сорвались с губ. Она опять прикрыла глаза, потом плотно сомкнула веки. В образовавшейся темноте вновь возникло яблоко. «Хрум, хрум»... так... сейчас Людмила Аркадьевна позвонит... Вижу, подходит к телефону... И знаю... знаю, что скажет!».

Мелодией Моцарта запел мобильник. Мариям сдвинула крышку.

– Да... да... конечно, Людмила Аркадьевна... С удовольствием поеду. Во Флориду? Прекрасно... Нет... нет... всё хорошо. До свидания.

Она бросила телефон рядом на сиденье. «Неужели с этим внезапно появившимся яблочным «хрум», – всё стало так ясно и понятно до омерзения? Или с моим расщеплённым сознанием, с моим двойником пора обратиться к психиатру? Что же происходит со мной?».

Мариям как бы со стороны увидела своё тело, впившееся в кожаное сиденье. Она похудела и осунулась, даже как-то почернела за последние недели.

«Хрум... хрум, хрум». Видение металось из стороны в сторону. Лёгкий стон слетел с губ.

– У тебя есть анальгин или аспирин в аптечке? – обратилась она к водителю.

– Есть, но аптечка в багажнике. Остановиться? – заволновался тот.

– Нет, уже недалеко.

«Спокойной ночи» эхом прозвучало за спиной Мариям, дверь за ней захлопнулась, отрезая внешний мир, шофёра, охрану, их пытливые взгляды. В коридоре прямо пахло химикатами для мытья ванн и туалетов. В ноздрях защекотало, и она чихнула. Не снимая пальто, зайдя в комнату, села у компьютера. Новых сообщений не было. Ещё раз перечитав старые письма от Каролин, на которые у неё не хватало сил ответить, она решила всё-таки написать несколько строк. Послание оказалось коротким.

Поколебавшись с минуту, Мариям его отправила, захлопнула крышку ноутбука и откинулась на спинку стула. «Кажется, всё... пора бы и уснуть...», – подумала она.

Стащить сапоги и снять пальто, стянуть тонкий кашемировый свитер и твидовую длинную юбку потребовало невероятных усилий. Каждое движение со-

проводилось глубоким вздохом. Она внимательно разглядывала то сапог, то прижимала к щеке мягкий кашмир.

Снятая одежда так и осталась лежать на полу.

Она медленно прошла в гардеробную, бросила в корзину для грязного белья колготки. Никак не могла расстегнуть крючки у бюстгалтера, затем справилась и с этим, вышагнула из трусиков.

Постояла голой, помялась на одном месте и выдвинула ящик с ночными рубашками. Перебирая одну за другой, примеривала на себя, пока не нашла длинную, до пят, с большим разрезом на боку, чёрную на тонких бретельках.

Просунула руки и вскользнула в шёлковую ткань, ладонью провела по бедрам и встряхнула волосами. Замерла, прислушиваясь к чему-то внутри.

Хрум... хрум...

Хрум... хрум... хрум...

Пять стремительных рывков к окну из гардеробной через спальню. В этом сумасшедшем и коротком беге Мариям будто зависала в воздухе, подол рубашки неумолимым скальпелем вспарывал пространство. Резким и рассчитанным движением распахнула створки, вскочила на подоконник.

В полёте подумала о старухе из вещей снов и успела улыбнуться.

В ночной темноте белыми крыльями блеснули обнажённые руки.

Стук упавшего тела совпал с последним выдохом.

«А-а-ах...», – прошелестело и змейкой затерялось в обледеневших ветках деревьев.

Выпало красное, надкушенное яблоко, в изумлении раскрылся рот, и чётко обозначилось лицо «наблюдателя».

Черты старухи превращались в лицо смеющейся Марьям.

Свершилось.

Как покойно...

Глава четырнадцатая

КАРИМ И ДРУГИЕ

Карим крепко вцепился в поручни и медленно погружался в почти ледяную воду. Он знал, что днём бассейн чистили, залили свежую, но не успели подогреть. Да и кто мог предугадать, какой бес потянет вдруг хозяина купаться.

Ступня соскользнула, и он нырнул с головой, задохнулся, спазм перехватил горло, холод сковывал движения и словно иголками пронзал кожу. Внезапно на ум пришла его встреча со Славкой. Чёртов мужик, они с ним о многом смогли поговорить и поспорить. «Интеллектуал нищий, психолог, мать твою!» – вдруг разозлился Карим и вынырнул на поверхность.

«Тебя укусила собака, а ты – пнул ни в чём не повинную кошку!» – так твердил ему школьный друг. Славкина теория «собаки и кошки» сводилась к одному: тебя кто-то обидел по жизни, но, в силу обстоятельств, ты не можешь этому человеку дать сдачи и выместить злость на другом.

Славка в запале утверждал, что все люди заражены этой болезнью. В семье, если муж с женой поссорились, то «отрываются» на ребёнке: уроки не выполнены, и, бац, получи шлепок, ну и дальше, всё в таком же духе... Пока до слёз детей не доведут или ремнем по заднице любимого чада не проедутся. А что делает дитя? Отразить атаку родителей не может и идёт колотить мальчишку из соседнего подъезда.

На работе - начальник отдела не угодил шефу, что он делает? Гоняет своих подчинённых, как сидоровых коз; те в ответ АйТи-пацанов до истерики доведут или секретаршу. Вот такая неприглядная цепочка «козлов отпущения», а всё почему? Потому что каждый из нас

не хочет в лицо личной проблеме смело взглянуть и её решить...

Карим в ответ хохотал, а потом просто наорал на него, но вся эта Славкина «заумь» его зацепила и теперь не давала ему покоя.

Он сделал три заплыва, остановился возле бортика и отдышался. В сознании назревало что-то неуловимое, он чувствовал – важное, но которое никак не могло оформиться.

Это нечто нелегко было ухватить.

А, собственно, к чему он пришёл? Какой судьбы хотел? Какого успеха в жизни? И получил ли его? А его личная жизнь? Вера... Она никогда не обижала его... Мариям... а что Мариям? Сунулась не в своё дело, решила права покачать... Жила бы себе и жила, чего ещё не хватало: и дом, и деньги, и положение в обществе – всё было у бабы. Нет, за принципы решила бороться, а что вышло? Что, она не понимала? Что у меня везде всё схвачено, и я сделаю так, как мне надо?!

Адвокат молодец. Я и сейчас каждый шаг своей бывшей знаю, из столицы ежедневно докладывают: куда поехала, где была, чем занималась.

От осознания, что он себя пытается оправдать, Кариму стало тошно. Он нахмурился, подтянулся на руках и сел на бортик бассейна. Внезапно, из глубин памяти, возник рассказ Веры, о её молодости. Карим напрягся, стараясь вспомнить все подробности. Она говорила о том... да... да...

В восемнадцать лет Вера отправилась в археологическую экспедицию на Кавказ. Начальник – тридцатилетний кандидат наук, историк, яркая личность и энтузиаст. Девушка влюбилась в него до безумия, а он был женат. Страсть – дело опасное, шила в мешке не

утаишь, и уже через месяц все сотрудники знали, что Вера – «экспедиционная» жена шефа.

Отношения продолжались несколько лет. Клятвы и заверения в любви с его стороны звучали только на раскопках древнего поселения, но как только они возвращались, то на вокзале шефа встречала законная жена. Вера задыхалась, наблюдая, как её мужчина обнимал за плечи другую женщину и нежно целовал в губы.

В городе, в осенне-зимний сезон, он приглашал Верочку на праздничные торжества и дни рождения, держался, как положено шефу с хорошим сотрудником и другом по раскопкам. Притом, успевал иногда тискать девушку в коридоре, или дерзко и быстро занимался с ней сексом на лестничной площадке последнего этажа, когда, якобы, уходил провожать её на автобус после вечеринки. Жене ни разу не дал повода для ревности и подозрений, а та простодушно советовала Вере, как найти жениха.

Между тайными любовниками разговоры о его разводе шли постоянно, однако семья у него росла, и Вера доходила до иступления, увидев супругу своего избранника снова беременной, а потом с ребёнком на руках. Много раз она пыталась расстаться, но не могла, пока однажды в той же экспедиции у неё не появился молодой поклонник. Вскружила ему голову, и когда тот предложил ей выйти за него замуж, сразу же согласилась.

«Согласилась!» – вдруг вслух повторил Карим. Поёжился от охватившей его душевной горечи и с шумом прыгнул в воду. Попытался сделать очередной заплыв, но неожиданно остановился, встал во весь рост и скрестил на груди руки. Не мигая, отстранён-

ным взглядом уставился на поверхность бассейна. От холода посинела кожа, и дрожь нет-нет, да пробежала по всему телу. Но это не мешало ему думать.

Мстила ли Вера своим замужеством тому, кого любила, или доказывала себе, что способна сама решать свою судьбу? Какая боль запеклась в её сердце? Какие душевные муки втрамбовались в подсознание за годы отношений, внедрились в клетки тела, врезались в память, если... да... да... она сама с течением времени превратилась в такого же изощрённого и беспринципного манипулятора, каким был герой её романа? Поняла ли она своё перерождение?

И...о, Господи! А не было ли замешано её чувство к Кариму на былом отчаянии, ревности и обиде? Тогда он – это зеркальное отражение молодой Верочки, со своей любовью и преданностью.

Какое беспощадное прозрение... Тогда получается... настоящая Вера все годы держала его на привязи, как много лет держали её саму! Черт знает что... Она, может быть и неосознанно, научилась «пинать кошку», и мучила его: то люблю, то уходи и женись, заводи семью; потом опять – «не могу без тебя жить, только с тобой у меня полная гармония...». И когда ходила в положении – он убивался, пил от горя, что она носит не его детей. Бежал от неё, пытался забыть...

Что же это – бессознательно, или, напротив, намеренное, в течение десятилетий, вымещение неудач на нём? Больно же её «укусила собака», если она оказалась столь... жестока(!) к Кариму. Неужели, правда...

Внезапно, в доли секунды всё стало ясно. Как же он не задумывался об этом раньше? Её непреодолимое обаяние, её изощрённый, да нет же... холодный ум, их свидания, наполненные сумасшедшей страстью, всё, что он обожал, любил безоглядно, – сожрало его, вые-

ло до доньшка. Все эти годы она травила его сладким ядом надежды, которому так хотелось верить: «У нас с тобой, Каримчик, – роковая любовь! Она свыше даётся... никуда не скроешься... это наше предназначение: страдать и любить, благородно и безропотно ждать, когда дети вырастут. Судьба распорядится – тогда будем вместе...». Как красиво она умела говорить... детским голоском... и так убеждённо.

И он верил! Ждал! Он жаждал этой отравы. Пытался доказать, что достоин её, что он талантливый и удачливый, не в пример другим. Как больно и обидно...

Какой же он дурак...

И, каков результат? Полумёртвая Вера лежит в госпитале.

Вся жизнь превратилась в беспредельный бардак! Но в бизнесе у него никакого бардака не было и не будет! Всё тип-топ... А с личной жизнью... да... тут проблематично, но решить можно. Промариновать Мариям с годик, а потом вернуть мать к сыновьям. Куда она денется? Цинично, конечно... Господи, внутри что-то обрывается, будто струны расстроенной гитары...

Всем своим существом он ощутил: «крак» – и одна струна бессильно повисла, за ней – следующая. Дека отозвалась глухим подвыванием.

Его затошнило от вкуса желчи во рту, заколотило от раздражения и досады.

Говорят люди о бабском счастье, а вот как определить мужское? В чём оно заключается? Быть любимым? Любить?

Быть отцом... понятно, не простое дело. У него есть дети. Взрослые дочери, обе замужем. Два сына.

А хороший ли он отец? Когда в последний раз играл с мальчишками в футбол? Ну, какой футбол, когда на дворе холода, хоть и началась весна, но морозы нет-

нет да ударят. И всё же – когда именно? Не уделял он времени пацанам, скрывался за отговорками «работа, некогда».

Нет в душе покоя. А тут ещё сегодняшней, утренний визит в госпиталь... Он пришёл проведать Веру, уже неделю та находилась в коме – и никакого улучшения. Возле её постели собралась вся семья: муж, дети, родственники.

Он зашёл в бокс, все сразу напряглись, сухо поздоровались и отвернулись – ни тебе уважения, ни даже сочувствия. А ведь, наверняка, все прекрасно знали об их с Верой связи.

Чужой... да, да... это висело в воздухе. Чужой.

«Ты – инородное тело», – так буркнул Славка о нём, когда они в разговоре коснулись отношений Карима с Верой.

Не раздумывая, дружок победно выдернул из Интернета определение: «...инородные тела, попавшие в ткани организма, обычно инкапсулируются! Вокруг них образуется плотная соединительная ткань. Глубоко застрявшие инородные тела удаляют только в том случае, если они вызывают значительные функциональные нарушения, оказывающие давление на сосуды и нервы».

Вот ведь какое отвратительное слово «инкапсулируются». Получается, Славка был прав, Карим и есть это инородное тело в Вериной семье. Потому, наверное, и выскочил утром из больничного бокса, не пробыв там и пяти минут, «чтоб не оказывать давление на сосуды и нервы присутствующих». Никто его не остановил; так, бросили в спину, вразной: «Пока!».

Бред, сплошной бред...

Карим выбрался из бассейна, набросил большое полотенце на плечи и подошёл к стойке бара. Наливая

водки в хрустальный стакан, посмотрел по сторонам. Всё-таки закрытый бассейн у него был сделан по высшему классу. Интерьер радовал глаз, по стенам выложены из цветного кафеля морские пейзажи, под ними удобные диваны и кресла, пальмы в огромных кадках.

Что есть его жизнь? С одной стороны – гламур, всё блестит от успеха в бизнесе, почёта, с другой – тьма, хаос. Но, к счастью, лишь когда остаёшься один на один с самим собой, чувство одиночества нарастает с катастрофической скоростью. А может, мужчина всегда один... независимо от семьи, карьеры, интересов?! И есть этакая сердцевина тебя самого, узел, глубоко спрятанный в самое нутро, который бередит, ноет и всё спрашивает и спрашивает: «Кто ты? Чего ищешь? Зачем Ты?»

От этого голоса прячешься в сутолоке ежедневной гонки, пытаешься найти спасение в партнёрстве, дружбе, любви, наконец... А ночью всматриваешься в сумерки и знаешь точно: ты – есть ты, и ты – один.

Спиртное обожгло горло и скатилось в пустой желудок. Непроизвольно вырвалось: «У-ух-х!». Тепло разошлось по жилам. От внутренней потребности анализировать всё и вся, от охватившей вдруг опустошённости, у него неожиданным протестом возникло желание поиметь женщину «здесь и сейчас». Он громко крикнул в приоткрытую дверь. Через секунду дал команду: сыновей отправить после школы к матери, а ему привезти молоденькую блондинку из известного места в городе, и такую, чтоб «было, за что подержаться».

Не прошло и полчаса, как Карим со всей своей мужской силой тискал в спальне проститутку. Восставшая плоть, будто стальным пестом, в исступлении штамповала узор беспардонной похоти. Дорогостоящая

потаскушка издавала странные, каркающие звуки и периодически театрально вздыхала. Этот невообразимый аккомпанемент распалял его ещё больше. Её быстро вспотевшее тело скользило и извивалось под Каримом.

Он зарычал в момент оргазма, затем откинулся на подушки и несколько минут отдыхал. Но девица знала своё дело и упорно ласкала: то руками, то губами. Наконец, почувствовав его вновь возникшее желание, села на него сверху, а он, грубо войдя в неё, наблюдал, как её полная грудь дёргалась вверх и вниз от смены ритма полового акта. Девушка в наигранном экстазе закатывала глаза, и в такие моменты выражение её лица напоминало маску умирающей.

Вдруг слух Карима уловил странную возню за закрытой дверью комнаты.

– Ну, чего там? – сердито крикнул он.

Девчонка вздрогнула, но не остановилась, по всей видимости, бывала уже в таких ситуациях, только внутренне как бы насторожилась и приоткрыла глаза. Карим шлёпнул её по заду и сбросил с торса.

– Ну, чего там ещё? – повторил он.

Он привстал на локте и с напряжением прислушался. В возникшей на мгновение тишине было слышно учащённое дыхание девушки.

И вдруг, за дверью, низкий голос-вой, сбиваясь от волнения, жутким эхом окатил духоту комнаты:

Карим-им... Иль...ясо....вич... изви...ните...
насмерть... раз...би...ла-ась... Мариям...ям...ям...
Из окна... выбросилась... Похоро...ны...ны...
Забирать... ать когда??...
Распоряже...э...ни ...я ...я ...какие... ие...

Что произошло дальше, Карим никогда не сможет точно вспомнить.

Время мстительно мертвело для Карима, покрывалось плесенью, пахло спермой и с жестокой медлительностью вдруг принялось строгать тонкой стружкой душевную боль. Оно вспучивалось бычьими пузырями и застывало на словах перепуганного, заикающегося охранника.

Каарим-им... Иль...ясо...вич... изви...ните...
насмерть... раз...би...ла-ась... Мариям...ям...ям...
Из окна... выбросилась... Похоро...ны...ны...
Забирать...ать когда??...
Распоряже...э...ни...я...я... какие...ие...

В глазах у Карима потемнело, страшные слова душили и жгли в самое сердце.

«Я... я убил?!»

Кровь пульсировала в висках. А внутри пузырей времени закопошились лица бывшей жены и изуродованное Верино. Они вытягивались и свивались в одно кольцо, оттуда выворачивалось кричащее личико новорожденного сына Фархада. Билась штормовым ветром видео – плёнка допроса Мариям. Из ниоткуда возникли распахнутые рты, захлёбывающиеся грязью мерзкой ругани...

Все это неслось лавиной на сознание, захлопывая его в квадратную, двойную решетку для жарки мяса на раскаленных углях.

– Убил!! А-а-а-а!!

От крика Карима, девица очнулась, одним махом метнулась с постели, собрала бельё и ползком продвинулась к двери.

В спальню со скорбными лицами входила охрана, за их спиной толпилась домашняя челядь.

Карим никого не замечал. Он корчился в агонии горя на смятых простынях. Его голое тело то распластывалось во всю длину, то сжималось в комок. Сквозь стиснутые зубы прорывались стоны. Потом он сел, поджал ноги к самому подбородку, крепко обхватил руками колени, закачался из стороны в сторону и тихо завыл.

Никто не ожидал такой реакции от всеильного хозяина.

Все стояли и молча смотрели на него.

Горе – оно всегда нагое... Без прикрас и ухищрений...

Старый Фёдор, растолкав локтями стоящих людей, протопал к краю постели, набросил покрывало на обнажённого Карима и притянул его к себе. Зашептал: «Карим Ильяс... Каримушка... Каримушка... Ш-ш-ш... Ш-ш-ш...».

В какой-то момент повернулся к остальным и грозно сказал: «Что уставились? Идите на хер!! Валерьянку тащите да воды! Мать вашу всех!». Потом крепко прижал голову Карима к груди и сквозь рыдания услышал: «Я её любил... я же её любил... За что? За что, о Господи?».

Фёдор как мог, увещевал и успокаивал безутешного Карима. Через некоторое время он помог ему встать и надеть халат.

Сердце Карима нещадно колотилось, затем притормозило и начало отбивать зловещий барабанный бой.

Бум...

...Его вели в кабинет, ноги заплетались, кто-то шуршал бумажным и участливым голосом об отправке самолёта в Москву.

Бум...

...Он кожей почувствовал, как часы и секунды встряхнулись и устремились в бешеном галопе.

Бум... бум...

...В пространстве возникали люди, жали руки, соболезновали. Одних он узнавал. Других не помнил.

Ему пытались втиснуть еду, дать попить.

Бум...

...Рука нажимает на кнопку звонка. Он весь в чёрном. Испуганные лица родителей Мариям... На его щеках горят пощёчины, которые надавала ему её мать. Он успел её подхватить, когда совсем обезумевшая пожилая женщина падала в обморок.

Бам... бам-бам...

...Сыновья дрожали, прижавшись к его ногам, шмыгали носами. А из самолёта, не спеша, вытаскивали гроб с телом Мариям. Моросил дождь... Большие капли падали, падали... падали, оставляя тёмные следы на обивке гроба.

Бам... бам-бам...

...Падали ...падали волосы с головы под бритвой. Карим сбрасывал их сам... стрекотала машинка... полоса за полосой обнажалась синюшная кожа... из зеркала на него смотрел чужой.

Бум....

...Он слышал, как Мулла читал молитвы...

Ему хорошо заплатили... нет разницы, как уходят из жизни... молись...

Бум...

Крики и стенания женщин...

Бум... бум...

...Стук лопат... звуки прощальных речей...

Звон вилок и ножей за поминальным столом...

Бам... бам-бам...

Тишина в доме...

Ночь... из её глубины с портрета в чёрной рамке ему спокойно улыбалась Мариям.

Гул сердца вибрировал в его теле, словно в узком, холодном и бездонном колодце...

Новость, что Вера вышла из комы, отразилась в его душе лишь лёгкой печалью, будто не о ней шла речь, а о каком-то далёком... малознакомом человеке. Сознание отметило странное совпадение: одна ушла навечно, другая вернулась ... но поздно.

Всё стёрлось... поблёкло...

Прошлого не было.

Настоящее гремело тиканьем часов во тьме, и в нём существовали только сыновья Фархад и Равиль, его и Мариям сыновья.

Как только станет тепло, он обязательно сыграет с ними в футбол.

Станет тепло...

Тик-так...

Обязательно...

Тик-так...

Сыграет с ними... в футбол...

* * *

«...ПРОЩАЙ», – это было последнее слово, напечатанное большими буквами в письме Мариям, отправленное почти месяц тому назад по электронной почте к Каролин.

В электронке было ясно сказано: «...больше не писать».

Если человек не желает контактировать с тобой – желание другого надо уважать. Кажется, всё правильно, но почему Каролин постоянно глодала затаённая тревога? Нет, нет, да приходила на ум далёкая подруга.

А сегодня ночью она проснулась от кошмара, в котором была Мариям. Нет, Каролин видела не её лицо и фигуру, а некое белёсое существо, мечущееся между

небом и землей, однако сердце говорило – это Мариям, та, с кем никогда в реальности не встречалась, та, что существовала в интернетном, виртуальном пространстве, – и была, была в её, Каролин, жизни.

Она почувствовала себя виноватой. В чём? В том, что писала в своём последнем послании о вдруг рухнувшем на неё счастье? Может, это «оцарапало» Мариям, которой, похоже, приходилось несладко? Иногда чужое счастье ожесточает людей, отталкивает. Что случилось? Чем она обидела женщину?

Было время, Мариям тёплым участием так её поддерживала. Каролин описывала подруге личные передраги, и Мариям помогала ей многое продумать и проанализировать. Как жаль, что они не обменялись номерами телефонов, и теперь нет возможности поговорить с Мариям. А вдруг той плохо? Или дочери мужа опять замучили... Мариям непросто жилось мачехой, да и кому было бы легко на её месте?

С родными-то детьми столько проблем, а с чужими? Вон с сыном Питером, да и с дочерью, сколько хлопот и нервотрёпки было. Но теперь уже, слава Богу, легче. У неё, Каролин, есть Джеф... и судьба словно развернулась в другую сторону.

Случайная встреча с Джефом её спасла. Она никогда не говорила ему, что тогда, сидя в баре, решила покончить с жизнью, и если б таксистом оказался кто-нибудь другой, так бы и вышло. Но ночь на пляже Писмо Бич, проведённая с Джефом, вернула ей веру в добро, в себя...

Если Мариям в беде, Господи, пусть рядом с ней окажется хороший человек.

И Каролин начала тихо молиться. От её шёпота проснулся Джеф, привстал и спросил:

– Ты почему не спишь?

Она помедлила с ответом, потом глухо сказала:

– Что-то страшное произошло. Но где... я не знаю.

И... не смогу помочь!

Её вздох сожаления и утраты унёсся ввысь и слился в унисон с другим – Катерины Рыковой-Орловой.

* * *

– Дыши глубже, Катюш, не надрывай себе сердце, – твердил Иван Семенович, – ты ни в чём не виновата... да... да я понимаю, что если бы ты поехала с этой женщиной, трагедии бы не случилось. Не плачь, уже ничего не вернёшь.

Иван был на заседании акционеров одной из своих компаний, в зале стоял радостный гул, дивиденды за прошлый год оказались на редкость высокими. В самый разгар поздравлений его телефон настойчиво завибрировал – раз за разом. По номеру он знал, – это жена, но не мог сразу ответить, пока не начался перерыв. Теперь же, совершенно растерянный, он пытался найти правильные слова и успокоить Катю, прислушивался к её голосу:

–прощай! Ну, пойми же, Иван, Мариям не сказала «до свидания», она сказала именно «прощай», а я напридумывала невесть что... хотя нет... неправда... я чувствовала... от неё исходили эманации глубокой скорби, и я их уловила. Её глаза выглядели потухшими. И я... не захотела... не захотела поехать... А ей просто нужна была человеческая душа рядом! Всего лишь одна человеческая душа... сочувствие... и ничего больше. Я стала бездушной... собственные проблемы волновали больше... у меня радость, свадьба. И вот... не смогла помочь.

– Катя, не бери на себя вины. Если бы, да кабы...

От его слов Катерина вспыхнула не на шутку.

– Иван, как ты можешь так говорить! Человека больше нет! Мы все стали бессердечные, так удобнее жить. Тусуемся, толкаемся, веселимся все вместе, а страдаем в одиночку. И никого, никого, кто бы помог, рядом нет! Что, тебе это не знакомо?

– Знакомо. Но у меня есть ты, Катюша, и... из безвыходной ситуации всегда есть, по крайней мере, три выхода, так в народе говорят.

– Я поражаюсь твоей чёрствости. Твоя логика сейчас отвратительна! У Мариям, наверное, не было выбора! Ей ничего другого не оставалось, как... как покончить с жизнью. Ужас какой-то... А мы не смогли остановить. Бедная Людмила Аркадьевна места себе не находит, постоянно плачет. Корит себя, что не нашла времени поговорить с Мариям. Да мы здесь... все с ума сходим... Когда узнали... о трагедии, то Мариям уже в Уфу увезли хоронить.

Иван еле сдерживался, чтоб не оборвать разговор, перерыв заканчивался, и ему надо было возвращаться на заседание.

– Что молчишь? Спешишь? Конечно же, Иван, ты спешишь. Господи, все спешат, никому дела нет до чужих несчастий!

– Катерина, душа моя... пойми: живым – живое, а тем, кто ушёл – царство небесное. Я тебя очень люблю, Катенька, – и, выдержав небольшую паузу, продолжил, – скажи мне, как там со свадьбой? Извини, что перевожу на другую тему, но и это важно... для твоего сына.

– Ох, Ванечка... да, важно. Как странно, что счастье и горе всегда рядом. Я тебя тоже люблю. Свадьба в июне и ребята хотят сыграть её в круизе.

– Тогда скажи, сколько человек будет, чтобы я мог заказать путёвки. Катерина... всё будет хорошо. Не переживай. Я тебе перезвоню попозже.

Нет, никакого облегчения от разговора с Иваном не последовало. Катерина маялась от навязчивых мыслей. Днём она встретилась с Лизаветой и подписала договор на цикл передач. Под вечер вернулась на дачу Людмилы Аркадьевны. Сославшись на головную боль, закрылась в комнате и три часа безмолвно лежала: не хотелось ни говорить, ни вставать, ни плакать.

Уже к часу ночи с остервенением записывала всё, что приходило в голову. Видения захватывали, и Катерина пыталась их уловить, выразить словами.

Ей чудились вспышки людских чувств, канонадой расстреливающих небо. Там, сталкиваясь в небесах, они формировали глубокие воронки человеческих эмоций. Эти фантомы стремительным потоком неслись в атмосфере, казались осязаемыми под матовым светом далёких звёзд.

Одни были гигантские и чёрные, отравленные злобой и ненавистью, тяжело увлажнённые слезами и запертые в кожухи людских взаимоотношений. Постепенно они собирались в вихри, вспучивались болью и мчались над землёй, по ходу втягивая малые и большие беды, чтобы, в конце концов, стать штормовым ветром несчастья.

Другие струились рекой к центру, несущему любовь, где внутри был свет, царила гармония, и музыка сфер кружила их в хороводе счастья.

Потоки сшибались, разбегались, перемешивались в этой бесконечной войне мрака и света. А внизу, на Земле, каждый отдельный человек просил у Бога счастья, покоя, любви, понимания и помощи.

«Экология души», – вдруг возник обрывок фразы из забытой газетной статьи, заметался в сознании, требуя к себе внимания. И Катя уже знала: именно об этом будет её следующая телепередача.

Как часто мы говорим об экологии, о загрязнении окружающей среды... Но ведь куда важнее соскребсти грязь и сорвать гниющие коросты с человеческой души! Сегодня модно писать о реинкарнации... каждый человек был всем: и тираном, и чьей-то жертвой, доброй матерью и насильником, тараканом и медузой. Всего не перечислишь, каждый много чего повидал, натворил, пострадал, погоревал. И всё равно... мы не меняемся. Ко всему равнодушны, лишь бы нас самих не касалось.

Катины размышления прервались от стука в дверь, Людмила Аркадьевна появилась с подносом в руках.

– Екатерина Владимировна, вы не ужинали, чашка чая вам не помешает, и пара бутербродов тоже. Я видела свет из комнаты, поэтому решила принести вам поесть.

– Ну что же вы так беспокоитесь, Людмила Аркадьевна, мне просто кусок в горло не лезет.

– Я понимаю, но есть-то всё равно надо, – мягко прозвучал ответ, – к тому же мне хотелось вам кое-что показать.

– Что именно? – с интересом спросила Катерина.

– А я сейчас принесу.

Через несколько минут Людмила Аркадьевна вернулась с папкой для эскизов, которую оставила в злополучный вечер Мариям. Она вытащила несколько набросков, разложила их на кровати. На одном из листов был нарисован углём портрет старухи. Катю поразил горящий взгляд и полуулыбка на лице. Ощущение, что она её когда-то видела или встречала, но где, не припомнить, – пробежало по коже холодком. Иногда случается: мелькнёт в толпе лицо и оседет в памяти на годы. Не знаешь человека, а его черты запоминаешь надолго.

Рисунок смелый, размашистый, словно рисовали с натуры.

Катерина опустила на колени у края кровати и осторожно взяла в руки портрет. Старухины глаза, с чуть расширенными зрачками, тревожили, затягивали в тайную пучину. «Ведьма, просто ведьма», – подумала женщина.

– Она вам напоминает кого-то? – спросила Людмила Аркадьевна с любопытством.

– А вам? – вопросом на вопрос ответила Катя.

– Да... Я думаю, Мариям была бы такой в глубокой старости... Господи, как же я ругаю себя... она так плакала в первый вечер, когда приехала ко мне из Уфы. Откровенно говорила о своих бедах. Но знаете, с возрастом стараешься быть более тактичным, останавливаешь себя, не влезаешь в душу другого. Заботишься больше о своих самых близких. Весь облик Мариям кричал о помощи – это я поняла. Я подбросила ей работу, а Мариям прежде всего нужно было сочувствие. Она не могла очнуться от череды фатальных неудач. Трудно жила с мужем и его дочерьми, а разлука с родными детьми её просто доконала.

Была, была у меня возможность ещё раз поговорить с нею, но не получалось: то Мариям отводила разговор, то я не хотела утруждать себя чужими заботами. Считала, всё у неё обойдётся и уляжется...

Катя слушала и вглядывалась в черты лица на рисунке.

– Нет... это не Мариям, это образ смерти и безысходности. И, знаете, именно он возник у меня при нашем коротком с ней разговоре. Я очень тогда испугалась... Она была сильной женщиной, если смогла передать мне ощущение приближающейся кончины. Но моя душа не успела раскрыться ей навстречу, захлопнулась. В тот момент ситуация со свадьбой меня тревожила больше, чем её беда.

Страшно осознавать, как одно твоё слово, шаг, поступок может круто изменить судьбу человека. Мы все тесно связаны, но иногда не понимаем, как влияем на жизнь друг друга. Знаете, не могу я найти правильных и точных слов...

Да и не могут слова отразить даже толику тех чувств и мыслей, которые терзают меня сейчас, возвращают к случившемуся. Тысячу раз я проворачиваю в памяти прошедшие дни, и в тысячный раз в своём воображении всё еду к Мариям на квартиру и утешаю её...

А, да что говорить... пытаюсь оправдать самое себя, но всё это – ни к чему, потому что поздно...

Обе женщины замолкли, Людмила Аркадьевна собрала рисунки и, тихо попрощавшись, ушла.

Ночью Катерина то и дело просыпалась, настороженно прислушивалась к звукам дачного дома, брала в руки телефон и в который раз горько вздыхала: Иван так и не перезвонил. Погружалась в волну сожаления и всё пыталась опять уснуть.

А Ивану после разговора с Катериной стало не по себе, и, вернувшись в зал заседаний, он упорно вглядывался в лица коллег, стремясь понять, что стоит за их угодливыми улыбками и сосредоточенными лицами. В те минуты он был готов помочь любому из них, если бы только заметил малейший намёк.

Решение лететь в столицу пришло неожиданно, показалось естественным и важным, захотелось очутиться рядом с Катей в доли секунды. Иван Семенович, закончив собрание учредителей, помчался в аэропорт, пытаясь успеть на ближайший рейс в Москву. Ему удалось достать билет без проблем. Теперь он сидел и листал газету за газетой, вполуха слушал новости по телевизору, коротая время до объявления посадки.

Ночное ожидание затягивалось. Иван боялся, чтобы рейс не отложили, заказывал крепкий кофе, быстро проглатывал и медленно жевал попавшие на зубы крупницы плохо промолотых зёрен.

С каким облегчением он, наконец-то, защёлкнул ремни безопасности. Заурчали моторы, замелькали огни посадочной полосы, самолёт пошёл на взлёт. «Слава Богу, ещё чуть-чуть, и я её увижу», – подумал Иван. Стюардесса предлагала напитки, но он всем своим видом дал понять – не надо его беспокоить, и задремал. Сон пришёл сразу.

* * *

Старик брёл и падал. Жар сбивал с ног и бурлил спазмами в горле. Жажда сжигала изнутри. Пить...

Полуослепшие глаза вырвали из пространства нечто. Оно двигалось... Жизнь? Невозможно... Старик остановился на краю ямы, полуприкрытой плоским оплавленным камнем. Существо в пузырящейся тине извивалось, то и дело показывая почерневшую чешую. Она сохла и скалывалась с лёгким треском.

Это была рыбка, и рыбка билась из последних сил... «Спаси!» – в безмолвии этот зов пронзил его сторевшую душу.

Спаси? Зачем? Здесь нет места спасению!

Но там, где когда-то было сердце старика, что-то вдруг дрогнуло.

Он опустил на колени, протянул руку...

В пригоршню зачерпнул рыбку вместе с остатками влажной тины. Другой ладонью плотно накрыл, прижал к груди.

Не один... Нас двое...

Он брёл и падал, вставал и шёл дальше, но в крепко сжатых ладонях нёс жизнь.

А солнце садилось...

И возвращалось море...

Живительная вода робко наступала на сожжённую Вселенную...

* * *

Команда «...поднять спинки кресел!» вытолкнула Ивана Семеновича из полудрёмы. К собственному удивлению, он не ощутил привычного, приторно-сладкого привкуса после очередного кошмара со Стариком, наоборот, он очнулся от чувства радости.

Самолет попал в зону турбулентности, от сильной тряски тарактели переборки. Проснувшиеся пассажиры с тревогой оглядывались по сторонам. Затаённый страх обволакивал ничего не значащие фразы, которыми суетливо перебрасывались в бизнес-классе. Оно и понятно: всех застрашали новостями о разбившихся самолётах и террористических атаках. Давно уже никто не чувствует себя в полной безопасности ни на авиалайнерах, ни в аэропортах, ни в метро, ни на вокзалах.

Следующие пятнадцать минут, пока ныряли по воздушным ямам, не произвели на Ивана гнетущего впечатления.

Почему-то вспомнилось состояние колючего азарта, когда он учился сёрфингу на Тихом Океане: взлетал на волне в тесно облегающем по колено гидрокостюме и стремительно мчался на доске к берегу. Не всегда получалось, икры ног напрягались до предела. Как-то раз не обратил внимания на огромную волну, нависшую над ним и рухнувшую со спины, она захлестнула его, перевернула трижды и протащила по дну. Голени пробороздили по песку и гальке, оставляя на острых краях кожу. Зелёно-голубая вода прибой слизала

кровь и выбросила тело на берег. Наглотался тогда до-сыта, чуть не утонул.

Да, чего только не пробовал, чтоб окоченевшую душу оживить: охоту, «бомжевание»... Казалось, прошлое срослось с ним навеки, и освободиться от него не хватало сил.

Но теперь Иван знал: кошмар в полёте был последним, и старик уже никогда не вернётся к нему. Новая жизнь проклёвывала скорлупу застарелых поражений и обид, откалывала кусок за куском былые страхи, ненависть, злобу. Он понял, что Катерина принесла ему счастье. Даже краски вокруг стали ярче, он вдруг увидел синие-синие глаза стюардессы и крупные капли пота на лысине с красными прожилками у впереди сидящего соседа. От восторга захотелось захлебнуться смехом до икоты, как в далёком детстве.

Рейс завершился сильным толчком от приземления. Во Внуково Ивана Семёновича уже ждала машина. В предрассветных робких лучах солнца, торопя время, Орлов ехал по окружной дороге. По пути, в цветочном киоске успел купить букет белых голландских тюльпанов.

Когда подкатили к даче, Иван Семёнович вышел из автомобиля и в нерешительности остановился у ворот. Ночных гостей люди пугаются и особо не милуют, а ведь он специально, записывая адрес, который ему диктовал по телефону Борис, просил свой приезд держать в секрете. «Нежданный, да желанный», – подумал Иван и набрал номер Катиного мобильного. После первого гудка услышал её сонный голос:

– Алло?!

Он поколебался, а потом ответил преувеличенно-обиженным тоном:

– Я под вашими окнами, сударыня, уже двадцать ми-

нут торчу. Открывайте двери! Продрог, промертвел до костей без вашей любви.

Да, Катя... это я.

ЭПИЛОГ

Каролин и Джеф поженились в середине апреля, церемония прошла в саду у его матери Магды, которая и оказалась единственным свидетелем обряда. Небольшая, обвитая плющом беседка стала алтарём. Священник методической церкви хорошо поставленным, вкрадчивым голосом, задав необходимые вопросы, провозгласил их мужем и женой, поздравил и, сославшись на неотложные дела, уехал. Всё к лучшему, – молодожёнам не нужны были ни гости, ни лишние расходы. После бракосочетания новоиспечённая свекровь обняла сноху, потрепала по щеке сына, дала им в руки коробку с тортом и проводила с добрыми напутствиями.

Сразу после женитьбы Джеф уволился из таксомоторной компании, арендовал большой трак и теперь колесил по всем Штатам водителем-дальнобойщиком. Каролин подолгу оставалась дома одна. Скучала по мужу, но понимала его желание заработать побольше денег. Она проработала у Наташи Ганиной меньше трёх недель, и по её совету поступила на юридические курсы для секретарей адвокатских контор.

Весна шла своим чередом, расправив крылья в майских грозах, заблаговременно передала эстафету жаркому лету. Наступил июнь. Джефу выпал случай везти груз во Флориду, и молодая жена, оставив все дела, отправилась вместе с ним.

Второй раз в своей жизни, через столько лет, Каролин проезжала через всю страну, с одного побережья на другое. Только, в обратную сторону. Придорожные знаки напоминали ей, как она убежала из дома, как стремилась найти своё место под солнцем, сколько

ошибок она совершила. Память вырывала забытые лица, события прошлого, но... не было печали. Она поглядывала на Джефа, тесно прижималась к нему и гладила его сильные руки, сжимавшие руль.

Поздним вечером трак нёсся с большой скоростью по пустынной трассе. Каролин задремала, прижав голову к окну. Вдруг ей показалось, что женщина в белом развевающемся платье стоит на обочине дороги. Лёгкий, призывный взмах рукой и силуэт пропал. Сколько ни убеждала она Джефа повернуть назад и подобрать заблудившуюся в ночи путницу, он упрямо доказывал, что это всё Каролин приснилось.

Но через несколько миль им всё-таки пришлось остановиться: в стороне от дороги, в кювете лежала перевернувшаяся машина. Джеф успел её заметить, резко затормозил и сдал назад. В один момент они оба с Каролин выскочили из кабины и побежали к месту происшествия. Только чудо спасло водителя, седоволосая женщина была жива и сквозь стон тихо звала на помощь.

Джеф, полулежа, стал расспрашивать её, где болит, сломаны ли руки, ноги. По кратким фразам потерпевшей выходило, что на скорости то ли колесо лопнуло, то ли что-то попало под днище, но машину развернуло, подбросило в воздух и выкинуло в кювет. Привязные ремни заклинило, и когда она очнулась, то не смогла самостоятельно выбраться. Боли большой в теле нет, но только всё ноет.

Ножом Джеф обрезал ремни и с предельной осторожностью вытащил её из автомобиля. До ближайшего посёлка было не так далеко, его огни разливали бледный свет по линии горизонта. Вскоре доехали до госпиталя, в приёмном покое женщине оказали первую помощь. Она благодарила Джефа и Каролин, даже

предлагала им деньги, на что получила отрицательный ответ. В общем, непредвиденное происшествие закончилось благополучно.

Фары трака рассекали светом ночь, отсвечивали жёлтыми вспышками от дорожных знаков. Каролин, откинувшись на сиденье, думала: «Женщина на обочине дороги ей не привиделась, это был чей-то дух, предупредивший о беде. Помощь, помощь всегда приходит, в том или ином виде».

Она положила голову на плечо Джефа и молча смотрела на россыпь звезд в небе. «Что это за созвездие? Напоминает перевернутую букву «М».

Дальнейшая импровизация на тему медового месяца оказалась более спокойной. Они добрались до Тампы и, сдав товары по назначению, решили прокатиться на старом трамвае в крохотный городок Ибор.

Прогулка в томных сумерках по улицам, где ютились многочисленные магазинчики и кафе, привела к старому ресторану «Коламбия». Его совладельцами были семьи Хернандес и Гонзмарт – выходцы из Испании, и содержали они своё заведение сто лет. О юбилее гласил огромный плакат над входом с профилями первых владельцев. Здание стояло на углу, на тротуаре были отгиски имён и фамилий знаменитостей, посетивших заведение за все эти годы.

Ко всему прочему, у «рестораторов» было подобие небольшого музея антикварной мебели и утвари, с гобеленами и картинами, завезёнными со всего света. Портреты и фотографии, личные вещи и письма в подсвеченных витринах рассказывали о жизни тех, кто когда-то, приехав на эти пустынные берега, сумел открыть бизнес и сохранить его в одних руках в течение столетия.

По традиции обеих семей один из сыновей продолжал ресторанное дело, другие отпрыски выбирали себе путь музыкантов, докторов, политиков, но, чем могли, все они свято поддерживали начатое предками.

Из распахнутой двери неслась музыка и звуки чечётки. Каролин и Джефа усадили возле сцены, на которой две танцовщицы страстно отбивали ритм фламенко. По совету своего официанта, после ужина и представления они отправились в кафе, где угрюмая девушка крутила на коленях гаванские сигары из лучших табачных листьев, а ещё варили настоящий кубинский кофе, и группа пожилых, если не сказать старых, музыкантов играла джаз. Кроме Джефа и Каролин не было ни одного посетителя. Увидев влюбленную пару, музыканты устроили целый концерт кубинской музыки. Седой негр виртуозно играл на скрипке и подпевал гитаристу.

От звуков кружилась голова. Каролин зажмурилась от удовольствия, даже закурила тонкую, только что скрученную дамскую сигару, предложенную ей хозяином уютной забегаловки и медленно пила кофе. «Счастье и состоит, наверное, вот из таких блаженных минут», – думала она. Только поздно ночью они вернулись обратно в Тампу.

На следующее утро после завтрака, ближе к полудню, Каролин и Джеф сидели на открытой террасе бара у морского причала. В порту стоял на якоре красивый, белоснежный круизный теплоход «Carnival Inspiration».

Они с любопытством смотрели вниз на толпу туристов, сбившихся стайками на причале, наслаждались лёгким бризом, потягивали холодную «Мимозу» и рассуждали на тему «хэппи ендов». По обыкновению, счастливый конец в фильме или книге вызывает ух-

мылку, а трагическая концовка заставляет переживать и размышлять о смысле человеческого существования.

Джеф накручивал прядь волос Каролин на указательный палец и вяло, но внятно отстаивал свою точку зрения: искусство хоть и отражение реальности, но человеку необходим конечный итог – счастье.

Спора, однако, не получалось: на него влюблёнными глазами смотрела жена и лишь иногда вставляла слова о необходимости страдать, дабы в полной мере прочувствовать любовь и оценить красоту жизни, людскую доброту. Джеф перепирался с ней как мог, и в итоге добавил, что у них с Каролин всё будет как в хорошем фильме.

В это время большая группа людей подходила к сходням теплохода. Среди них выделялась пара: молодая девушка в белых до колена брючках, коротенькой маечке и развевающейся фате, рядом с ней был крепкий, статный парень в шортах, с камерой наперевес.

Каролин отвлеклась от разговора с мужем и с интересом глянула на них. Но ей было невдомёк, что всего двадцать метров по диагонали от столика, где она сидела, отделяли ее от тех, кто знал Мариям. Но, как это часто бывает, с кончиной Мариям растворилось звено, исчезла возможность связать два разных мира, разных людей воедино.

А там, внизу, Катерина с Иваном и его двумя сыновьями толпились возле Борьки со Светкой. Позавчера ребята расписались в ЗАГСе и после поздравлений и шампанского сразу направились в аэропорт. Иван Семёнович был основным организатором авантюрного путешествия, но всё складывалось преотлично: без проволочек получили визы, никто не опоздал в аэро-

порт, всех гостей и родственников вовремя привезли автобусами.

Тридцать пять человек – целый клан, среди которых были: молодожёны, матери и мачехи, отцы и отчимы, родные дети и пасынки, приёмная девочка, дяди и тёти, главы крупных фирм и бывшие студенты, пожилые и молодые, – с нетерпением ждали новых приключений.

Людмила Аркадьевна поправляла лямки рюкзака на плечиках Люськи. Девчонка набила его до предела, и кончик любимой книжки о Золушке виновато торчал между молниями. Люська была на седьмом небе: перелететь через океан и оказаться на другой стороне планеты рядом с гигантским теплоходом – мало никому не покажется. В полёте она почти не спала, смотрела в иллюминатор и поела десерты, которые ей приносила стюардесса.

Сейчас же она переминалась с ноги на ногу от нетерпения, ей хотелось как можно скорее взбежать по сходням на эту махину, на палубу белоснежного океанского лайнера, исчезнуть в «пузе» огромного и покойно дремлющего на якоре животного. Лишь один вопрос волновал её в глубине души: куда унесли их небольшой чемодан с её потрясающим бледно-голубым атласным платьем, специально купленным для торжества.

Помнится, когда его извлекли из коробки, у неё голова пошла кругом. Оборки платья были оторочены воздушными кружевами, по вороту струились цветочки, а пышная нижняя капроновая юбка держала подол будто проволочная. Она тут же нарядилась и побежала взглянуть на себя в зеркало. Боже ж ты мой! – на неё смотрела маленькая принцесса. Людмила Аркадьевна ещё и туфли в тон взяла, с бантиками и

маленьким каблучком. Увидев, что багаж заносят на теплоход, девочка перестала переживать.

В это же время Катерина озиралась по сторонам в поиске своего младшего сына Сергея, он куда-то отошёл, и она начала беспокоиться. Заметив её волнение, Иван обнял жену за плечи и хитро повёл глазами вправо, где поодаль одна из Светкиных подружек кокетничала с Катиным сыном.

Наконец, настал момент, когда вся группа очутилась на теплоходе и разбежалась по своим каютам. У Ивана с Катериной была комната с балконом на одной из верхних палуб. На кроватях лежали свёрнутые из полотенец забавные слоники, на их хоботах были подвешены кульки с шоколадными конфетами. На столике стояло шампанское в ведёрке со льдом.

Треволнения дорог как-то сразу же отступили, и оба повалились от многочасовой дорожной усталости на постели. Катерина вертела полотенечного слона и вслух удивлялась свойству человека – создавать практически из ничего нечто интересное.

Вежливый стук в дверь персонального стюарда и его внятные объяснения, с повторением, где какую кнопку нажимать, заставили обоих хохотать от души. Ни Иван, ни Катерина особо не владели английским, но поняли, что от них требовалось. «Да, нам с тобой, Катя, далеко до молодёжи, которая «спикает» не замолкая и не спотыкаясь, – с лёгким сожалением посетовал Иван. – А ты заметила, какое великолепное фойе и бар рядом, всё продумано, просто отель на воде, а не теплоход». Катерина утвердительно кивнула в ответ и сказала, что струнный квартет на крошечной сцене у бара отлично играл Вивальди.

До выхода в море оставалось несколько часов. После обеда все пассажиры занимались учениями по эваку-

ации: услышав сигнал тревоги, со спасательными жилетами необходимо было пройти к выходу на палубу и очутиться у приписанной лодки.

От звука сирены становилось не по себе, Катя нервничала и, без помощи Ивана, вряд ли смогла бы сообразить: куда идти и что делать. Неуклюжая в спасательном жилете, она жалась к мужу, держала его за руку и думала, насколько хорошо умеет плавать и продержится ли на воде, если вдруг... вот это «вдруг» – страшило своей неизвестностью. Иван Семёнович подбадривал и советовал не переживать о том, чего ещё не случилось. С каким же облегчением Катерина вернулась обратно в свою каюту!

После тренинга к Орловым заглянула менеджер Марина, молодая женщина из Украины, ответственная за проведение свадебного торжества. Она увела их в банкетный зал, пышно декорированный экзотическими цветами и воздушными шариками. Официанты уже накрывали на столы, а в углу возвышался огромный свадебный торт. Иван с Катериной остались довольными.

Марина отдала им список с номерами кают и телефонов гостей, на всякий случай, если надо найти кого-то из родственников и друзей. Напоследок записала их на экскурсию в Тулум, в древний город майя, и посоветовала поплавать с дельфинами, если время позволит.

«Carnival Inspiration» дрогнул своим могучим телом и медленно вышел из дока. В просторе открытого океана он станет как бы отдельным государством, где слово капитана - закон. Так повелось испокон веков, так, наверное, и останется навсегда.

Вечером свадебное веселье выплескивалось из бан-

кетного зала в закатные сумерки, музыка кружила Бориса и Светку в первом вальсе, тосты перемежались шутками. Сам капитан теплохода поздравил молодожёнов и вручил специальный сертификат о бракосочетании в красивой золочёной рамке. Всё шло идеально. К двум часам ночи молодёжь унеслась на дискотеку, Люську с боем отправили спать, а остальные разбрелись, кто куда.

Следующие сутки прошли в замедленном действии - Катерина лениво лежала возле бассейна, дремала на солнце, ни о чём не думая, иногда наблюдала за облаками или прислушивалась к шуму моторов. Она ли стала журналы и чувствовала себя вполне хорошо.

Корабельный доктор дал им с Иваном специальные браслеты, которые таинственным образом помогали переносить качку, и это было своевременно - с выходом в открытый океан качка усилилась и грозила морской болезнью бедным пассажирам. Катю не тошнило, как некоторых; единственно, ей пришлось буквально учиться правильно ходить по раскачивающимся палубам и спускаться по лестницам. Иногда она возвращалась к себе в каюту и подолгу стояла на балконе, наблюдая за дельфинами, плывущими рядом с теплоходом. Иван же коротал время в бассейне или за шахматной доской.

К мексиканскому Косумелю подошли ранним утром третьего дня. На экскурсии отправились катерами до берега, а потом автобусами до Тулума. Катерина прочитала в одном из журналов, что город Тулум – одно из известных археологических мест на побережье штата Кинтана. В древности он назывался Зама, то есть «рассвет» на языке майя.

На пирсе туристов встречали современные индейцы майя в красочных костюмах, они и сопровождали всех к туристическим автобусам.

Есть особый стандарт у экскурсоводов: поздороваться, пошутить с тургруппой и начать рассказывать о достопримечательностях напыщенным тоном.

Но в Катином автобусе гид ни много, ни мало представился шаманом. От одного слова «шаман» люди в салоне напряглись и затихли. Катерина сидела одна на первом сидении, Иван устроился с сыновьями в хвосте автобуса.

Карлос-шаман с улыбкой посмотрел на неё, прищурился и гордо сказал:

– Я индеец майя. Думаю, вы все слышали о нашей цивилизации. Да, я тот, кто живёт на этой земле тысячи лет. В своих прошлых жизнях я был Великим Жрецом и предавал в жертву Богам людей, вырывал их горячие сердца и сбрасывал трупы с вершины пирамид. Я был в тех жизнях и... жертвой, из чьего сердца сочилась кровь на жертвенный камень, во имя неведомых, но почитаемых сил, а душа разрывалась от горя и гнева.

Словоохотливый шаман оглядел всех с прищуром, наслаждаясь реакцией своей новой аудитории, и продолжил:

– Я был всем... Ветром и морем, зерном, брошенным в землю и вырванным штормом деревом, с засохшими корнями. Но... теперь я здесь, с вами. И я расскажу о том, как великая цивилизация исчезла, не сохранив древней культуры, но сохранив язык майя. На примере Тулума вы увидите, что остаётся от цивилизации, когда собственный народ тысячами и ежедневно приносился в жертву... Руины...

Нельзя уничтожать людей, даже в угоду Богам. Да и Бог не нуждается в наших жертвах. Он нуждается в нашей любви.

Карлос остановился с победным видом, выдержал паузу и будничным тоном заявил.

– Мы подъедем к первой стоянке, где каждый, кто пожелает, может сделать себе собственный календарь майя на память, у нас есть умельцы, рассчитают и напечатают. Но у вас будет только тридцать минут. Тем не менее, этого достаточно, чтобы посмотреть и купить сувениры, перевести дух и попробовать настоящую текилу. Добро пожаловать в Мексику!

Последнюю фразу шамана окутал вздох облегчения бедных туристов. Чей-то возглас: «Ничего себе, хорошенькое начало!» – пронёсся по салону.

А Карлос сел на свободное место рядом с Катериной и сразу же спросил, откуда она приехала и чем занимается. Катя, от волнения, вначале отвечала ему односложно, путаясь в английских словах, а потом почувствовала какую-то лёгкость в теле и стала рассказывать шаману о России. Он внимательно её слушал.

Через час вереница автобусов остановилась. Возбуждённые туристы пробовали текилу из маленьких стаканчиков у порога магазина, слизывали соль с тыльной стороны ладоней, как показал им Карлос, чтобы снять горький вкус напитка. Рассматривали и покупали поделки местных умельцев. Кате понравилась голубая текила, сделанная из специального сорта кактусов, которые растут только в одном месте в Мексике. Шаман уговаривал её сделать календарь, но она наотрез отказалась, лишь купила небольшой, искусно вырезанный из камня. Как ни странно, Карлос постоянно был рядом с ней и Иваном.

Когда группа добралась до Тулума, у Катерины возникло чувство мистической связи с Карлосом. У неё было ощущение, что она понимает его и без слов, и что не зря этот человек появился в её жизни.

Катерина не замечала, как шла за ним по пятам, останавливалась впереди всех возле разрушенных временем храмов и построек, ловила каждое его слово в полном напряжении, будто хотела понять за историческими фактами что-то ещё, более важное для себя самой.

У стен одного из небольших храмов туристы расположились кружком, и шаман начал рассказывать старую легенду: «К этому храму приходили женщины с просьбой к Богам о зачатии ребёнка. Вход в святилище, видите, узкий и очень низкий, поэтому только на коленях могла будущая мать проползти к алтарю. На левом углу здания вырезана из камня голова Бога смерти, на правом – Бога жизни, и зачатие ребёнка зависело от них». Карлос вдруг замолчал и посмотрел вверх.

На голову животворящего Бога влезала игуана. Шаман что-то пошептал, протянул руку и позвал её, ящерица мигнула глазами и... сбежала к нему. Он прижал её к груди, стал бережно гладить ладонью её тельце: «Хороший знак, кто хочет ребёнка, у того появится здоровый малыш. Да... Можно о многом ещё говорить, пожалуй, все могут разойтись и самостоятельно походить по раскопкам. Если захочется, спуститесь с откоса к океану, там прекрасный пляж. Погода хорошая, шторма не предвещает. Обратите внимание – на центральном храме вертикальный каменный штырь с отверстием и рядом ещё один. В далёкие времена они предупреждали людей о подходе тайфуна. Когда усиливающийся ветер дул через эти дырки, они издавали звук, подобие свиста. Чем громче он был, тем сильнее мог быть шторм. Население успевало уйти за ограду города и спастись от непогоды. Вот так... через час встретимся на стоянке автобусов».

Карлос-шаман отделился от своих подопечных и направился по дорожке к вершине откоса, минуя древние развалины.

Катерина отказалась идти с Иваном и остальной группой, а поспешила за гидом, честно говоря, она сама не знала, зачем ей понадобилось идти за ним. В голове крутились слова, которые ещё не выстроились в конкретные вопросы.

Бодрым шагом шаман поднимался выше и выше по склону, теперь игуана сидела на его плече, мигала крупными выпученными глазами, иногда высовывая длинный язык. Катя догнала их уже на смотровой площадке, отдышалась, потом подошла поближе и встала рядом. Шаман отрешённо смотрел в сторону горизонта.

– Молчи! – неожиданно сказал Карлос, и будто плетью прошёлся по её спине.

Катю прошиб холодный пот, она замерла, и тут произошло необъяснимое; ощутила, как на неё словно набросили сверху прозрачный купол, и безбрежный океан, солнце, руины за спиной остались за его границей.

В образовавшейся капсуле существовали только Катерина, шаман и игуана. Страх болью подстегнул мышцы на ногах, и она плюхнулась на колени. В этот же момент, ящерица сползла с плеч Карлоса на его торс, цепляясь за штанину, добралась до земли и очутилась рядом с женщиной, села напротив и вперилась в неё бездонными глазами.

– Я чувствую присутствие души какой-то женщины. Она ушла в другой мир совсем недавно. Но у неё есть что-то важное для тебя. Ты увидишь в глазах игуаны её просьбу, Посмотри прямо в зрачки... сосредоточься и не моргай, – пугающим, тихим голосом сказал шаман. Как будто по его команде, ящерица тут же под-

ползла ближе к окаменевшей от происходящего Кате, осторожно забралась на её колени и подняла чешуйчатую голову.

Катерину засасывала зыбкая топь игуаньих зрачков. Вдруг она ясно услышала голос Мариям: «Отпусти меня... не держи. Нет твоей вины. Прости меня... и, прости себя». От неожиданности Катерина охнула, задохнулась от ужаса и резко мотнула головой. Наваждение исчезло, как и игуана. Куда успела ящерица так молниеносно сбежать, было непонятно.

Карлос потянулся к ней и легко приподнял, Катерина робко встала и вопросительно посмотрела на него. Его тёплая ладонь прикоснулась к щеке Катерины.

– Мои пальцы и кожа на ладонях как у младенца. Я не только шаман, я – хилер. Прикасаюсь своей душой к душе другого человека и даю успокоение. Я лечу болезни и провожаю умирающих в последний путь к небесам. Я могу слышать голоса ушедших и крики еще не рожденных. Мой дух стар...

Катя, затаив дыхание, слушала его. Карлос положил руку на её голову и прикрыл глаза.

В ушах у Катерины возник странный шум, он набегал волнами, увлекал в невероятный поток покоя и прозрения. Губы шамана шевелились, только не было слышно голоса, но она его воспринимала всем существом.

«Ш-ш-ш», – поднималась волна.

...Из глубины не подвластных нам Времён идёт к нам знание, что мы рождаемся у родителей, которых сами и выбираем. Многие страдают от глупого убеждения, что они родились у бедных родителей и не получили желанного.

«Ш-ш-ш-ах», – волна упала вниз.

...Но, когда ты решил, у кого ты будешь рождён, и с кем ты будешь жить, тогда ты, человек, мужчина или женщина, берёшь ответственность за этот выбор на себя.

Это было решение твоей души и духа, там, на небесах, для того, чтобы пройти опыт, который ты тоже сам для себя выбрал.

Тогда твоя семья – это самое лучшее, и лучше не может быть; тогда – ты в правильном месте и в правильное для тебя время.

«Ш-ш-ш-ш», – волна поднялась и скатилась в водоворот.

...Мы все имеем сакральные, священные договоры, составленные нашими душами. Их нельзя прочитать, можно чувствовать. Для их исполнения приходим на землю.

Кому-то дано их осуществить, а кто-то не способен. Вот тем приходится возвращаться снова и снова на эту грешную Землю.

«Ш-ш-ш-ах», – волна устремилась вперёд и забурлила кровью в жилах.

...Любое твоё прикосновение: сердцем ли, словами, рукой, поступками – становится орудием в изменении судьбы другого. Надо быть очень аккуратным и добрым, чтоб не навредить. Ты – женщина, ты можешь быть матерью и мачехой, дочерью и падчерицей, злобной ведьмой и мудрой супругой. Будь к себе добра, живи и твори с вдохновением каждый свой день. И помни: вся цепочка событий выбрана тобой самой,

все обстоятельства – ты создала. И если бы их не было, то мы бы никогда не увиделись. Значит, так надо было этой жизни, тебе и мне...

Катерина невольно жмурилась от непривычных слов, пытаясь всем сердцем и умом понять, что говорит ей шаман. Когда же он замолк, шум исчез. Она открыла глаза, солнце её ослепило. Шамана рядом не было, Катя стояла на краю откоса одна.

Иван первым заметил жену на стоянке автобуса, радостно огласил, что они едут на частный пляж, такси уже заказано. Ему захотелось провести остаток дня в этом удивительном крае только с ней. Катерина с отрешённым взглядом согласилась. Таксист оказался лихачом, не прошло и тридцати минут, как их встретил владелец пляжа и провёл к столику у самой воды. Два официанта уже несли подносы с разной едой и текилой. Не притронувшись к пище, Катя сбросила одежду, осталась в купальнике и зашла в тёплую воду. Широкими взмахами поплыла от берега, за ней последовал Иван.

Четыре часа до отхода теплохода они наслаждались уединением. На прощанье Катерина со всей силой метнула монетку в голубой прибой. Путешествие в Мексику заканчивалось, пора было возвращаться на корабль. Но Катя нет, нет, да ловила себя на одной мысли: «Станный, какой странный день»... В такие минуты она внимательно смотрела на мужа и понимала: если бы не её встреча с Иваном и замужество, никогда бы ей не встретить шамана, никогда бы не прикоснуться к мудрости старого индейца майя...

Белым плюмажем вода бурлила за винтом теплохода. Громкая музыка разбрасывала всплески радости по глади штиля. Теплоход, расцвеченный яркими огнями, шёл обратно к берегам Флориды. Круиз наби-

рал свою буйную, увеселительную силу. В этот вечер капитан корабля устроил огромный приём для всех пассажиров.

После банкета и бурных танцев, Катерина уснула сразу же, только во сне с её губ срывались странные слова: договор, сакральный, шаманские наговоры, прости, Тулум-Зама... Зама – это рассвет... а значит начало.

В утреннем тумане первые лучи солнца высветили женский силуэт. Он скользил по ряби воды безбрежного океана в развевающейся тунике, прощально и победно помахал рукой сидящему перед потухшим костром на берегу залива Карлосу-шаману и устремился в небо.

Дух Мариям растворился в необъятной выси.

«Свободна», – подумал шаман и запел свой поминальный плач, закрутился возле задутого кострища, вплетая в плач слова Знания, чтоб разлетелись они по миру зёрнами, взошли в растерзанных душах.

Вот о чём он пел...

Мир дышит...

Миллионы людей по обе стороны планеты, рождаюсь в этот мир или умирая, – одновременно делают вдох и выдох.

Вдох... выдох.

Жизнь... Смерть.

Плачешь, а за тысячи километров слёзы текут по щекам другого.

Если ты задыхаешься от гнева - кто-то ещё в этот же самый момент, невидимый для тебя, надрывно хватает воздух побелевшими губами.

В момент восхищенья ахнешь, глядя на простор
с вышины, и кто-то вместе с тобой, в ту же секунду,
вдохнёт ртом глоток свободы, почувствует единение
со Вселенной, восторг от жизни.

В волнах этого дыхания взрываются эмоции, бурлят
идеи. Крики переходят в шёпот, плач в смех...

В этом гигантском хоре вибрируют людские души,
сливаются в непостижимые ансамбли голоса радости
и печали.

Ты не одинок.

Санта-Мария (США)

2009 год